

Ксения Анзула

A woman with long dark hair, wearing a yellow and brown dress, is shown in a dynamic pose, aiming a bow. She is positioned in the center of the frame, with her body angled towards the left. The background is a vast, golden field of tall grass or wheat, illuminated by a warm, golden light that creates a hazy, atmospheric effect. The overall color palette is dominated by warm tones of gold, brown, and yellow.

Семь ступеней
Храма

Арина без пяти минут жена Стаса. Она — счастливая невеста, звездная личность, известная и многими любимая фигуристка, которая заслужила славу потом и кровью. Но в судьбу Арины вмешивается божественная сила, и девушка оказывается в Храме — месте, где проходят обучение хранители, архангелы, иниты и престолы. Арина больше не невеста и женой так и не стала, теперь она студентка на факультете хранителей, а Аврелиан — ректор Храма и ее личный кошмар!

Семь ступеней Храма

Ксения Акула

Поднебесье — великая заоблачная вселенная со своими правилами и порядками. Здесь существует четкая иерархия богов и прочих низших сословий, так или иначе принадлежащих горе Олимп.

Я — один из тех, кто нашел свое место в необозримом молочно-золотистом пространстве Поднебесья. Аврелиан первый Всемогущий — ректор учебного заведения для детей Олимпа.

По сути, мне принадлежит Храм семи ступеней — место, куда попадают души людей с божественной искрой, дом для хранителей, инитов, престолов и даже архангелов. Да, дети божественного Олимпа попадают ко мне наравне с остальными, но от этого столько проблем!

Архангелы — сильные и могущественные воины, которые семь лет обучаются в Храме и проходят подготовку в Межмирье. Они с самого начала знают, что в будущем им предстоит повелевать хранителями, поэтому держаться особняком. Предпочитают не общаться с инитами и престолами, хотя часто между первыми и последними происходят стычки.

В моих руках вспыхивает золотом пластина, на которой медленно проступают символы. Личная карточка нового ученика Храма — Майкла Гавра. От него предпочли избавиться на Олимпе, но причин мне не раскрыли. Я — всего лишь ректор Храма, для высших — незначительная ступень в иерархии. Я обязан подчиняться их приказам, чтить законы и выказывать почтение и понимание. Один неверный шаг и меня лишат дома, а, может, и жизни. Для высших это привычное дело.

— Аврелиан, архангелов всего пятеро, — в кабинет стремительным шагом вошел Робус — наставник инитов и мой личный адьютор. Единственный высший, которому я научился доверяться за энное количество лет. — Здесь личные дела.

На поверхность стола легли красивые золотые пластины, и каждая новая рассказывала о поступивших архангелах, но меня интересовал только один из них — Майкл Гавр.

— Тебе не кажется, что нам пора пополнить штат? — с ироничной улыбкой спросил я Робуса, пока он рылся в картотеке, дополняя дела своих адептов и рассортировывая диски по ступеням.

Много десятков лет назад Робус предпочел остаться в Храме, и я благодарен ему за это. Не так много вокруг меня настоящих друзей.

— Мне-то кажется, а что толку? — пожал плечами Робус, не глядя на меня. — Ты прекрасно знаешь, что ни один из высших по собственному желанию не останется на службе в Храме. Сколько раз мы пытались пополнить штат?

— Много, — кивнул я, перебирая золотые пластины с данными архангелов.

— Я уже разместил их в Стрельной, — кивнул Робус на светящиеся диски в моих руках, и я благодарно улыбнулся.

Стрельная — самая красивая часть дворца: галереи и комнаты, расположенные под центральным куполом. Лучи солнца подсвечивают хрустальные стены, обволакивая золотистым теплом спальни архангелов. Крылья помогают студентам подниматься и спускаться в Стрельную, а я часто наблюдаю, как их мощные белоснежные крылья рассекают воздух долины.

— Спасибо, Робус, — поблагодарил я адьютора кивком головы. — Что-то немного в

этом году архангелов с Олимпа, самый малочисленный факультет.

Робус только пожал в ответ плечами и собрался уходить, но я остановил его движением руки.

— Как себя чувствует Гавр? — спросил я, догадываясь, каким будет ответ.

— Плохо. Он не ест, отказывается от разговоров с целителями и снова пытался бежать. — Ответил Робус, наваливаясь плечом на дверной косяк. — Я не представляю, что заставляет его рисковать собственной жизнью.

— Как его крылья? — проигнорировал я вопрос, на который и сам не знал ответа.

— Опалил, — печально ответил Робус. — Не летать ему месяц, а то и больше. Хоть один из архангелов научиться пользоваться подъемником.

Я усмехнулся, отпуская адьютера и снова углубляясь в дело Майкла Гавра. Все архангелы попадают в Храм по достижению ими определенного возраста и по добровольному согласию. Те архангелы, что остаются на Олимпе, вынуждены влачить жалкое существование прихлебателей, не имеющих ни собственной цели в бесконечной череде дней, ни дела своей жизни. Мало кто выбирает подобный путь, но Гавр оказался из тех, кого в Храм сослали насильно. Он отказывался от еды и пытался бежать, но охранная система долины никого не выпускала просто так, без моего личного разрешения. Я не имел права отпускать Гавра на свободу еще семь лет.

— К кому же ты так рвешься? — спросил я безмолвную золотистую пластину с ровными столбиками символов — подробной информации о Гавре. Так считали те, кто ее составлял, я же видел только пустую болтовню. Где и в чьей семье родился, в каком году, какого числа, какую прошел подготовку, как начинающий архангел. С кем общался и дружил на протяжении жизни. И все. Ни личных интересов, ни привязанностей, ни характеристик. Ничего.

На поверхности стола материализовались еще несколько подобных дисков синего и белого цветов. Прибыли иниты и престолы. Этих всегда поступало в Храм во множестве. Иниты управляли стихиями, попадали в миры, как элементали и мощное подспорье богов, служили верой и правдой.

Мои кулаки непроизвольно сжались.

Храм семи ступеней придумала Злата — моя возлюбленная. В один страшный день иниты — те адепты, которых она воспитывала, ополчились против Златы и убили ее. Боги Олимпа посчитали это невозможным, и во всем обвинили темные силы Звезды, под светом которой родилась моя возлюбленная.

Многие годы я противился, как мог, тому, чтобы в Храм поступали новые иниты, но они все прибывали и прибывали. Богам с Олимпа плевать на мнение такого, как я, даже несмотря на мое божественное происхождение. Я принадлежал к высшим, но меня изгнали за несостоятельность. Как Злату... Как Майкла Гавра...

Я снова повертел в пальцах пластину со столбиками ровных символов, светящихся над ней. Этот парень вызывал у меня все больше симпатии, и я посвятил изучению дела архангела почти все утро, а вот с инитами разобрался быстро. Сгреб синие пластины и перенаправил их на стол Робуса. Он уже привык к этому, а с прошлого года я позволил Робусу стать полноправным наставником инитов, и вести их дела самостоятельно.

Оставались престолы.

Белые диски-пластины по мановению моей руки веером легли на стол. Личные дела пространственников пестрели безликими именами.

Престолы — ходовой товар.

Каждый слабый бог приглашал к себе на службу пространственника, который помогал строить порталы и переносить бога туда, куда ему нужно или просто хочется.

Престолы испокон веков вхожи и в богатые дома, но судьба у них незавидная: привязанные к своему хозяину, они не имели права покидать службу ради создания собственной семьи.

Чтобы престолы не вырождались, назначили содержание для тех, кто специально отбирался на роль отца и матери. За численностью престолов строго следили и не позволяли им вольнодумства. Большинство изгоев в Межмирье — это павшие престолы, и в какой-то степени я понимал их.

Даже имена престолом давались однотипные, обозначавшие принадлежность к той или иной ветви рода. Премиус, Секундус, Тertiус. Двадцать студентов и у всех одни и те же имена, кроме...

Я с удивлением рассматривал одну из белых карточек, на которой значилось очень красивое и необычное имя — Нобис.

«Ни одна из них, — перевел я мысленно символы. — Но родовых ветвей престолов только три, тогда, откуда она взялась?»

Сделав себе мысленную пометку лично познакомиться с Нобис, я перешел к самому своему любимому делу — отправился в крыло хранителей. Этим ребят лично я отбирал на свой самый многочисленный и самый популярный факультет. Мы со Златой — моей погибшей возлюбленной, любили хранителей, как собственных детей. Эти ребята, рожденные в мирах, принадлежащих богам, содержали в себе искру божественной души и зачастую проявляли такие способности, которыми их наделил высший.

Боги Олимпа презирали хранителей, но и боялись их. Многочисленные и талантливые, хранители могли объединиться и свергнуть любую силу, потому что в их руках сосредотачивалась самая чистая магия. Именно поэтому их никогда не пускали на Олимп, путь туда им заказан.

Хранители обучались семь лет, после чего возвращались либо в свои миры, либо в другие, как ангелы, как личные помощники людей и иных рас. Для этих ребят я всегда был не просто ректором, но и лучшим другом.

— Ректор Аврелиан! — поприветствовал меня Мелиор с лукавой улыбкой на губах — наставник хранителей и еще один выпускник Храма, который пожелал навечно остаться в его стенах, как и Робус. — Ты вовремя.

— Только не говори, что собираешься со старшими курсами за пределы Храма, — покачал я головой.

— Именно, — расплылся в широкой улыбке Мелиор. — Пойдем же. Ты совсем одичал в этих стенах.

Я обреченно закатил глаза. Мелиор не вырослел, сколько бы сил и стараний я не прилагал к этому процессу. Он распускал хранителей, позволяя им слишком многое, потакая прихотям ребят и считая, что нет ничего зазорного в веселье наравне с ними.

— Спасибо, Мелиор, но в последний раз облачный дракон поглотил меня, переварив в своем пустом туманном нутре и выпустив наружу только спустя сутки. Повторения подобного я не желаю.

— Другого ответа я от тебя и не ждал, — скис Мелиор.

— Как Арина? — успел я задать ему вопрос, прежде чем наставник скрылся за

поворотом.

— Ах, эта девчонка, — Мелиор махнул рукой в сторону женских спален. — Заняла самую лучшую комнату и сражается за нее, как самый настоящий архангел. Только меча ей не хватает и пары белоснежных крылышек. Ты уверен, что распределил ее на тот факультет?

В ответ я промолчал, на мгновение, прикрывая глаза и готовясь к новой битве. Арина действительно попала на факультет хранителей по чистой случайности. Я не желал ей подобной судьбы, но и отпускать ее в Межмирье не захотел. Ее родная сестра — Злата, содержала в себе частичку души моей возлюбленной, и я мечтал, что Злата согласится поселиться в Храме, узнав, кто ее ждет здесь. Но Злата отказалась, а Арина осталась в Храме, и я понятия не имел, что с ней делать.

Несколько ступеней к комнате Арины показались мне девятью кругами Межмирья.

— Вы! — крикнула она, как только я постучался и приоткрыл дверь.

Арина села на кровати, откидывая прилипшие пряди с лица. Она снова плакала.

Прежде чем я успел ступить хоть шаг, в меня полетела подушка, которую я ловко поймал одной рукой, складывая на стул (уже привык к подобным встречам). В прошлый раз Арина подперла им ручку двери, и я сломал спинку красивого стула, чтобы попасть к ней в спальню.

— Снова вы! — истерично вскричала Арина, сверкая покрасневшим взглядом, полным ярости. — Что на этот раз? Я отвергла ваше предложение учиться в Храме. Нет! Я не стану тратить свое время на учебу, чтобы по окончании служить неблагодарным людям!

— Успокойся, Арина! — попросил я девушку, поднимая ладони и стараясь говорить самым мягким и увещательным тоном, на который был способен.

Арина на мгновение потеряла дар речи, но после этого закричала с новой силой.

— Вы предлагаете мне успокоиться? Я умерла, но даже после этого не могу успокоиться, потому что именно вы помешали мне сделать это! Поверьте, Аврелиан, спокойствие — это то, чего лишиться это место, пока здесь я!

— Арина, давай попробуем договориться. — Снова сделал я крошечный шаг в ее направлении, не теряя зрительного контакта.

— Вы вернете меня домой? — спросила девушка дрогнувшим голосом.

— Нет, — покачал я головой. — Никто не сможет вернуть тебя домой. Смирись с той мыслью, что на Земле ты для всех умерла.

— Но это нечестно! Я выхожу замуж! — по щекам Арины потекли слезы, целый поток слез, который все не желал останавливаться. — Это вы во всем виноваты! В исчезновении Златы, в болезни отца и трагедии всей нашей семьи. Вы подумали о том, что будет с мамой и папой, когда они лишаться меня?

— Но они уже лишились вас, — мягко перебил я истеричный поток речи девушки.

— Нет! — закричала Арина, топая ногами. — Верните меня обратно! Иначе, — она затихла и всхлипнула, сжав кулаки. — Иначе я сделаю все, чтобы сказки про ад и рай стали явью. Угадайте, где отведено место для вас?

— Я всего лишь хотел поговорить. — Последний шаг навстречу девушке стал для меня роковым. Она закричала и схватила с тумбочки тяжелый талмуд, который полетел прямо мне в голову. Я не успел отреагировать на столь неуважительное отношение к собственной персоне и распластался безжизненным телом у ног Арины.

Глава I

Ангелы мести

(Арина)

Чтобы понять границы несчастья, нужно сначала прочувствовать его обратную сторону — умиротворение, гармонию и единение с любимым человеком. Я считала это безоговорочным счастьем, и я была счастлива!

Раз за разом, погружаясь в беспокойный сон, я видела свое прошлое, которое никак не желала отпускать, своего жениха, который так и не стал мне мужем.

Во снах мама улыбалась мне, и мы ходили по магазинам, выбирая ей наряд к свадьбе. Ночью я попадала на Землю, и истосковавшееся сердце оттаивало, переставало сочиться болью, а утром начиналось осознание того, как же мне плохо, как я несчастна. И эта пытка длилась изо дня в день.

Но сны больше не приносили облегчения, а мучили меня все больше и больше, лишая сил, забирая остатки самообладания, развеивая в прах надежду, которую я по крупинкам собирала в часы бодрствования. Утро отзывалось болью в каждой клеточке тела, и на глаза наворачивались слезы. Но эти слезы обжигали не болью, а ненавистью. Я так горячо ненавидела Аврелиана, что хотела только одного — мести.

«Он не имел права лишать меня выбора. Он отнял у меня Злату, Стаса, родителей и всю мою жизнь, когда мог подарить забвение...»

Я знала, что Аврелиан ошибся, но верила, что он все исправит. Он же бог, а боги всемогущи. Надо просто подождать, надавить, дать понять, что я не смирюсь с подобной жизнью, что Храм — это не место для такой, как я. Все это понимали, понимал и Аврелиан, но упрямо уговаривал меня успокоиться.

— Разве я могу? — спрашивала я себя, глядя в зеркало на тень той красивой девушки, от которой осталась одна оболочка.

Мелиору — наставнику хранителей — надоело со мной возиться уже через несколько дней. Он объяснял, что его драгоценный и ненаглядный ректор, которого Мелиор почитал, как единственного бога на Олимпе, хотел, как лучше.

«Как же, хотел он... Сделал так, как ему самому удобно».

Мелиор перестал навещать меня каждое утро и вести долгие беседы о Поднебесье и Храме, об учебе и светлом будущем каждого хранителя. Я плевать хотела на его попытки вытащить меня из черной депрессии, и молчала каждый раз, как он осмеливался нарушить мой покой. Сегодня Мелиор тоже не пришел, а я закрыла глаза и попыталась уснуть, потому что ночью не сомкнула глаз, опасаясь повторения кошмаров. Сознание затянуло туманом, а картинка, открывшаяся перед моим внутренним оком, ослепила обманчивым счастьем.

— Стас! Посмотри на эти крошечные цветы, разве они не чудесны? — спрашивала я любимого, протягивая ему букет нежных фиалок.

— У тебя все здесь чудесно, начиная от коврика, который постелили у входа в наше бунгало, и заканчивая туалетным мылом в виде сердечка. — С понимающей улыбкой ответил мне Стас.

Он принимал мои восторги, как должное, радовался тому, как я реагирую на каждую романтическую мелочь, а я благодарила его за снисходительные смешки и теплые взгляды. Мой любимый знал, как долго я ждала этого дня и как трепетно готовилась к нашей свадьбе,

продумывая каждую мелочь.

— Но цветочки действительно чудесные, — хмыкнул Стас, желая поддержать мой энтузиазм, — скажем отдельное спасибо организаторам за сочетание скатертей и живых композиций. Твоя мама не найдет, к чему придраться.

— Поверь, моя мама всегда найдет, к чему придраться, — закатила я глаза, но тут же расплылась в счастливой улыбке. Разве что в ладоши не захлопала, как маленькая девочка, любуясь банкетным залом, украшенным к свадьбе.

— Пора ехать, — сказал Стас недовольным тоном.

На его лицо набежала тень. Он не хотел тратить утро на то, чтобы ехать в аэропорт и встречать родителей, ведь столько еще нужно сделать, но тут уж ничего не поделаешь. Родители на то и родители, что за ними непременно нужно приехать и встретить лично, потому что такси они наотрез отказываются брать. И логики тут нет абсолютно никакой, просто, это родители. У большинства их друзей подобное повторялось из раза в раз.

— Ты справишься здесь одна? Я быстро, обещаю, — произнес Стас, подарив мне нежный поцелуй и долгие объятия.

— Конечно, — фыркнула я, обводя глазами открытую террасу, которую мы сняли для проведения церемонии. — Мари мне поможет, а ты езжай и встреть родителей. Остальные гости придут тем же самолетом, поэтому твое появление в аэропорту будет не лишним.

— А твои как же? — посмотрел на меня Стас, а я скисла, прикусив губу. Мама прилетит вечером, я уже купила ей билет, а вот папа. Удастся ли уговорить его лететь в такую даль ради свадьбы дочери? Вряд ли, но я все же надеялась, что у мамы все получится, и они прилетят вдвоем.

— Они будут вечером, — неуверенно ответила я Стасу, пряча взгляд, но тут же почувствовала крепкие понимающие объятия. — Мама уговорит отца, чего бы ей это не стоило. — Добавила я более уверенным тоном.

— Тогда, встретимся в бунгало через час, а сегодня вечером я перенесу тебя через порог, как свою законную супругу, и ты станешь моей! — горячо прошептал Стас мне на ушко.

Я повисла у него на шее, стараясь скрыть набежавшие слезы. Только Стас одним словом выводил меня из равновесия и делал абсолютно счастливым человеком.

— Иди! — подтолкнула я любимого, и он ушел, нацепив на нос солнцезащитные очки и помахав рукой на прощание.

Я оставалась одна. Стояла на горячем желтом песке, который ранним утром еще приятно грел ступни, а не обжигал их каленым железом, и смотрела на океан. Бирюзовые волны с тихим и мерным плеском накатывали на берег, оставляя после себя белую пену и танец мелкой гальки, а чайки парили в вышине, расправив крылья и опустив клювы в поисках добычи. Моя мечта сыграть свадьбу на тропическом острове превратилась в реальность, и сейчас радостный крик рвался наружу, выпуская на белый свет стайку розовых бабочек. Я закричала, закружившись на месте и распахнув руки навстречу собственному счастью. Я кричала так, как никогда, запрокинув голову к безоблачному синему небу, и все кружилась и кружилась, пока не упала на горячий песок. А потом начинался кошмар.

Вязкая и гулкая тишина напирала отовсюду, как черная туча на синий небосвод, захватывала и утягивала в белоснежный водоворот, слепящий нестерпимым светом. Я распадалась на молекулы, на атомы. Я летела сквозь время и пространство, понимая, что только что потеряла нечто важное, жизненно необходимое, но не осознавая, что именно. Я

кричала, но меня никто не слышал, я пыталась остановиться, но мчалась по световому тоннелю все быстрее, пока не взрывалась искрами.

— Арина! Арина! — хлесткий удар привел меня в чувство, и я резко села на постели, утирая рукавом сорочки пот, заливавший глаза. — Тебе снова приснился кошмар.

В горле от криков першило, видимо, я распугала своими истериками всех хранителей. Они уже не раз приводили сюда Мелиора, боясь входить без наставника в комнату «помешанной». Так меня называли девушки, поселившиеся рядом. Они уже жалели, что не выбрали другой этаж.

— Все хорошо, — прохладным тоном сказал Мелиор, поправляя подушку, чтобы я могла сесть. Он тоже устал от моих истерик, но не умел помочь или не хотел.

От слез пекло глаза, и я прижала ладони к лицу, чтобы немного прийти в себя. Стены новой спальни отрезвляли, каждый раз с особой изощренностью давая понять, что я в чужом для меня мире, в том самом мире, где никогда не желала оказаться. Я здесь, а Стас там, на Земле.

— Ненавижу, — зарычала я от бессильной ярости, ударяя кулаком Мелиора. Он стерпел, лишь сузив глаза и предупреждая жестким взглядом, что повторного удара не потерпит. Его ладонь легла на мое предплечье, и я дернулась, ощущая разницу температур. Моя кожа горела, его же казалось прохладной на ощупь.

— Уберите руки! — огрызнулась я на Мелиора, тоже сузив глаза. — Или я за себя не отвечаю.

Наставник хмыкнул, недобро растянув губы в надменной улыбке.

— А когда-то было иначе? — спросил Мелиор, отодвигаясь на достаточное расстояние и косясь на тумбочку.

Ну да, недавно я огрела Аврелиана по голове, и нисколько об этом не жалею, но адекватной меня сейчас трудно назвать.

— Ты снова кричала, — сердито сказал Мелиор, скрестив на груди руки. Рассвет за окном едва забрезжил, и я подозревала, что наставник сильно зол на меня за внеочередной ранний подъем. Его помятый, опухший и потрепанный вид свидетельствовал о том, что Мелиор лег недавно или вообще еще не ложился. Пахло от наставника соответствующе, и я подивилась тому, как Аврелиан распустил свой штат.

«Тут же Храм, а не питейное заведение!»

— Это не вашего ума дело, — процедила я сквозь зубы, взяв себя в руки. — Идите, куда шли.

Мелиор тяжело поднялся с моей постели и одарил меня очередным хмурым взглядом.

— Если не обратишься к целителю за настойкой от кошмаров, я насильно волью тебе ее в рот, — пообещал он мне зловеще.

— Только попробуйте, и я заменю ваш утренний настой помоями, — отчеканила я каждое слово, гордо вздернув подбородок.

Да, мое упрямство сломить трудно, а меня саму практически невозможно. Как бы плохо я себя не чувствовала, никто не имеет права указывать, что мне делать и как. Я сама решу.

— Какая ты милая, — ответил мне Мелиор, хмуря светлые брови и хлопая длинными белесыми ресницами. Во всем облике наставника присутствовало столько вульгарной сладости, что я всякий раз удивлялась, как он получил это серьезное и ответственное место. Тот же Робус, например, внушал уважение и даже страх, несмотря на схожую с Мелиором внешность. Светлые волосы и небесного цвета глаза делали одного похожим на сахарного

ангелочка, а другого — на падшего ангела.

— Уходите, — попросила я Мелиора. Именно попросила, а не крикнула, запустив в наставника подушкой, хотя очень хотелось. Но слыть помешанной не понравится никому, вот и мне не нравилось. Пусть я пока не могла совладать со своими эмоциями, но, рано или поздно, все изменится.

— Арина, у тебя час на то, чтобы привести себя в порядок. — Сердито сказал Мелиор, глядя на настенные часы. Они напоминали песочные, и я до сих пор не умела определять по ним время. — Вчера ты проспала вводные занятия, но сегодня я лично приду и прослежу за твоим появлением на лекциях. Семь лет тебе учиться среди хранителей, и придется налаживать контакты уже сейчас. Я бы посоветовал поторопиться.

Мелиор оглянулся уже в дверях.

— Мне жаль, что так получилось, Арина, — его голос напоминал сахарный сироп, но в глазах все еще разливалась усталость и ... сочувствие? Или мне просто показалось.

— Вы не увидите меня на лекциях, — пообещала я Мелиору, накрываясь с головой одеялом.

Пусть делают, что хотят, пусть всех богов Олимпа созовут в мою комнату. Но, пока не вернут за Землю или не добьют окончательно, я не желаю принимать участие в их планах.

Светлый праздник Солнца
(Аврелиан)

Торжественный ужин, посвященный первому учебному дню, проходил в центральном холле, украшенном по случаю божественными искрами и радужными каплями дождя, зависшими прямо в воздухе. Накануне отгремели негласные вечеринки старших курсов, и мы с Робусом выдохнули с облегчением. Никаких погромов, превращений и ненужной волшбы, все чин чином.

— Сегодня можно расслабиться, — шепнул друг, улавливая мое настроение, и опустился в высокое кресло за столом наставников.

— Можно, — отрешенно ответил я, глядя на возбужденных первокурсников. Этот праздничный ужин посвящался вновь прибывшим, и все внимание сосредоточилось сейчас на адептах, которые только в этом учебном году переступили порог Храма.

Зазвучал торжественный гимн Олимпа, и по хрустальным ступеням спустилась Уно, за которой шествовали архангелы. Как наставница, она восхищала меня своим умением находить с детьми общий язык, но в последнее время Уно слишком часто оказывалась рядом, и меня стесняло ее присутствие.

Адепты гордо прошествовали к своему столу, не глядя по сторонам, а вот к ним обратились все взгляды, восхищенно провожая архангелов и перешептываясь за их спинами.

Архангелы — это гордость Олимпа, а даже хранители, которые являлись всего лишь воплощением божественной искры, благоговели перед своими собратьями. Я же смотрел на одного-единственного архангела — Майкла Гавра. Он сосредоточенно хмурился и шел, словно не понимая, что происходит вокруг, погруженный в собственные невеселые мысли. Руки сведены за спиной, плечи расправлены, а губы сердито поджаты — совершенно не похож на того беззаботного юношу, которого я видел на смазанных снимках в его информационной пластине. Окруженный друзьями, Гавр походил на одного из беззаботных архангелов — любимчиков Олимпа, сейчас же он напоминал мне сжатую пружину, готовую раскрыться и нанести удар первому, кто попадет под «горячую руку».

«Необходимо назначить Гавру индивидуальные занятия», — отметил я про себя с какой-то обреченностью.

Меня не воодушевляли подобные встречи с адептами тет-а-тет довольно давно, и теперь я лишь отметил необходимость, на мгновение, закрывая глаза и устало вздыхая.

— Как же это волнительно, — прошептала Уно, оказываясь рядом и занимая отведенное ей место. Робусу она снисходительно кивнула — показала, что он ей не ровня, и мой друг скривился в ответ, как от вкуса горького настоя. Да, я прекрасно знал, что отношения между наставниками весьма натянутые, но ничего не желал предпринимать. После смерти Златы, моей единственной возлюбленной, весь мир окрасился в серые тона, и дело всей нашей жизни больше не приносило мне ни радости, ни вдохновения.

— Обычно, — коротко ответил я Уно, и она нахмурилась, сцепив перед собой пальцы. Спина ее выпрямилась, лицо заледенело. Уно продолжала улыбаться, но я чувствовал, что ее настроение испорчено, и Робус это понял, закатив глаза и демонстративно отодвигаясь от нас обоих подальше. Уно бывала невыносимой, когда желала показать другим, насколько ее мнение важно учитывать при общении с ней. Я не учел и обязательно за это заплачусь.

Торжественный гимн грянул во второй раз, и на хрустальных ступенях показался Мелиор, облаченный в парадную розовую мантию. Я не сдержал удивленного восклицания, на мгновения «теряя лицо» и приоткрывая рот, а вот Робус хищно оскалился, презрительно скривившись.

— Это ты посоветовал ему так вырядиться? — спросил я друга, угрожающе нахмурившись.

Несмотря на наши совместные возлияния, я не потерплю подобного. Робус прекрасно знал, как важно не ронять авторитет наставников перед лицом адептов, но постоянно провоцировал Мелиора на хулиганские выходки. Как мальчишки, хотя обоим не одна сотня лет.

— Он проспорил, — процедил Робус сквозь зубы, не поворачивая ко мне головы. — Ему идет, — добавил он каким-то надтреснутым голосом, и я понял, что Робус едва сдерживает смех.

Вернув внимание хранителям, расположившимся за круглыми столиками, я увидел их счастливые глаза, радостные улыбки и предвкушение, сквозившее в каждом нетерпеливом движении и в мимике их светлых лиц. Эти дети — божественные искры — никогда не побывают на Олимпе. Им суждено вернуться туда, откуда они прибыли, в миры, созданные богами. Хранители искренне радовались каждому прожитому дню в Поднебесье, и сейчас на лицах адептов, завершающих седьмой год обучения, застыла скорбь. Восходя на последнюю ступень Храма, они понимали, что отведенное им здесь время заканчивается.

Мелиор с широкой улыбкой на лице прошествовал к столу наставников и замер напротив меня. С его лица сошли все краски, и одними губами он прошептал «Арина». Я скрипнул зубами, понимая, что девчонка заперлась наверху и не пожелала принимать участие во всеобщем веселье, а Мелиор знал, что расплата от меня неизбежна. Он — наставник, значит, не имеет права на ошибку.

Кивнув Мелиору, я еще раз посмотрел на хранителей, примечая каждую светлую макушку, каждый темный загибок и каждую рыжую прядь. Арина действительно пренебрегла уставом Храма, не явившись на торжественную церемонию, посвященную и ей в том числе. Она презрела непреложный закон Олимпа, а за ее отсутствие на празднике держать ответ предстоит именно мне.

Скрипнув зубами, я мысленно обратился к девчонке, еще памятуя о ее метком ударе. Высшим не так-то просто причинить физический вред, моя гордость пострадала больше, и я не собирался прощать девчонке ее поступка.

Пока Медея — наставница престолов — вела своих адептов вниз по хрустальной лестнице, я пытался достучаться до сонного сознания Арины. Она явно спала, либо пребывала в полусне, и мне не с первой попытки удалось получить от Арины внятный ответ.

«Сейчас же спускайся в холл!» — вторгся я в ее сознание.

«Выметайся из моей головы!» — последовал ответ Арины, и я ощутил такую волну гнева и чистой ненависти, что на мгновение мне стало плохо. Перед глазами задвоилось, а во рту появился металлический привкус крови.

Ни для одного высшего ненависть в чистом виде не проходит бесследно. Кого-то можно убить одним лишь взглядом, в котором сосредоточилось столько кристальной злости, и Арина, сама не подозревая того, спровоцировала жуткий приступ боли, скрутивший меня до прокушенной губы.

«Поднимись ко мне в кабинет!» — приказал я Арине, не желая уступить девчонке.

Она даже не божественная искра, она попала сюда случайно, а уже доставила мне массу проблем. Если в ближайшее время я не найду общий язык с Ариной, отправлю ее в путь забвения. Пусть распадется на атомы, бесследно исчезнет в бесконечной тьме.

Я чувствовал, как Арина буквально кипит от злости, и боролся с очередным приступом боли, скрутившим мои внутренности.

«Это не поможет избежать моего голоса в твоей голове», — произнес я более миролюбиво, едва не задыхаясь от спазмов, судорогой схвативших горло.

Если кто-то из адептов смотрел на меня в данный момент, то явно недоумевал, что происходит с ректором и отчего он так забавно морщится.

— Твоя речь, — подтолкнул меня Робус, кивком головы указывая на хрустальные ступени. Они пустовали, значит, все адепты первого курса заняли отведенные им места, и настало время для торжественной речи.

Я поднялся, сглатывая солонатовую на вкус кровь и призывая все свое самообладание, чтобы не отправить в путь забвения Арину прямо сейчас, одной лишь силой мысли. Она лишь человек, справится с ней не составит труда для высшего, коим я являюсь.

— Храм открывает для вас двери к знаниям, хранители, престолы, иниты и архангелы. — Я намеренно переставил слова местами, наблюдая реакцию Уно. Наставница архангелов еще более выпрямилась, становясь похожа на статую, и я злобно усмехнулся, а Робус осуждающе покачал головой.

«И кто ведет себя, как мальчишка?» — говорили его глаза, направленные на мое лицо.

— Семь лет вы будете самыми желанными гостями в Храме и во всем Поднебесье. На ваши успехи надеется каждый наставник и в том числе я — ректор этого светлого заведения — Аврелиан первый Всемогущий.

Робус спрятал ухмылку, а я жестко посмотрел на его кривляния. Непреложный закон Олимпа — при любом удобном случае показывать, кто и кем является. Я — высший, а адепты — всего лишь шестеренки огромного и великого механизма. Незначительные и, в то же время, весьма важные.

Шквал аплодисментов ознаменовал конец первого учебного дня и начало светлого праздника Солнца. Чудесное явление, которое случалось только раз в году, решили приурочить к торжественному чествованию адептов, впервые вошедших в двери Храма.

Наставники поднялись со своих мест, жестом призывая адептов к молчанию, и снова грянул гимн, раздражая меня монолитными басами, от которых гудело в голове, и по всему телу проходили волны вибраций.

— Выводи своих первыми, — напомнил я Уно, но женщина даже не повернула ко мне головы, горделиво приподнимая подбородок, и я смирился, снова наплевал на правила и субординацию, халатно позволяя празднику идти своим чередом.

Скрыться бы сейчас в своем кабинете от всех этих взглядов, но разве это возможно? Став ректором Храма, мы со Златой возложили на себя такие обязанности, которые не каждому высшему под силу, и теперь я чувствовал, что меня придавливает к полу плитой разочарования и скуки.

Семь ступеней Храма сияли золотом в лучах солнца, и зрелище это завораживало, не оставляло равнодушным даже меня. Адепты высыпали на первую ступень, смешавшись между собою, а наставники осыпали первогодок лепестками золотника, который распускался в утро Солнечного дня. Хранители, престолы, иниты и архангелы смеялись, забыв о том, что все они стоят на разных ступенях иерархии. Сегодня все они равны и

счастливы. Так я думал, пока не наткнулся на мрачного Гавра.

Парень сидел на парапете, наплевав на остальных. Рядом с ним расположилась и моя головная боль, ковыряя носком черной туфельки выщербленную поверхность пола. Ее яркие волнистые кудри спускались по плечам, закрывая от меня лицо, а длинные пальчики сплелись между собой, упав на подол зеленого форменного платья. Арина все же спустилась, соизволив нарядиться в цвета своего факультета, и я облегченно выдохнул. Не придется отправлять ее в путь забвения, как бы сильно мы оба этого не хотели. Уверен, Арина предпочтет сгинуть во тьме, чем учиться в Храме. Ее упрямству позавидовали бы и боги Олимпа.

— Ты сегодня не веселишься, как обычно, Аврелиан, — подошла ко мне Уно, прикасаясь ладонью к плечу. Ее ледяная маска сменилась приветливой улыбкой, и я понял, что буря прошла стороной.

— Архангелов с каждым годом пребывает в Храм все меньше, — поделился я с Уно, которая красивым жестом убрала с плеч каскад золотистых волос. Как всегда прекрасная, она больше остальных своим ликом напоминала высшую.

Уно, рожденная на Олимпе, стала той счастливицей, которую миновала участь большинства престолов. Воспитанная в семье сильных богов, она предпочла пожизненное заключение в Храме службе пространственника, и ее решение благосклонно приняли.

— Ты должен беспокоиться не об этом, Аврелиан, — произнесла Уно, продолжая своей ладонью чертить на рукаве моей мантии круговые узоры. Она думала, что ее прикосновения волнительны, но они давно меня не трогали. — С Олимпа пришли дурные вести об одном из архангелов... — Уно перешла на шепот и нахмурила золотистые брови. В ее синих бездонных глазах сверкнула искра ненависти, исказив облик прекрасной женщины. — Майкл Гавр считается зачинщиком бунта против высших.

Я усмехнулся, внешне ничем не выдав собственных чувств.

— Оставь, Уно, — покачал я головой. — Гавр всего лишь юноша. В таком возрасте ни один архангел не способен на серьезные проступки. Его наказали за глупость, совершенную под действием обиды, не более того.

Я врал, и злость во мне набирала обороты.

«Почему Уно известно то, чего не известно мне? Что она знает об этом парне, в чьем личном деле нет ни одного разумного слова?» — проносилась в голове череда болезненных мыслей, от которых стучало в висках.

К сожалению, Уно изучила меня достаточно хорошо, чтобы разгадать ту гамму чувств, что отразилась на моем лице.

— Я могу тебе рассказать, — прошептала она томным голосом. — Наверху, в твоём кабинете.

Ее рука прохладной змейкой заскользила по рукаву к груди, и я застыл, сцепив зубы и скрипнув ими от досады.

— В мой кабинет только что поднялась студентка из хранителей. — На этот раз предлог для того, чтобы избежать очередной неудобной ситуации, нашелся простой. Увидев нас с Уно, Арина сделала какие-то свои выводы и спрыгнула с парапета, бегом преодолев все семь ступеней Храма. Она не оглянулась, с легкостью открыв огромные золотистые ворота, ведущие в сам Храм. Я знал, что Арина поднимется в мой кабинет, чтобы раз и навсегда решить вопрос с ее пребыванием здесь.

— Уно, пусти, — мягко попросил я женщину, которая вцепилась в меня обеими руками,

жадно притягивая ближе к себе. Ее алые губы призывно изгибались в манящей полуулыбке, но я оставался равнодушен, как внешне, так и внутренне. — Мне нужно срочно поговорить с Ариной.

— Ах, с этой, — Уно презрительно скривилась. — Еще не наигрался с человеческой девчонкой? Когда ты уже решить, что с ней делать?

— Сейчас и решу! — бросил я Уно, отворачиваясь от ее прекрасного лица. Жаль, что только лицо в этой женщине оставалось прекрасным.

Неожиданное решение одного высшего
(Аврелиан)

Глядя с высоты галереи на то, как проходит светлый праздник Солнца, я не мог не вспомнить о Злате. Вернее, я не забывал о ней никогда, но в этот момент особенно ярко увидел, как она стоит на ступенях Храма, и с ее ладоней слетают листья золотника, осыпая головы адептов. Она смеется, запрокинув голову, и звонким девичьи голосом поздравляет каждого, кто обратит к ней взор.

Только моя любимая радовалась светлому празднику Солнца больше самих адептов, потому что радовалась любому, кто приходил в Храм, отдавая всю себя без остатка. Так она делала и в любви.

Сердце сжало ледяной рукой, и я задохнулся, отворачиваясь от окон и замирая, чтобы перевести дыхание, чтобы сосредоточиться на настоящем, чтобы напомнить себе, как много у ректора неотложных дел, но жалящие мысли так и роились в голове, норовя причинить боль.

Именно Злата придумала сделать Храм местом обучения детей Олимпа, хотела доказать родителям, что и богиня, рожденная во тьме, способна на самые светлые дела. Злата любила всех одинаково, а ее почитали, как высшую, как достойную не только любви, но и уважения. А теперь здесь остался только я, давно перестав считать Храм своим домом, убежищем, отдушиной. Я всем сердцем и всей душой ненавидел эти тюремные стены, мечтая сровнять их с землей.

По лестнице дробью застучали чьи-то каблуки, и мне пришлось поспешно ретироваться. Ректор, убегающий от случайного или намеренного посетителя — жалкое зрелище, но меня давно перестали волновать подобные мелочи.

Арина стояла в самом конце открытой галереи, сцепив на груди руки и глядя прямо перед собой. Из распахнутых настежь окон лился теплый солнечный свет, который играл бликами в ее рыжих волосах. Только одним она походила на свою сестру — цветом волос. Но у Златы рыжие локоны прямыми мягкими прядями спускались до талии, а у Арины завивались крупными кольцами, едва касались лопаток. Первая — лишь бледное отражением второй. Яркая красота Арины и спокойная неброская внешность Златы создавали неоспоримый контраст в пользу первой. Мало того, Арине досталось упрямство, рассчитанное на двоих, несгибаемая воля и невыносимый характер, а мягкостью, стеснительностью и доверчивостью она вволю поделилась с сестрой.

— Вы долго, я замерзла здесь стоять, — сухо произнесла Арина, повернув ко мне голову и горделиво вздернув подбородок. Ее пухлые губы искривились, стоило мне приблизиться, а в глазах появился металлический блеск, предвещающий мне новые агонизирующие пытки, поэтому я первым отвел взгляд.

— Поговорим в моем кабинете, — уставшим голосом позвал я Арину, мечтая поскорее остаться в полном одиночестве. С завтрашнего дня начинались занятия, и часть бумажных дел все еще ждала своего часа, а я едва справлялся с желанием послать все к демонам в Преисподнюю.

Сегодня волшебная ночь, пронизанная солнечными лучами, но я не чувствовал ничего, кроме иссушающей скуки.

— Арина, — поторопил я девушку, чья хрупкая фигурка освещалась мириадами божественных искр, скопившихся подобно светлячкам в арках перехода. В ректорскую башню вел темный провал-вход, куда Арина не спешила ступить.

Мысленно махнув на нее рукой, я открыл дверь и ступил на мягкий ворс ковра, мечтая скинуть обувь и пройтись по нему босиком. Хроническая усталость давила на меня со всех сторон, заставляя стены дрожать и сужаться, и широкое мягкое кресло возле стола показалось единственным местом, где я хотел провести остаток вечера и ночь.

Арина решительно перешагнула порог моего кабинета и застыла изваянием возле книжных полок. Справа от нее возвышался пыльный архив, и Арина медленно повернула голову, изучая многочисленные фамилии на дисках, закрепленных в ячейках. Она явно не спешила отправиться в путь забвения, хотя я приготовился к худшему: истерикам, метанием в меня особо острых и тяжелых предметов, крикам и слезам.

— Странно, — выдал я собственные мысли вслух, но она даже не дернулась, продолжая стоять, сцепив на груди руки.

— И что же вас так удивляет? — наконец, спросила Арина, видимо, дочитав первый ряд и не дотягиваясь взглядом до следующего. Медленно повернув ко мне лицо, она снова презрительно поджала губы.

— Твое спокойное состояние, — честно признался я девушке, стараясь понять, что нас ждет дальше. В ее присутствии нужно быть готовым ко всему.

Арина вскинула золотистые брови и медленным шагом прошла вдоль книжных полок, бесцельно пробегая глазами по корешкам книг. Я заморожено следил за каждым ее движением, неосознанно любуясь тонкой талией, высокой упругой грудью, обтянутой шелковой зеленой тканью платья, стройными ножками, округлыми плечами и хрупкими кистями рук. Всего лишь человечка без божественной искры, не дитя Олимпа, не полукровка, но статью и красотой поспорила бы с любой высшей. Это удивляло, завораживало, заставляло меня оттягивать с крайними мерами и непоправимыми действиями.

— Я пришла, чтобы получить от вас то, чего хочу, — непримиримо заявила Арина, останавливаясь напротив моего стола. Ее пронзительный взгляд жалил, причиняя ощутимую физическую боль, столько злобы и ненависти ко мне она скрывала в себе, и я старался не кривиться и не кусать губы, сдерживая порыв вытрясти из Арины душу. На ее лице читалась пламенная решимость, а в воздухе улавливался запах огня. Арина не боялась меня, а ее желание отомстить, будь девушка высшей, давно бы материализовалось и прибило меня к полу чем-нибудь смертоносным.

— И чего же ты хочешь? — без тени улыбки спросил я Арину, не желая провоцировать ее гнев, хотя мне и хотелось рассмеяться. Прямо ей в лицо. Земная девочка получила возможность оттянуть неизбежное, без божественной искры попала на факультет хранителей, получала доступ к божественным знаниям, но этого ей было мало.

— Повидаться с сестрой, — тихо ответила Арина, и ее голос дрогнул, дрогнула и моя маска равнодушия. Тяжело вздохнув, я перевел взгляд на гладкие воды озера, в котором отражались блики солнечных лучей.

Моя любимая знала бы, что сказать девушке, которая потеряла себя и не видит, ради чего ей жить дальше. Злата сама когда-то не понимала, ради чего ей дана бесконечность. Ее отвергли родители, сослав в долину Поднебесной и создав барьер из непроходимых гор. Выбраться отсюда мог только тот, кого ждали обратно на Олимп, а Злату никто не ждал.

Она не могла создавать миры, пока я не появился в Поднебесной и не подарил ей этот шанс.

Мы вместе создали наш первый и единственный мир — Аврелию. Мы населили его людьми, хранителями, демонами, эльфами и магами, одарив зеркальным отображением самой Поднебесной. Много позже Злата придумала переделать наш дом в Храм.

И вот теперь я смотрел на гладь озера — портал в Аврелию, не зная, что сказать Арине.

— Портал закрыт и не в моих силах его распечатать, — соврал я, не решаясь причинить Арине большей боли, рассказав правду. Ее сестра не захотела покидать Аврелию из-за предстоящей свадьбы с демоном. Злата так сильно погрузилась в реалии нового для нее мира, что позабыла обо всем остальном, либо обида на Арину так глубоко засела в ее душе, что она не смирилась с ней, закрываясь от сестры навсегда.

— Она не могла, — зло выпалила Арина, сцепив кулаки, в которых смяла шелковую ткань платья. — Только не она.

— Я могу показать тебе нашу встречу, — спокойно ответил я Арине, боясь, что она не поверит мне и совершит очередной опрометчивый поступок. — Проекцию, воспоминания, — пояснил я, глядя в недоверчивое лицо девушки.

— Нет, — резко ответила она, вскинув руку и пряча в теплой ореховой глубине закипающие слезы. — Мы думали, что Злата умерла, убита и закопана маньяком или утоплена в реке. Мы искали ее все эти годы, а она... Папа слег из-за ее смерти, они с мамой совсем перестали общаться. Вы разрушили нашу семью.

Арина говорила медленно, но гневно, в промежутках между словами стискивая зубы и сжимая кулаки. Ее лицо полыхало, словно в камине горело жаркое пламя, а я снова молчал. Глядя на нее, у меня пропадало всякое желание отправить Арину по пути забвения. Я бы и сам не смог ответить на вопрос, почему так хочу, чтобы она осталась, чтобы сама решила жить дальше, жить здесь, со мной.

«Остановись», — приказал я себе мысленно, тряхнув головой и сбрасывая с себя наваждение. Просто, Арина казалась слишком живой — чистый источник ярости и кипучей злости, а любое новшество прогоняло опостылевшую скуку, от которой я и сам покрывался слоем пыли, как архивы Храма.

Объяснив самому себе странные желания, рождавшиеся во мне в присутствии Арины, я расслабился и откинулся на спинку стула.

— Когда же мы увидимся? — спросила Арина, устав ждать моей реакции и видя, что я не собираюсь раздувать конфликт из ее обвинений.

— Ты не сможешь увидеть Злату в ближайшее время, твоя сестра учится в магической академии Аврелии, — спокойно ответил я Арине.

— И она тоже? — поджала Арина губы, тут же вскидывая золотистые брови. — Ее вы тоже заставили?

— Нет, — я в очередной раз мысленно проклял тот день, когда божественная искра моей любимой зародилась в теле Златы — младшей сестры Арины. С появлением одной, я получил и другую.

— Нет, — глухо отозвалась девушка, прикусывая губу.

— Вы сможете увидеться, если ты согласишься начать обучение в Храме, — подтолкнул я мысли Арины в правильное русло.

Девушка хмыкнула и сложила руки на груди, снова закрываясь от меня.

— Вы сами сказали, что мне не справиться с программой хранителей. Они обладают даром с рождения, особым даром, которого мне никогда не получить.

— Искрой, — кивнул я на слова Арины. — Но выход есть и в твоём случае.

«Остановись!» — в очередной раз приказал я себе мысленно, но не смог вовремя прикусить язык.

— Я могу поделиться с тобой своей собственной искрой, — сказал, до конца не осознавая, что творю. Речь шла о пути забвения, о бесконечной тьме, которая с радостью поглотит Арину, но вдруг я предлагаю ей свою искру.

— Что? — Арина вмиг растеряла весь свой гнев, удивленно приоткрывая красивый ротик. — Что вы сказали?

— Мы проведем обряд деления божественной искры. Во мне столько света, что хватит на десятерых высших, а хранителю достаточно и сотой доли, — процедил я сквозь зубы, глядя прямо перед собой. Смотреть на Арину и видеть, как недоверие на её лице смешивается с пониманием, не хватало сил. Я трепетно ждал её решения и не верил, что способен так волноваться.

«Из-за кого?»

— Я согласна. — Спустя какое-то время ответила Арина. — Но, будьте уверены, Аврелиан, как только я найду способ вернуться обратно — я вернусь! — громко добавила она, вздернув подбородок и решительно направляясь к двери. Она поставила точку, и именно Арина закончила наш разговор.

— Робус, — позвал я адьютора и лучшего друга по ментальной связи. — Проводи своих адептов в общежитие и поднимись в башню. Да, прихвати с собой бутылку янтарного.

— Все так плохо? — тут же отозвался Робус, и его голос наполнился пониманием, звуча так, словно он сам стоял рядом со мной. Я даже представил, как Робус понимающе усмехнулся. — Буду в течение часа. Не рассыпсья там в прах за это время.

«И не собирался!» — мысленно ответил я Робусу, отключаясь от ментальной связи и проклиная свою привычку держать напитки в спальне. Мне бы не помешала прямо сейчас порция крепкого янтарного.

Я прикрыл глаза, погружаясь в невеселые думы, от которых никак не получалось избавиться. Забыть приходило с последним глотком янтарного в бутылке или с крепким сном, о котором я мог только мечтать. Остальное время я посвящал тому, чтобы раз за разом прокручивать в голове события прошлого: далекого и не очень.

Появление в Храме Арины всколыхнули во мне горечь, оставленную отказом её сестры Златы. Я видел искру моей любимой, я жаждал объединиться с ней, снова почувствовать её тепло, но... Злата попала в Аврелию и встретила демона, который и стал её судьбой, а мне досталась вздорная и взбалмошная девица, которой я вдруг нанялся в няньки. И не просто в няньки, я предложил ей собственную искру.

Такого прецедента ещё не случалось среди высших.

— Если уж отличаться от богов, то во всем, — хмыкнул я, шаря по кабинету глазами в поисках капли горячительного.

Я уже составлял план того, как раздобыть янтарное, не поднимаясь из кресла, но Робус бесцеремонно толкнул дверь, заявляясь на порог с тремя запотевшими бутылками тёмного стекла.

— Ты вовремя, — только и сказал я ему, доставая из ящика стола бокалы. — Я уже собирался отлевитировать бутылки из собственной спальни.

— Это зрелище позабавило бы адептов, — хмыкнул Робус, присаживаясь напротив. — Ну, рассказывай, что там с девочкой? Не рассеял?

— Нет, — покачал я головой. — Предложил поделиться божественной искрой.

Робус не подавился напитком только потому, что еще не успел его пригубить, но выражение его лица говорило о многом.

— Трех бутылок будет маловато, — сделал он вывод, — вызывай Мелиора. Как бы я не относился к этому болвану, пить он умеет, и запасы его янтарного гораздо богаче наших.

Интриги хрустального дворца

Ночь разогнала адептов по спальням, оставляя коридоры дворца, галереи, открытые террасы и комнаты общего пользования опустевшими. В Сумрачном холле, где недавно веселились первокурсники, погасли божественные искры, а потемневшие от времени металлические держатели факелов бросали яркие блики на хрустальные стены. Магическое пламя шипело, но не накаляло металл, и рука обхватывала держатель, ощущая приятное тепло, разгоняющее стылый холод в венах и посылая приятные импульсы до самых кончиков пят.

По сахарному мрамору плит на полу танцевали мириады сориннок-звездочек — серебристая пыль, принесенная с долины множеством ног. Столы опустели — постарались призрачные слуги, которых прислал в Храм верховный бог Олимпа. Высшие любили показывать свою экстравагантность во всем, даже в благодетельности.

Высокая тонкая фигурка, закутанная в теплую бархатную мантию, скользнула через тяжелые двустворчатые двери ко входу из Сумрачного холла, задержалась в проходе, покивала головой кому-то и быстрым шагом направилась к тренировочным залам. Пламя факела дрожало, отбрасывая причудливые тени на хрустальные стены дворца, шаги казались слишком громкими и неоправданно тяжелыми. Страх преследовал нарушителей сотнями глаз, светящих из сумрачной тени углов.

Вслед за легкой девичьей фигурой, закутанной с ног до головы, незаметно скользнул еще один участник этого странного ночного танца. По мощному развороту плеч и некоей угловатости в нем угадывался юноша, и многочисленные звезды Поднебесной долины с большим удовольствием осветили путь мягким светом для девушки и парня, признав их встречу романтическим рандеву.

— Майкл, — позвала девушка, скользнув за двери тренировочного зала и вставляя факел в предназначенное ему место в стене. — Слава всем богам!

Она побоялась открыто кинуться навстречу Майклу, переминаясь с ноги на ногу, и нашла повод сдержать свой порыв, достав из кармана мантии сложенный вчетверо пергамент. Так и держа его навесу, протянув руку, она застыла, глядя в родные черты лица архангела.

Майкл скинул с головы капюшон, и на его бледном лице обозначилась мягкая улыбка, а в глазах загорелись искры тепла.

— Прочти, — сказала Нобис, делаясь вдруг серьезной, и Майкл взял пергамент, в полной тишине, напряженной, тягучей, пропитанной едким страхом, читая его содержание.

— Миры, созданные моими родителями, признаны опасными, — побелевшими губами сказал он, сминая пергамент и делая долгую паузу. Нобис видела, как Майкл пытался взять себя в руки, и молчала, дав ему время. Она и сама недавно рыдала в женском туалете, получив столь безрадостные новости. Если высшие признали чьи-то миры опасными, то уничтожали не только сами миры, но и их создателей. Нобис заранее оплакивала красивый мир, созданный родителями Майкла Гавра — величественную империю драконов, в которой шла кровопролитная война. Да, мир получился неидеальный, полный межрасовых распрей, и высшие винили родителей Майкла. Архангелы спустились в собственный мир и вмешались в ход истории, что привело к разрушительному эффекту. Теперь не ясно, что станет с миром и

с самими архангелами. Загорн никому не прощает ошибок.

— Откуда у тебя это письмо? — строго спросил Майкл, переводя тяжелый взгляд на Нобис, но девушка покраснела и отвела глаза.

— Не спрашивай, — решительно мотнула она головой.

— Мы должны доверять друг другу, — жестко прервал ее Майкл, но Нобис лишь насупилась.

— Преданность меня и моих родителей твоему роду еще никогда не поддавалась сомнениям, — решительно ответила она Майклу. — Ты действительно веришь, что я способна на предательство, пока мои родители гниют в тюрьмах Олимпа наряду с твоими?

— Тише, Нобис, прошу тебя, нас могут слышать, — взволнованным шепотом произнес Майкл, прижимая ладонь к обескровленным и искусанным в волнении губам девушки. — Прости. Ты уверена в подлинности письма и достоверности полученной тобой информации?

В ответ он получил утвердительный кивок, и сразу одернул ладонь, помогая девушке избавиться от глубокого капюшона, скрывавшего ее лицо. Медленный выдох, словно до этого момента парень не верил, что перед ним действительно Нобис, сорвался с его губ, и Майкл прикрыл глаза, сжав руку в кулак.

Громкий шепот адептов нарушил привычную тишину тренировочного зала, на стенах которого грозно сверкало драгоценным металлом и горными камнями-артефактами всевозможное оружие. Сбитое дыхание Нобис всколыхнуло облачко белоснежной пыли, так сильно девушка прижималась к стойке со спортивными снарядами, с которых за все лето никто не удосужился стряхнуть налет времени.

Нобис еще плотнее закуталась в мантию и решительно дернула головой, отчего ее темные волосы, сколотые на затылке гребнем, упали на лицо.

— Майкл, мы не можем здесь оставаться! За время нашего отсутствия с родителями может случиться все, что угодно, — дрожащим голосом произнесла Нобис, из глаз которой брызнули слезы. — Мне тошно от одной мысли, что предстоит учиться. Не об учебе все мои мысли.

Она говорила с жаром, хмуря брови и кусая итак искусанные губы, а Майкл хмурился в ответ, опасливо оглядывая стены, увешанные оружием. Собери он хоть сотню адептов, которые последуют за ним, возьми они хоть все оружие, которое предоставляет в их пользование Храм, и то не победить незримый барьер, окружающий долину. Боги позаботились о своем покое.

Майкл отбросил ненужные мысли, недовольно поморщившись, поджимал губы и неторопливо сложил руки за спиной — его любимая поза.

— Я испробовал все, что мог, но покинуть пределы Поднебесной долины без разрешения ректора Аврелиана невозможно. — Серьезным тоном сказал он Нобис, наблюдая за сменой эмоций на ее красивом и живом личике. — Представь, каково архангелу без крыльев?

Майкл злился. Неприкрытая ярость сквозила в каждом его слове, в каждом резком жесте и вздернутой кверху брови.

— Поговори с ним, — попросила Нобис, складывая ладошки в умоляющем жесте. — Доверься Аврелиану.

— Никогда, — коротко бросил ей Гавр, ударя кулаком по стене, отчего скрещенные мечи на щите неприятно лязгнули. — Ты сама слышишь, о чем меня просишь, Нобис?! Аврелиан — ставленник высших. Слышала, с какой напыщенностью он выговаривал свои

титуты этим вечером, как смотрел на нас?

Нобис отрицательно покачала головой. Все ее мысли этим вечером были заняты горькими воспоминаниями о родных, поэтому на ректора она не смотрела вовсе.

— В моем расписании появились индивидуальные занятия с ним, — нехотя признался Майкл, а на лице Нобис расцвела робкая улыбка.

— Так, ты поговоришь с ним? — спросила она, протягивая тонкую руку и прикасаясь к груди Гавра. Сердце Майкла стучало так быстро, что Нобис невольно одернула ладошку, считая это чем-то личным.

— Нет, пока нет, — смягчился Майкл, увидев отчаяние, написанное на лице Нобис.

— Ты обещал, что мы сбежим! Ты говорил, что путь на Олимп существует! — горячо шептала девушка, сама не замечая, как на глазах снова выступают слезы.

— Мы сбежим, Нобис, — твердым голосом ответил Майкл. — Пройдем через Межмирье — владения Ириды и Драко. Я слышал, что даже адептов первого курса посылают туда на практику под чутким контролем наставников.

Майкл скривился, а Нобис вдруг мягко улыбнулась.

— Твоя наставница красива. С нее не сводили глаз все хранители, не привыкшие к подобной красоте, — сказала Нобис, а Майкл лишь скривил в ответ губы. В отличие от хранителей, он родился и вырос на Олимпе и знал, что за красивой внешностью порой скрываются самые темные пороки личности.

— За нами пристально следят, Нобис, — покачал он головой, — не тешь себя надеждой, что в Храме нет шпионов, это не так. Среди архангелов раскол, и неясно, на чьей стороне Уно. Мы можем попробовать найти лазейку в Межмирье, но должны остерегаться каждого.

— Не надо, — взмолилась Нобис, — иначе я стану подозревать первого встречного. Жизнь в Храме уже отравлена всем случившимся, я не вынесу, если в наставниках, в ректоре, в соседях по парте начну видеть своих врагов.

Она снова шептала с таким жаром, что в ее глазах вспыхивало недоброе пламя, и Майкл понимал девушку, принимал ее чувства, как свои собственные.

— Помнишь, как мы мечтали попасть сюда? — спросил он Нобис, и девушка печально кивнула.

— Детские мечты так наивны и прекрасны, — согласилась она, натягивая на голову капюшон. — Но, подрастая, ты понимаешь, что боги — жестоки, что высшие эгоистичны и порочны...

Ладонь Майкла легла на ее губы и крепко прижалась ко рту.

— Тише, Нобис, — сурово сказал он девушке, нахмутив брови. — Даже стены в Храме имеют уши.

— Я не стану молчать, — сердито дернулась Нобис, сжимая кулаки. — Загорн сослал родного брата в Межмирье, выгнал единственную дочь из дома только за то, что она родилась под светом Темной звезды. Думаешь, кто-то еще помнит о печальной судьбе Златы, кроме ее матери? Никто не печалится о ней, кроме нашего ректора.

— А это идея, — довольно ухмыльнулся Майкл. — Мне нравится ход твоих мыслей, Нобис. На индивидуальных уроках с Аврелианом я могу прощупать почву, намекая на то, что не согласен с участью, постигшей его любимую.

— Нет, — в ужасе округлила глаза Нобис. — Я не думала о таком.

— А я думал, — жестко закончил Майкл, первым хватая факел. — Против высших нужно играть по их правилам, Нобис. Загорн презрел древние законы, ради собственной

выгоды, он держит архангелов в страхе, а престолов — за рабов. Уверен, он не пожалеет и наших родителей. Если мы хотим помочь, то должны действовать решительно, но не выбиваться из общей массы. Сможешь?

Нобис кивнула, прячась в складках мантии. Она опасно выглянула в коридор и тенью скользнула в сторону Сумрачного холла.

«И почему у него такое странное название, от которого становится не по себе?»

Уно, спускавшаяся из башни ректора, шагала решительно и споро, совсем не так, как это полагается делать богине. Подол ее платья развивался шлейфом, рукава надулись от быстрого бега, лицо покраснелось. Только что она узнала, что Аврелиан согласился поделиться искрой с земной девчонкой — сестрой Златы, и ее негодование не знало предела. Мало того, Аврелиан выгнал ее из кабинета, намекая на то, что в чисто мужской компании Уно явно лишняя.

«Стыд, какой же стыд!»

Наглые глаза Мелиора скользили по ее фигуре, а этот подпевала — Робус, открыто насмеялся над ее внезапным появлением.

Но она застанет Аврелиана одного. И тогда...

Однажды Уно уже простилась со своими матримониальными планами, решив, что Аврелиан уходит из ее рук, но девочка с божественной искрой его возлюбленной выбрала себе в мужья демона, и Уно снова ринулась в бой. Она не отпустит от себя Аврелиана, что бы он сам не думал на этот счет, и она готова биться до конца.

Тени, скользнувшие по Сумрачному холлу, напугали Уно и заставили замереть и притаиться. Она не услышала, о чем шепчутся дети, нарушившие правила и покинувшие пределы собственных спален в общежитии, но ее острый взгляд выцепил главные детали — хрупкую фигурку девушки и мужественный разворот плеч парня.

«Я обязательно узнаю имена нарушителей, — хищно улыбнулась Уно, мысленно потирая ладошки. — И сделаю это лишним поводом, чтобы наведаться на Олимп. А там-то обязательно найдутся внимательные слушатели!»

Уно любила сплетни и умела выгодно подавать информацию, выгодно для нее, разумеется, и сейчас в ее красивой головке зрел хитрый план, а в мечтах она спускалась по хрустальным ступеням Храма под руку с Аврелианом.

И вспыхнула искра, и погасла

(Арина)

Перешептывания в коридоре становились все громче, но я упорно делала вид, что меня это никоим образом не касается. В приоткрытой двери показался чей-то любопытный носик, мелькнуло встревоженное лицо, но, поймав мой взгляд, девушка быстро ретировалась.

— Все хорошо? — спросил кто-то громким шепотом.

— Она... не спит, — с заминкой и так же шепотом ответила девушка, осмелившаяся заглянуть в мою спальню, и голоса разом стихли. Ненадолго.

С первого дня появления в общежитии хранителей, я сделала все для того, чтобы заслужить свою репутацию. Однажды даже полезла в драку, решив проучить девицу, которая захотела разделить со мной спальню. Бедная хранительница не ожидала подобного и рыдала, размазывая по лицу слезы, пока я рвалась из рук Мелиора, желая на ком угодно сорвать свои злость и обиду.

Стыдно вспоминать, но, чего было, того уже не вернуть.

Через какое-то время мне показалось, что под дверью моей спальни собрались все адепты первого курса, и я с ухмылкой на лице гадала, чего же они все ждут. Неужели я настолько запугала девушек своими криками, что никто из них не решается войти и напомнить мне, что гонг, созывающий к завтраку, уже отзвучал? И по правилам, мы должны чинно спуститься в Сумрачный холл, поражая глаза наставником своим благочестивым видом.

«Правила, правила, правила!»

Мелиор позаботился о каждом из хранителей, снабдив нас красивыми брошюрками в золоченых переплетах — сводом законов Храма. Накануне я ознакомилась с некоторыми и захлопнула книжицу, не дочитав оставшуюся сотню-другую.

— Мы же опоздаем, — чуть громче раздался взвинченный голос за дверью.

— У нас первая лекция по изучению законов Олимпа, — испуганно пискнула еще одна хранительница.

Когда гомон стал таким, что игнорировать его не получилось бы и у глубоко спящего человека, я демонстративно уселась на кровати, сложив на груди руки.

«Один упертый ректор пообещал мне божественную искру, но все, чего я получила — тщетное ожидание до глубокой ночи. Где моя искра?! Без нее и шагу не ступлю!» — думала я, накручивая саму себя неприятными мыслями. Ранним утром я проснулась от собственного крика, и образ Стаса стоял перед глазами, как живой, только слез не осталось. Я выплакала все, устав и морально, и физически.

В дверь постучали, и Мелиор возник на пороге. Как всегда заспанный, помятый и при этом безумно обаятельный, он нашел меня взглядом и недовольно поджал пухлые губы. Херувимный образ наставника испортила глубокая морщина, прочертившая лоб, а его скорбное закатывание глаз вызвало у меня приступ глухого раздражения.

— Арина, ты готова, — не спрашивал, а утверждал Мелиор, глубоко и тоскливо вздыхая, словно мое присутствие его тоже не особо радовало. — Пора спускаться.

Мне захотелось надерзить в ответ, сказать что-то настолько ядовитое, чтобы красивое лицо Мелиора перекосило, но я лишь опустила голову, разглаживая на коленях шелк юбки.

«Где моя искра?» — вертелось в голове на репите, а в голову закралась мысль, что я бы с удовольствием сейчас лицезрела на пороге своей спальни ректора, чтобы высказать ему все о высших, которые не выполняют данного им обещания.

— Своим поведением ты добьешься только одного: еще большей неприязни со стороны других хранителей. С этими ребятами тебе учиться на протяжении семи лет, — Мелиор говорил тихо, прикрыв дверь и стоя к ней спиной. В его взгляде сквозило что-то такое, отчего мне вдруг захотелось ударить себя по щекам — сильно. Я никогда не позволяла себе подобного обращения с людьми, по званию и положению стоящими выше меня, но с каждым днем, проведенным в Храме, внутри рос протест, толкая на необдуманные поступки и упрямое сопротивление.

— Идешь? — спросил Мелиор, самолично запихнув в пустую сумку какие-то учебники, выдернутые прямо из стопки, аккуратно сложенной на столе. Туда же он отправил перья, стопку пергаментов и брошюру в золотистых корочках.

— Иду, — отозвалась я скучным голосом, медленно поднимаясь и выходя в коридор, где в ожидании дальнейших указаний наставника выстроились девушки.

Спальни хранителей находились в центральной части Храма, прямо над библиотекой, и отличались строгими геометрическими пропорциями и лаконичными рисунками на плитках пола. Потолки же, расписанные скупыми золотистыми мазками, походили на абстрактное видение заката какого-нибудь сумасшедшего художника. Никакого сюжета в этих рисунках я так и не наметила, хотя столько времени посвятила их разглядыванию. Все хранительницы при моем появлении сделали, вид, что любят узор на потолке и стенах. Ну и пусть, мне с ними детей не крестить!

— Получу искру и свалю отсюда, — прошептала я вслух, чтобы Мелиор, выходящий из спальни, прекрасно меня услышал, но наставник только хмыкнул и покачал головой, ничего не сказав в ответ. То ли и сам не верил, что ректор выполнит свое обещание, то ли знал что-то такое, чего не знала я.

— Наконец-то мы собрались, — уставшим голосом сообщил Мелиор, потирая заспанные глаза и глядя на песочные часы, которые, как обычно, показывали неразборчивые символы. — Завтрак сегодня отменяется, следуем сразу в аудиторию. Законы Олимпа нас ждать не будут, — иронично хмыкнул он, широким шагом устремляясь вперед по коридору.

Никто не возмутился. Парни, которые ждали на площадке лестницы, смиренно встали в конец шеренги и пошли за нами, урча пустыми желудками. Девушки безропотно склонили головы, пряча голодные глаза. Солнце окрашивало хрустальные полупрозрачные стены Храма мягкими полутонами, и я смотрела на хранителей, понимая, что они принадлежат этому месту, они вписываются в каждый хрустальный кирпичик, каждую выбоину в плитках пола.

«Разве они виноваты, что не вписываюсь я?»

— Простите, — вырвалось у меня быстрее, чем я успела прикусить язык.

Мелиор обернулся и приподнял одну золотистую бровь, а девушки, которые шли рядом, удивленно воззрились на меня своими огромными и невинными, как под копирку, взглядами.

— Как же все бесит! — процедила я сквозь зубы, и наставник расслабил плечи и привычно хмыкнул, а хранители настороженно повернули головы в мою сторону, не зная, чего ожидать дальше. До самой аудитории мы шли, напряженно переглядываясь и взаимно недолюбливая друг друга, и только Мелиор веселился, насвистывая идиотскую мелодию. У

дверей аудитории он остановился, пропуская адептов внутрь, и осторожно перехватил мою кисть.

— Прощу тебя, будь вежлива, — попросил Мелиор, оглядываясь через плечо. — Он в скверном расположении духа.

Кто он я поняла, когда выдернула собственную кисть из захвата и вошла следом за остальными.

В светлой большой аудитории пахло дамасской розой. Благоухание распространялось от самого входа до центрального возвышения, на котором стоял Аврелиан, сложив за спиной руки и чуть наклонив голову вбок. Его длинные белоснежные волосы, распущенные по плечам, прямым и послушным каскадом золотились в утреннем свете, а драгоценный обод, украшенный множеством искрящихся камней, слепил глаза, и только сердитый пронизывающий взгляд, насупленные брови и упрямо поджатые губы говорили о том, что ректор явно не в настроении.

— До чего же он величественен, — ахнула девушка, рядом с которой мне пришлось присесть, за неимением других мест. Деревянные столы, окружавшие преподавательскую кафедру, давали возможность обозревать не только ректора, но и лица тех адептов, которые оказались напротив, и я читала в их глазах столько слепого обожания к Аврелиану, что к горлу подкатывала тошнота.

— Приветствую всех, кто удостоился чести попасть в светлых Храм и ступить на первую его ступень, — произнес Аврелиан низким приятным голосом, от звучания которого я невольно поежилась.

«Их на Олимпе специально обучают подобным трюкам, чтобы завладеть вниманием публики, или это у нашего ректора врожденное?» — подумала я, сердито прикусывая губу и шурша пергаментом. Все, что угодно, лишь бы не смотреть в его воодушевленное лицо и не отмечать про себя бледный аристократический профиль и идеальные складки мантии, которая обтягивала широкие мужские плечи.

— Перед вами проекция свода законов Олимпа — древнейшее издание, написанное от руки самим Загорном, когда на его плечи только-только возложили обязанности высшего бога Олимпа, — торжественно вещал Аврелиан, а я скривила губы, глядя на пыльные пергаментные страницы, которые даже на проекции, казалось, вот-вот рассыплется прахом.

— Какой же он, — снова восхитилась моя соседка, и я вопросительно вздернула бровь.

— Древний? — имея ввиду свод законов, спросила я, явно не угадав.

Девушка ошарашено выпучила на меня глаза, и быстро-быстро замотала головой.

— И совсем он не древний, — прошептала она обиженным тоном. — Пусть и старше любого из наставников, на, зато, необыкновенный...

Только теперь я поняла, что девушка говорила про Аврелиана, мечтательно закатив глаза и на лицо демонстрируя все признаки пылкой влюбленности, только вот я не разделяла ее взглядов. Во-первых, Аврелиан — высший. Он один из богов, призванный создавать миры и плодить божественные искры, или чем они там занимаются на досуге? Он и не взглянет никогда на эту девочку, какой бы красивой она ему не казалась. Мне сразу дали понять, что хранители — это низшая ступень в сложной иерархии Олимпа.

— Он скрывает свою внешность древнего старца, глупая, — со знанием дела сказала я, опуская девушку с небес на землю. — Только вчера поздно вечером я побывала в его кабинете и сама видела, как Аврелиан трясет седой бородой и держится за поясницу, согнувшись в три погибели.

Не знаю, поверила мне девушка или нет, но налет обожания с нее резко спал, а перо прилежно запрыгало по пергаменту, оставляя на нем ровные строчки. Я же торжествующе усмехнулась, мысленно показав Аврелиану язык. Пусть не думает, что, раз бог, все ему можно, даже обманывать наивных девиц вроде меня.

— Высшие создают миры, в которых рождаются дети с искрой, дети, чье служение Олимпу не закончится с их смертью, дети, которых я сейчас вижу перед собой, — говорил Аврелиан мягким и вкрадчивым голосом, перемежая очередной закон с новым рассказом или историей. Каждый из нас понимал, что ректор благоволит хранителям, и открытая улыбка, которая освещала лицо Аврелиана, служила доказательством тому, что он не поддерживает мнение высших о том, что хранители — низшая ступень в иерархии.

— Вы — частица самих богов, — сказал он в конце лекции, излучая свет, казалось, самим своим обликом, — вы намного больше, чем можете себе представить! — таинственно закончил он, отпуская адептов на перемену.

— Арина, — позвал ректор, стоило мне сложить пустой пергамент и пристроиться в «хвост» процессии, медленно покидающей аудиторию, — задержись.

Ссутулившись, я ждала, что вот-вот во мне поднимет голову ядовитая кобра, готовая наброситься на Аврелиана, стоило тому только посмотреть прямо на меня, но в груди тлело приятное тепло, и я видела не грозный взгляд и нахмуренные брови, а мягкую улыбку и янтарное тепло, обращенное на каждого из нас.

— Вы намеренно не покинули собственной комнаты вовремя, лишив завтрака всех хранителей, — произнес он сурово, спускаясь с кафедры и замирая прямо напротив меня. Высокий, широкоплечий, Аврелиан закрыл собой обзор всей аудитории, и я сосредоточила взгляд на круглой золотой медали, висевшей поверх его мантии. — Объяснитесь!

Я поняла, что Аврелиан переходит на «вы» в тех случаях, когда не может совладать с собственной злостью. И сейчас он давил на меня своей суровой неприступностью, одновременно, притягивая тем, что становился ближе, человечнее.

Теперь в голосе Аврелиана не чувствовалось ни тепла, ни мягкости, лишь арктический холод и явная неприязнь. На секунду мне стало неприятно, что меня таким образом выделяют из числа всех остальных хранителей, к которым ректор питал явную слабость, но тут подняла голову ядовитая змея. Она развернула кольца, больно шевельнувшись в груди, и я тоже привычно вскинула голову, задрав подбородок.

— Я не обещала прилежно учиться и соблюдать ваши бесконечные правила, — плевалась я ядом, сжав кулаки и упрямо выпятив челюсть.

Аврелиан стоял слишком близко. Я видела, как расширяются его зрачки, поглощая янтарную радужку, как трепещут ноздри, как приоткрываются жесткие губы, чтобы высказать мне все, что он обо мне думает.

— Вечером в библиотеке, — прорычал ректор, впервые в разговоре со мной срываясь на подобный тон. — С ведром и тряпкой.

Весь божественный облик Аврелиана разбился и осыпался на пол мелкой крошкой, а передо мной стоял невероятно рассерженный и от этого еще более красивый мужчина, чьи черты лица обострились, напряглись, а глаза пылали не праведным гневом, а обычной человеческой злостью.

— И чтобы выучила правила Храма семи ступеней наизусть, — сердито закончил он, наклоняясь и обдавая меня ароматом дамасской розы, смешанным с нотками дорогого алкоголя. Аврелиан снова обратился ко мне на «ты», а его взгляд вдруг скользнул с области

глаз к моему рту, и я прикусила губу, не понимая, что происходит, отчего вдруг так душно и совершенно нечем дышать.

— Да, — растерянно произнесла я, потому что не ожидала от бога настолько обыденных эмоций.

— Да? — повторил Аврелиан, высоко вскидывая светлые брови. Складка между бровей стала глубже, в глазах полыхнуло недоверие, и ректор наклонил лицо так близко, что такое расстояние вряд ли бы сочли приличным, застукай нас кто-нибудь сейчас. То ли он пытался что-то прочесть в глубине моих глаз, то ли не верил, что я так быстро согласилась, но его рука дрогнула и замерла на моем плече, сжав его. Я ощутила пальцы Аврелиана, и дыхание отчего-то сбилось, стало прерывистым и частым, а место, где лежала его тяжелая прохладная ладонь, жгло огнем.

— Да, — повторила я почему-то хриплым голосом, стараясь сбросить наваждение. Змея все еще свивала кольца, причиняя боль и опалая ядом мои же внутренности, но воспоминание о другом Аврелиане — открытом, улыбающемся, одухотворенным и заботливым, подтачивало любые гневные поползновения в его адрес. Я открывала и тут же закрывала рот, не зная, что такого сказать, чтобы побольнее задеть Аврелиана. Пламенная речь о том, что он много обещает, но не спешит с выполнением, тоже застряла где-то в горле, и я продолжала молча смотреть в лицо ректора, которой находилось так близко. Его дыхание шевелило мои волосы, упавшие на лоб, его глаза затмевали собой весь мир, его...

— Аврелиан!

Мы одновременно отскочили друг от друга, поворачивая голову в сторону говорящего. Робус стоял в проходе с кипой бумаг и дисков.

— У меня здесь лекция, — зачем-то сказал наставник инитов, выглядя при этом виноватым. — Сейчас.

— Да, конечно, — пробормотал Аврелиан, резко отворачиваясь от меня и покидая аудиторию. Я понеслась следом, не разбирая дороги и лишь примерно ориентируясь в абсолютно одинаковых коридорах.

Будни хранителей
(Арина)

Учебный процесс в Храме семи ступеней ничем не напоминал мои студенческие годы, и это воодушевляло. Возможность управлять божественной искрой и раскрывать ее силу, переходы через порталы в миры, созданные высшими и населенные всевозможными волшебными и не очень существами, законы Олимпа, которые я постигала с таким трудом — все пробуждало любопытство.

По вечерам я училась обращаться с пером, оставляя на пергаменте кляксы чернил, пряталась в библиотеке, иногда засыпая под шипение магического огня факелов, и вдыхала аромат дамасской розы, который преследовал меня повсюду, а свободные от занятий дни проводила в долине, прогуливаясь по садам Поднебесной и любясь вершинами неприступных гор.

Ночами меня преследовали кошмары, сюжет которых становился все изощреннее. Реалии настоящего накладывались на воспоминания прошлого, и вот я уже учусь на педагогическом, и Аврелиан принимает у меня экзамен, сурово сдвинув брови и вперив свой горящий искрами взгляд прямо мне в лицо. Он рычит, подобно зверю, что я самая бестолковая студентка и никогда не получу диплом, и я просыпаюсь со слезами на глазах и с горечью в сердце.

Или папа с мамой, как до исчезновения Златы, радуются моим успехам в фигурном катании, регулярно присутствуют на всех выступлениях и всюду ходят взявшись за руку. Но тут появляется Мелиор, сдвинув капюшон розовой мантии глубоко на лицо, и неспешным и даже ленивым мановением пальцев отнимает у сестры жизнь, забирая ее с собой. Я кричу, пытаюсь ухватить Злату за руку, но сестра лишь качает головой и исчезает в молочном водовороте вместе с Мелиором. После таких слов я смотрела на наставника с такой злостью, что он невольно прятался от меня среди хранителей.

Стас мне снился чаще остальных, и я непременно умирала быстрее, чем он успевал меня обнять, поцеловать или приласкать, и, что пугало до крупных мурашек и холодного пота, в таких снах я всегда оказывалась в объятиях другого. И, как бы я не отрицала свои сны, ректор появлялся в них с завидной регулярностью, и его облик все ярче и ярче отпечатывался в моем сознании.

— Потрудитесь записать то, что я вам сейчас скажу, — отвлек меня от тяжелых раздумий голос Мелиора, и я посмотрела на наставника, восседающего на троне. Наши отношения с Мелиором напоминали догонялки. То я убегала от него и пряталась, стараясь не отвечивать, то он делал все возможное, чтобы избежать моих неудобных вопросов. Например, о том, где же моя общественная божественная искра? И, ведь, я понимала, что стоит спрашивать об этом никак не Мелиора, а напрямую обратиться к Аврелиану, но от одной мысли об этом мне становилось не по себе. Ректор делал вид, что меня в Храме нет, или его настолько поглотили проблемы адептов, что он все свободное время проводил в башне, не покидая пределов кабинета, а я приспособилась, как могла, и ждала.

— Итак, боги Олимпа зовутся высшими не по нашей с вами прихоти... — голос Мелиора завораживал низкими вибрирующими интонациями, и я в очередной раз подивилась, насколько каждый из наставников умеет завладеть вниманием адептов. Перья

скрипели, несмотря на неудобные позы, головы склонились над пергаменами, и атмосфера всеобщего погружения в процесс учебы в очередной раз затянул и меня в свои сети.

Мелиор устроился на невысоком троне с миниатюрными гнутыми ножками и вещал с него, как истинный оратор, разбавляя нудные факты шутками. Хранители занимали все свободное пространство вокруг, расположившись на полу, на парапете, в настенных нишах. Это круглое помещение, оборудованное под зимний сад, сейчас пустовало, и мы облюбовали его для утренних занятий с наставником.

— Высшие — это те, кто обладает тьмой и светом в равной степени, кто носит в себе саму гармонию вселенной. — Медленно рассказывал Мелиор, а я записывала, успевая рисовать на полях большие глаза, наполненные божественным светом. Те самые глаза, которые преследовали меня во снах и чуть жмурились, стоило мне сказать какую-нибудь глупость или совершить опрометчивый поступок. — Высшие рождены под двумя звездами и одарены их искрами, отсюда и название. Боги призваны в Поднебесье для того, чтобы создавать миры, населять их разумными существами и мудро править, не нарушая единого ритма танца жизни и смерти. После смерти разумные существа попадают в Межмирье, где безмолвными тенями продолжают свою бесконечность, пока их не призывают обратно, но есть и те, кого навсегда поглощает тьма.

Мелиор поморщился и передернул плечами, словно одни слова погружала его в пучину неприятных воспоминаний.

— Что за тьма? — прервал неспешный рассказ Мелиора один из хранителей, чью высокую фигуру я заприметила сразу, как только начала замечать тех, кто меня окружает. — Разве Межмирье не единственный путь, по которому отправляются все существа, населяющие миры высших?

— Нет, — наставник покачал головой, срываясь со своего импровизированного ложа и начиная расхаживать по помещению между адептами. На его лицо ложатся тени, и Мелиор хочет это скрыть, низко опуская голову. — Есть иные пути, бесславные, разрушающие.

Его голос затухает, но хранители ждут, застыв с поднятыми головами и перьями наизготовку. Мелиор посмотрел на меня и приподнял бровь.

«Что все это значит?» — безмолвно спросила я Мелиора, и он покачал головой, словно понял мой бессловесный вопрос.

— Высшие владеют такими пределами, о которых нам с вами лучше не знать, — сказал Мелиор с грустной полуулыбкой на губах, но все равно продолжил. — Они владеют пустотой. По пути забвения идут лишь те, кто сам того захотел, либо те, кого боги наказывают. Пустота поглощает разум, развеивая его в пыль, она питается душами, высасывая из них все светлое и темное. Пустота поглотит вас навсегда, отобрав не только ваши воспоминания, но и воспоминания тех, кто когда-то вас знал. Вы исчезните, словно вас никогда и не существовало.

— А Межмирье? — робко спросила Анни — та девушка, что беззаветно влюбилась в нашего ректора и до сих пор сидела со мной на лекциях у Аврелиана, ненавидя законы Олимпа так же, как ненавидела их я. Только это нас и роднило.

— Ирида и Драко справедливо правят землями мертвых, — сухо ответил Мелиор, все еще пребывая в каких-то своих невеселых думах. — Они соблюдают порядок, установленный высшими, и разумно распоряжаются тенями, кого-то оставляя в сумраке, кого-то направляя к свету. Этой темы мы еще коснемся, когда начнутся практикумы и общие занятия с престолами, — пообещал нам Мелиор, и Анни просияла. В столовой она обращала свой взор

на пространственников чаще, чем остальные. И я подозревала, что престолы — это еще одна ее слабость, наряду с ректором.

Рука одного из хранителей взметнулась вверх, а я подумала о том, что хоть что-то в этом и моем мире схоже. Адепт, которого я заприметила среди остальных, пятерней убрал с лица длинные платиновые волосы, его стальные холодные глаза сейчас тревожно блестели, замерев на одной точке.

— Мелиор, простите, но вы не сказали, как Межмирье и земли мертвых связаны с хранителями? — спросил парень, нервно теребя перо в длинных пальцах. — Мы тоже становимся теньями?

— Нет, — с улыбкой ответил наставник, и я услышала единодушный возглас облегчения. — Хранители — это дети богов, которые рождены от смерти высших. Умирая, создатель распадается на сотни светящихся божественных искр, и они продолжают гореть в нас с вами, в каждом хранителе, который появляется во вселенной. Хранители навсегда остаются в мирах, населенных разумными существами, потому что они сами — выходцы этих миров. Вы обучаетесь в Храме для того, чтобы и дальше служить во благо.

«Все, но только не я!» — подумалось мне тоскливо, и я снова припомнила Аврелиана недобрым словом.

«Неужели ему придется умереть, чтобы я получила обещанную искру, или есть еще какой-то способ для того, чтобы поделиться своей божественностью? В первом случае, мне придется вечность торчать в Храме, а не семь лет, ожидая, пока Аврелиан не закончит свой небесный путь. Стану местным привидением или кем тут становятся неприкаянные души?»

— А до Храма хранителей тоже обучали в каком-то... месте? — полюбопытствовала Ани, а Мелиор кивнул, скривив губы.

— Было нулевое пространство, неприметное, серое, стерильное, как медицинский скальпель, — кисло ответил ей Мелиор. — Будем же благодарны Аврелиану и Злате, которым пришла в голову самая светлая мысль — мысль о создании дома для всех детей Олимпа.

От патетики у меня свело зубы и засвербело между лопатками, и я обернулась, желая удостовериться, что никто не прожигает мою спину пристальным взглядом. Ощущение, словно меня преследуют чьи-то глаза никак не проходило, но позади меня разместились всего лишь трое хранителей — девушка с волосами, стянутыми в хвост, и ее приятели, уткнувшие носы в раскрытые страницы учебников. Никто на меня не смотрел.

— На ближайших занятиях я в мельчайших подробностях расскажу вам о чести быть хранителем, — сказал Мелиор, снова опускаясь на бархатные подушки своего трона и прикрывая глаза. — Продолжим лекцию завтра, а сейчас отправляйтесь к Робусу, он как раз освободился. И не забудьте перекусить, — раздался нам вдогонку заботливый голос наставника. Я, разве что, слезу от умиления не пустила, потому что Мелиор носился с каждым из нас так, словно со своей божественной искрой.

— Здорово у них это работает, — догнал меня голос одного из хранителей, и я повернула голову, натываясь на взгляд серых глаз. — Ллойд, — представился парень, смахивая со лба длинную платиновую челку.

— Ты о чем? — спросила я его, желая поддержать беседу. Меня избегали, и никто, кроме Анни, не решался сидеть рядом или обращаться ко мне. За несколько прошедших недель такое отношение начинало раздражать.

— Их ментальная связь, — объяснил Ллойд свои мысли, легко коснувшись длинными

пальцами виска. Мне приходилось запрокидывать голову, чтобы следить за движениями его пальцев, так Ллойд оказался высок.

— Ты прав, это необычно, — пожалала я плечами, припоминая, как наставники время от времени прикрывали глаза, словно погружаясь в мгновенный транс.

В Храме не звенел звонок на перемены и занятия, а гонг оповещал лишь о начале завтрака. Все остальное время мы перемещались по аудиториям, ориентируясь на слова самих наставников и на их ментальную связь. Когда один заканчивал, то сообщал другому, и нас посылали на следующее занятие. Иногда случалось, что наставники встречали старшие курсы с практики или же отправляли на нее, и нас отпускали гулять в долину, а часто лекции читали адепты, заканчивающие седьмую ступень Храма, в перерывах между перемещениями по мирам.

Ллойд дошел со мной до буфета, отстоял небольшую очередь за перекусом, и бесцеремонно опустился рядом за круглый деревянный столик, отодвигая для меня стул. И все это без тени улыбки на лице или внимательного заинтересованного взгляда. Я не собиралась заводить знакомства среди адептов, тем более хранителей, но, устав от одиночества, благодарно приняла молчаливое предложение Ллойда дружить.

— Ты единственная среди нас, кто помнит свое прошлое, — сказал он, когда мы оба покончили с перекусом. — Каково это?

Я приподняла брови, стараясь разгадать, только ли поэтому Ллойд сел со мной за один столик. Он чаще остальных беспокоил наставников вопросами, интересовался историей Олимпа, зависал по вечерам в библиотеке. Именно поэтому я выделила Ллойда среди других, ну, или из-за его необычного роста.

— Поверь, это самое ужасное, что могло бы с тобой произойти, — очень тихо ответила я Ллойду, отводя глаза в сторону. — Радуйся, что ты никого не помнишь из своей прошлой жизни, иначе тоска по ним разрушила бы все очарование этого места.

— Именно это происходит с тобой? — спросил меня Ллойд, но я не ответила, первой вставая из-за стола. Робус ждал нас снаружи, а стены Храма сейчас давили, угрожая лишить меня спокойствия, достигнутого таким тяжелым путем. Я буквально бежала по широкой дорожке, следуя привычному маршруту и обогнав всех остальных.

Наставник инитов встретил хранителей молчаливым жестом, повелев следовать за собой. Робус всегда ожидал нас недалеко от здания, на пересечении садовых тропинок, и вскоре все адепты первой ступени собрались около него.

— Сюда, — позвал он нас, резко отдаляясь от тропинки и шагая прямо в заросли какого-то странного кустарника, от сладкого запаха которого многие расчихались. — Ступайте осторожно, есть риск провалиться и повредить себе что-нибудь.

Я обернулась. Величественное здание Храма играло на солнце ослепляющими искрами, когда мы нестройными рядами потянулись за Робусом, исчезающем в таинственных зарослях. Наставник остановился только в самом конце сада, где высокая северная башня закрывала от нас лучи солнца, и указал на просторный облачный ковер, раскинувшийся прямо посреди тенистого фруктового сада у нас под ногами.

— Я перенес сюда карту всех миров, чтобы мы могли спокойно позаниматься, — с улыбкой сказал он, проделав очередной фокус с пространством и создавая вокруг нас непрозрачные стены.

— И где же она? — спросила девушка с «хвостом», которая сидела позади меня на лекции Мелиора.

— Прямо у вас под ногами. — Гордо ответил Робус, указывая на облачный ковер. — Как только мы рассядемся по периметру, я активирую облачную вселенную. Это проекция миров, созданных высшими, и мы с вами начнем знакомство с теми мирами, откуда прибывали вы.

Я недовольно плюхнулась на самом краю ватного поля, провалившись пятой точкой в массу, которая ощущалась сухой и неприятной на ощупь, раздражающей открытые участки кожи.

— Осторожнее, — коротко бросил мне Ллойд, помогая выбраться и присаживаясь рядом. В этот раз он не задавал неудобных вопросов, а я старалась вообще не смотреть в его сторону.

Когда все заняли отведенные им места, Робус таинственно улыбнулся, напоминая мне падшего ангела — прекрасного и печального, прикрыл на мгновение глаза и медленно поднял раскрытые ладони. Масса поддалась его жестам, и из ватного центра поля поднялась вращающаяся галограмма — объемная модель Поднебесной.

Кто-то из студентов изумленно ахнул, Ллойд наоборот поджал недовольно губы, а я старалась казаться равнодушной. Подумаешь, мы сидим на облачном ковре, который парит в нескольких сантиметрах над землей среди низкорослых кустарников. Нас окружает непроницаемый для посторонних шумов купол, и это всего лишь одно из практических занятий. Что же будет, когда хранителей объединят с престолами и создадут первый портал для перемещения?

— Итак, начнем вводную лекцию о мирах, созданных богами Олимпа. — Сказал Робус, привлекая наше внимание к себе. — Я познакомлю вас с общим строением вселенной, а после мы найдем мир, принадлежащий когда-то именно вам. Знайте, что видеть миры — это способность, данная не всем, а лишь избранным. Высшие прячут то, что создали, поэтому даже лучшая из галограмм отразит вам лишь схематичную модель Поднебесья. Цвета, незримые связи и соединения должны увидеть уже вы сами. Не печальтесь, если не сразу выйдет, но обратитесь к искре, и она укажет вам верный путь.

Я прищурилась, желая увидеть хоть что-то, но нет, тщетно. Да и на что я рассчитываю, если Аврелиан с самого начала дал понять, что без искры на практических занятиях мне ничего не светит. И в прямо, и в переносном смыслах.

От подобных мыслей в голове снова взорвалась вспышка злости. Горькая слюна, как яд, заполнила рот, и я с трудом сглотнула ее, впиваясь ногтями в ладони — до боли, до красных полукруглых отметин.

«Я поговорю с Аврелианом! Прямо сегодня и поговорю, снова отыскав путь к башне».

Дальнейшая лекция Робуса прошла для меня, как в тумане, а на обед я шла одна, отстав от хранителей на приличное расстояние. Жалящие воспоминания о доме, о любимом и даже о занятиях в университете, которые я больше никогда не смогу возобновить, тяжелыми камнями ложились на сердце. Мне вспомнился отец, погрязший в своих воспоминаниях, упивающийся болью потери Златы, и так не хотела сейчас походить на него.

«Если не выпускать страдание наружу, оно рано или поздно разорвет тебя изнутри!» — любила повторять мама, видя мучения отца. Поэтому я слепо повернула в сторону от Храма и пошла среди гнутых ветвей кустарника, заливаясь молчаливыми слезами. Они катились по щекам, стекали по подбородку, а я стиснула зубы и молчала, часто сглатывая и стараясь дышать через нос.

В таком состоянии и застал меня Аврелиан.

— Арина? — удивленно произнес он, привычно прищуривая янтарные глаза и поджимая губы. — Почему вы не в Храме?

— Мы снова на вы? — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать, и ректор нахмурился, становясь грозовой тучей на горизонте новых неприятностей. Мало часов я с тряпкой и ведром провела в библиотеке, видимо, скоро меня туда сошлют на постоянной основе.

— Что случилось, Арина? — спросил Аврелиан, наклоня голову чуть вбок, отчего его длинные волосы рассыпались по плечу.

— Случилась практика, — призналась я, замечая, что Аврелиан игнорирует любую мою попытку начать конфликт. — Зачем мне учиться, если я все равно ничего не могу? Даже разглядеть собственный мир среди сотни других.

— Хм, — выдал ректор, сложив руки за спину и не сводя с моего лица пристального взгляда. Какая-то магия заставляла меня смотреть в ответ и ожидать притяжения, которое возникло на самой первой лекции, но Аврелиан держался от меня на приличном расстоянии и не делал попыток приблизиться. Это и радовало, и расстраивало одновременно.

— И многие смогли разглядеть свой? — спросил он, снова нахмурившись.

— Ллойд, — ответила я поспешно, смаргивая очередное наваждение. — Только он.

Я — адепт Храма семи ступеней, а Аврелиан — высший, который останется здесь еще на многие сотни лет, чтобы руководить своим детищем и учить новые и новые поколения хранителей. И я терпеть не могу ректора, не так ли?

— Я поделюсь с тобой божественной искрой, — словно поняв, чего так жаждет мое сердце, холодно сказал Аврелиан.

— Когда? — спросила я, забыв упомянуть, что занятия идут уже практически месяц. Я не слишком хорошо ориентировалась во времени здесь, в Поднебесной, где осень не походила на земное время года, а дни сменяли один другой, чередуясь по законам, подвластным наставникам. Мы отдыхали, когда некому было вести занятия, мы упорно и долго трудились, до самой поздней ночи, когда наставники считали, что в наших знаниях наметился пробел. Я лишь понимала, что скоро практические занятия потребуют от хранителей задействования их искры, и на меня снова обратят внимание все, кому только не лень.

— Дай нам время, — каким-то странным, чуть севшим голосом ответил Аврелиан, плотно сжимая губы. Его непроницаемый и абсолютно нечитаемый взгляд сейчас ставил непреодолимую преграду между нами. Здесь я, высший, ректор Храма семи ступеней, а здесь ты — всего лишь адептка, по нелепой случайности затесавшаяся среди хранителей. Молчи и жди. Жди, сколько скажут.

Пока я возмущенно пыхтела, пытаюсь избавиться от его давящей энергетики и найти в себе силы, чтобы отстоять свое право на получение божественной искры прямо здесь и сейчас, Аврелиан молча стоял, сверкая золотыми радужками, а в темном янтарном зрачке копилось столько невысказанных эмоций, что я терялась в них. На узком лице появилась дерганая полуулыбка, и мне показалось, что Аврелиан смягчился.

— Я хочу получить искру сейчас, — наконец, смогла я выдать из себя, и увидела, как черты лица Аврелиана заледенели, а брови сошлись в одну светлую линию.

— Ты не понимаешь, о чем просишь! — грубо рыкнул он, снова становясь обыкновенным мужчиной, не сдержавшим эмоций. Снова приближаясь, делая шаг, чтобы сцепить на моем запястье свои прохладные пальцы.

Я запрокинула голову, приоткрыла губы, чтобы возмутиться и застыла, поймав жадный взгляд Аврелиана на своих губах.

— Ты ничего не понимаешь, — хрипло сказал он, грубо оттолкнув меня с пути и исчезая в густом кустарнике, скрывшем его высокую фигуру.

Секция номер семь

Мелиор поймал меня за бесцельным ковырянием в тарелке. Не сказать, что местное ароматное пюре насыщенного голубого цвета с золотистыми вкраплениями не добавляло аппетита, пахло оно чудесно, но встреча с Аврелианом отбила у меня аппетит. Снова!

— В который раз ты объявляешь этому миру голодовку? — снисходительно начал наставник, когда я заметила его присутствие. — Что дальше? Доведешь себя до состояния тени и станешь являться ему во снах?

Я вскинула голову, пытаюсь уловить в лице Мелиора сарказм или насмешку, но он говорил без тени улыбки.

— Вы всегда защищаете Аврелиана. Он для вас чуть ли не святой, — с упреком высказала я Мелиору, наблюдая за снисходительной полуулыбкой, в которой расплылся наставник. Он всегда пропускал мои жалобы мимо ушей, делая вид, что я всего лишь капризный ребенок, который не желает слышать того, что ему объясняют взрослые. Только вот я не ребенок, и прекрасно все понимаю.

— Аврелиан не святой, — тихо произнес Мелиор, присаживаясь напротив. — Но его поступки обусловлены определенными обстоятельствами.

«Мне показалось, или Мелиор покраснел? С чего бы?»

— Оказавшись здесь, ты еще не знакома с некоторыми тонкостями, — снова начал Мелиор, пытаюсь донести до меня какую-то сокровенную мысль, но осекся, словно поняв, что сейчас не то время и место.

— Он на меня накричал, — пожаловалась я, не желая больше скрывать обиду на поступок ректора. Я всего лишь попросила то, чего мне обещал Аврелиан, а он поступил далеко не так, как в моем понимании поступали святые люди или существа божественного происхождения.

Брови Мелиора скакнули к челке, уголок губ дернулся вверх.

— А я и не знал, что сегодня он в дурном расположении духа, — нахмурился Мелиор, нервно барабаня пальцами по столу. Он явно преследовал какие-то свои личные цели, собираясь с мыслями, и уже позабыл о моем присутствии. — Что ж, найду его и огорчу еще больше. Боюсь, что ты — не единственная его головная боль.

— Что? — возмутилась я, собираясь высказать все, что думаю об одном наставнике, но нас грубо прервали. Уно — наставница архангелов, неожиданно появилась за спиной Мелиора, хищно раздув ноздри и хватая его за плечо длинными острыми коготками.

— Что я слышу, дорогой? — пропела она елейным голоском, обращая на себя внимание Мелиора, который неестественно выгнул шею. — Снова тайны, о которых я ничего не знаю? Что-то вы стали слишком часто секретничать с ректором наедине, не посвящая нас с Медеей в свои тайны. Мы можем и обидеться.

Мелиор подпрыгнул, наскაკивая бедром на стол, отчего напиток в моем кубке расплескался по скатерти.

— Уно! Почему ты всегда появляешься там, где тебя не ждут?! — недовольно спросил он, пряча глаза и суетливо передвигая мебель, создавая при этом много шума. На нас троих обратили внимание все присутствующие в столовой адепты.

— И все же, — не отступалась Уно от Мелиора. — Что такого печального ты решил

сообщить ректору, о чем неизвестно мне?

Она буквально гипнотизировала Мелиора, и мне стало так жаль наставника, что я попыталась спасти ситуацию.

— Вы неправильно нас поняли, — вмешалась я в разговор, расплываясь в самой очаровательной своей улыбке, — к сожалению, это я доставила ректору очередные неприятности, заслужив отработку в библиотеке. Мелиор как раз собирался меня туда проводить...

Взгляд Уно заледенел, едва она обратила его на меня, а губы презрительно изогнулись. Не дослушав, она резко развернулась и пошла в сторону архангелов, которые обычно сидели отдельно ото всех остальных.

Из Сумрачного зала мы с наставником поспешно поднялись по центральной лестнице на второй этаж, и тут Мелиора прорвало. Я как раз рассматривала фрески на потолке, причудливо сочетающие в себе завитки и прямые линии, когда он сгреб меня в охапку и силой усадил на мягкую софу, расположенную в полукруглом холле перед библиотекой. До сего момента, я даже примерно не представляла, какая сила скрывается в его подвижных руках, казавшимся мне слишком худыми.

— Уно опасна, — прошипел Мелиор, сверкая потемневшим от злости взглядом. — И я не просил тебя вмешиваться.

— Но я вмешалась, — ответила я запальчиво.

— И поплатишься за это, — зловеще предрек Мелиор, убирая руки и шипя, как рассерженный гусь. — Она не потерпит такого к ней обращения ни от одного из адептов, а, тем более, от тебя! Не нарывайся на ее недружелюбие, иначе Уно сделает твою жизнь невыносимой.

Я усмехнулась, наблюдая столько экспрессии.

— Похоже, вас она уже запугала до такой степени, что вы впадаете при ее появлении в ступор, — съязвила я, решив побольнее уколоть Мелиора.

«Что с этими поднебесными мужчинами не так? Я же хотела помочь...»

Мелиор дернулся и снова прикрыл глаза.

— Она любит играть судьбами тех, кто попадает в ее сети, — сурово и с какой-то затаенной грустью ответил мне он.

— Звучит впечатляюще, — пожалала я плечами, ничуть не испугавшись и презрительно ухмыляясь. — Поверьте, Мелиор, после своей собственной смерти я не побоюсь угроз какой-то там стервы с манией величия. Я и сама не робкого десятка.

— Арина, дергая бешеного грифона за поводок, ты не добьешься от него понимания. — Обреченно сказал Мелиор, жестом давая понять, что беседа со мной его утомила. — Просто, будь осторожна.

Он ушел, оставляя меня у дверей библиотеки, и я решила, что после сытного ужина не прочь позаниматься. Никогда не знаешь, какие предметы нас ждут завтра, поэтому вечером я предпочитала повторять все, что нам успели рассказать за день. Кроме законов... Этот предмет я ненавидела всеми фибрами души, если она еще осталась у меня после смерти.

Панорамные окна читального зала — первое, что бросалось в глаза при входе в библиотеку. Массивные деревянные столы с широкими столешницами и деревянные стулья с резными спинками и мягкими сиденьями навевали мысли о золотом веке российского дворянства. Гнутые ножки пуфов, причудливое обрамление зеркал и инкрустация книжных полок — все говорило о дороговизне и качестве.

Я восторгалась этим местом, которое сочетало в себе столько света и роскоши, а местный призрак-смотритель, как вишенка на торте, дополнял антураж. Он знал, как зовут каждого из адептов, ко всем обращался вежливо, помогал с поиском нужной учебной литературы и так зловеще появлялся прямо у тебя перед лицом, что я визжала от страха. Вот и сегодня он возник прямо передо мной, словно вырос из земли, и я вздрогнула, врезавшись лопатками в дверь. Хорошо, что она оказалась закрытой, иначе я бы позорно вывалилась в коридор.

— Арина, рад приветствовать тебя, — нейтральным голосом поздоровался призрак. — Только что мне поступила информация от наставника архангелов, что у тебя отработка. Я рад этому, работы много. Следуй за мной.

— Но я не... — попыталась я что-то сказать, когда призрак просто растворился между книжных полок.

«Интересно, мне следовать за ним таким же путем? Боюсь, я просто расшибу себе лоб о деревянные перегородки».

— Чтоб этой Уно икнулось, — прошипела я, злобно скрипнув челюстью.

«Вот же невыносимая женщина! И как только успела рассказать призраку о том, что буквально несколько минут назад произошло в Сумрачном зале. Не иначе, как по ментальной связи. Решила подсуетиться и нагрузить меня по случаю тяжелой работой?»

— Она не в меру чудная, — услышала я шепотки за спиной и обернулась, встречаясь глазами с адептками своей ступени. Та самая девушка с хвостиком, которая поспешила сделать вид, что говорила о ком угодно, только не обо мне, и ее подружки. Имен я не помнила или просто не знала, никогда не интересуясь, кто со мной учится, но за несколько недель успела запомнить их лица. Враждебности ко мне они не испытывали, я бы почувствовала, но вот любопытство... Им буквально пропитался воздух вокруг хранилищ.

— Секция номер семь, — сказал призрак, и я снова дернулась. Он реял, как флаг, прямо у меня перед лицом, и пришлось срочно идти за ним, ныряя в проходы между полок, иначе третьего появления призрака мое сердечко могло и не выдержать.

— Секция номер семь сейчас закрыта, — шелестел призрак, за которым я едва поспевала, — но Майкл Гавр тебя впустит.

Сказав это, призрак испарился, а я оказалась в самом дальнем конце библиотеки, куда не падал свет. От высоких полок, заставленных всевозможными книгами, на полу играли длинные насыщенные тени, и абсолютно черная дверь, появившаяся в стене примерно так же, как и призрак появлялся перед моим лицом, не внушала мне доверия. Пахло гарью и пылью, и желание сбежать отсюда вдруг подстегнуло меня повернуть в обратном направлении. Только вот я совсем не знала, куда идти, а проплутать между бесконечными полками весь вечер как-то не хотелось.

Переступив с ноги на ногу и оглядываясь в поисках помощи, я все же решила постучаться. Отработку мне никто не назначал, но придется помочь, раз призрак в курсе разговора, состоявшегося между мной и Мелиором. Сама того не ведая, я собственным вмешательством навлекла на себя внеочередную уборку.

— Есть кто-нибудь? — робко спросила я у черной двери, чувствуя себя последней идиоткой.

Черное полотно подернулось рябью, и в проеме показалась высокая фигура в темном одеянии. Вечернее закатное солнце вдруг ослепило меня, и я смогла разглядеть только

разбросанный всюду хлам в виде разобранной мебели и кусков чего-то непонятного. Подслеповато шурясь, я пыталась разглядеть того, с кем мне придется отрабатывать.

«Интересно, чем он провинился перед Аврелианом, раз его сослали стирать с полок пыль руками, без использования многочисленных божественных талантов?» — подумала я, шагая в комнату и морщась от усилившегося неприятного запаха гари.

— Ты кто? — спросил парень, скидывая с головы капюшон мантии. Теперь я могла разглядеть его угрюмое выражение лица и неприветливое — глаз — золотых, как у Аврелиана. Выбеленные, словно седые, пряди коротко стриженных волос Майкла торчали во все стороны, присыпанные пылью. На темной мантии остались разводы грязи, а на руках — черные следы сажи.

— Арина, хранительница, — представилась я, теряясь от суровой неприступности, которой огородил себя адепт. От него так и хотелось поскорее уйти, чтобы не испытывать этот дискомфорт, мурашками пробегающий по спине. — Меня послали в седьмую секцию на отработку.

— Только тебя здесь и не хватало! — огрызнулся Майкл, все же впуская меня внутрь. Я не заметила порога и споткнулась, падая вперед и обеими руками упираясь в спину парня, а тот болезненно вскрикнул и отшатнулся от меня, как от прокаженной.

— Осторожно, ты! Крылья! — крикнул Майкл, продолжая болезненно морщиться и неприлично ругаться, вспоминая всех чертей Межмирья.

— Крылья? — переспросила я, недоумеваю по поводу такого поведения. Я же нечаянно и совсем слегка в него врезалась. Не малохольный, вроде, а кричит так, словно мои ладони оставили у него на спине ожог.

— Мои крылья повреждены, — процедил Гавр сквозь зубы, и я виновато прикусила губу.

«И надо же было попасть на отработку в компании с архангелом», — подумала я, не спеша извиняться.

За те несколько недель, что я пребывала в Храме, уже успела понять, что архангелы здесь на особом положении. Имея белоснежные крылья и обретаясь в Стрельной — отдельно ото всех остальных, они и в столовой, и в коридорах, и в саду держались вместе, давая понять, что с ними лучше не связываться.

— Тряпки и ведра в углу за полками, начинай отмывать сажу, — буркнул Майкл, больше не кривясь, но все еще болезненно морщась от каждого движения.

— Сажу? — снова спросила я, невольно краснея.

«Архангел точно подумает, что у меня язык к небу присох от одного его присутствия рядом».

— Да, это то, что осталось от книг, сожженных темным заклинанием. Сажу, — спокойно объяснил Майкл, нисколько не походя на тех архангелов, которых я встречала в Храме, — кто-то проник в седьмую секцию и уничтожил все книги о падших ангелах, об ангелах смерти и ангелах мести. Шедевры Поднебесной пропали за несколько секунд, а ректор всего лишь махнул рукой и повелел убраться. Ты можешь себе такое представить?

— Кхм, — прокашлялась я, пожимая плечами.

Майкл явно ожидал от меня другой реакции, удивленно вздернув брови, но я понятия не имела, что ему говорить. То ли он не в курсе, что я здесь на особом положении и не особо печалюсь о сгоревшей литературе, то ли сам по себе настолько переживательный.

«Подумаешь, сгорели книги о падших ангелах или о каких-то там других ангелах. Еще

напишут!»

— Завтра кто-нибудь сожжет половину Храма, а Аврелиан, наверное, только поморщится, — сердито говорил Майкл. — Заметила, насколько ему плевать?

— Ага, — машинально ответила я, не желая поддерживать разговор и погружаясь в рутинную уборку.

Теперь понятно, откуда запах гари, вот только пожарище не походило на то, что обычно происходило на Земле. Магический огонь буквально ничего не оставил от содержимого седьмой секции. Кто-то спалил те книги, в которых хранилась ценная информация, не оставляя и клочка.

«Для кого же они настолько важны, что поджигатель не пожелал поделиться ни с кем информацией, уничтожая всю секцию?» — вдруг подумала я.

— Кто мог сделать такое? — спросила я Гавра, понимая теперь, что хлам, сваленный у стены — остатки книжных полок. Целой секции. Странно, что деревянные перегородки целы, когда от содержимого совершенно ничего не осталось.

— Явно тот, кто замышляет нечто плохое, — ответил мне Майкл, оттирая сажу, как обычный парень, которого вооружили тряпкой и ведром. Я даже уважением к нему прониклась.

— Считаешь, ректор Аврелиан сам это сделал? — зачем-то ляпнула я.

Ну, вдруг повезет, и я «нарою» на ректора провокационный материалчик и прижму к стене, требуя искру. Ему-то, как высшему, жить еще сотни лет, а я свой короткий век хранителя хочу провести с пользой. Пусть, пока не очень представляю, как стану помогать другим людям в каком-то там мире, но без искры меня вообще ждет Межмирье. Стать тенью после всего, что я узнала о Межмирье, мне совершенно не хотелось.

— Конечно, нет, — рассмеялся в ответ Майкл. — Но виноват, определенно, он. Ты хоть представляешь себе ценность этой секции? Книги выкрали архангелы из мертвых земель. Мои собраты рисковали своими жизнями, чтобы обогатить Храм семи ступеней знаниями, а Аврелиан допустил такое... — Майкл обвел взглядом разруху, царящую в седьмой секции. — И после этого он еще присылает сюда хранительницу, которая даже не знает, что у архангелов есть крылья. За что мне такое наказание?

Я демонстративно фыркнула и отвернулась от Майкла. Желание продолжить с ним общение и подружиться пропало начисто, а вместо этого я поклялась, что больше никогда не заговорю ни с одним архангелом, чтоб им всем на Олимпе до скончания века торчать.

(Аврелиан)

В кабинете царил полумрак. Огонь в камине отбрасывал на стены причудливые блики, и уютно потрескивал ароматными сосновыми поленьями, которыми пространственники обеспечивали меня по первому требованию. Сосновые поленья с Земли, как особый деликатес.

Я любовался земным шариком — голограммой мира, откуда прибыли сестры — Злата и Арина. Он вертелся вокруг своей оси — необыкновенный и такой притягательный.

Сколько раз я попадал на Землю в надежде отыскать самых талантливых хранителей, и сколько раз этот мир оправдывал мои ожидания!

Мелиор, Робус, Карина...

Последняя стала необыкновенным ангелом хранителем, и, при воспоминании о ней, на лице расплывалась невольная улыбка, а радостные и светлые моменты прошлого на короткое время затмевали горькие мысли о настоящем. Моя выпускница сейчас трудилась в одном из миров, но не на Земле. Она не пожелала возвращаться туда, стараясь оградить себя от соблазнов узнавания.

Когда шарик стал затухать, прячась в каменное основание-пресс-папье, в дверь постучали.

— Войдите, — задумчиво поднял я голову, разжигая в камине яркое пламя, чтобы придать комнате подобающий вид. По стенам сразу заплясали тени, и портреты любимых и родных мне людей, что висели напротив, посмотрели на меня приветливо и взволнованно. Я редко встречался взглядом с отцом и матерью, но сейчас позволил себе задержать взгляд на их лицах дольше обычного.

— Аврелиан, нам надо поговорить, — голос Мелиора казался напряженным и серьезным, как никогда, и я приготовился к новой порции плохих новостей. В последнее время они сыпались на меня, как конфетти из хлопушки, быстро и яростно, заставляя врасплох количеством и качеством.

«Чего стоит сгоревшая дотла седьмая секция, о которой знало не такое уж большое количество адептов. Если потрудится и вызвать архангелов с Олимпа, то можно найти виноватого и узнать, что он замышляет, но разве я этого хотел?»

— Закрой дверь, — попросил я наставника, — никогда не знаешь, кто может подслушивать с той стороны.

Мелиор плотно притворил за собой дверь, нервным движением взъерошил отросшие волосы и присел напротив, хватая и стаскивая с края стола перо, непрестанно крутя его в пальцах.

— Уно последнее время постоянно вертится рядом, что-то вынюхивает и ведет себя крайне неподобающе ее положению. — Выпалил он на одном дыхании, посмотрев на меня вопросительно. Ждал какой-то определенной реакции или готовился к моему равнодушию?

Мелиор, самый юный из наставников, еще сохранил в себе горячность помыслов и стремлений, и я не хотел, чтобы и он превратился в некое подобие меня — отрешенного и погрязшего в скуке высшего, поэтому придал лицу озабоченное выражение.

— Уно что-то знает и пытается добиться моего расположения привычным ей способом — угрозами и шантажом. — Кивнул я головой, невольно вспоминая занятия с Майклом

Гавром. Архангел не доверял мне, больше того, он совершенно не шел на контакт, ограничиваясь короткими фразами приветствия и прощания. Все остальное время мы тренировались, посвящая занятия то стремительным и яростным боям, то погружению в науки Олимпа. — Она знает о Майкле Гавре, но не спешит делиться информацией.

Мои ошибки... Уно стала одной из роковых, и теперь я расплачивался за слабость, проявленную однажды. Меня разъедала такая тоска, что я пытался заполнить ее хоть кем-то, и Уно воспользовалась ситуацией, проникла ко мне в спальню, заполнила собой тьму, клубящуюся в моей душе. К сожалению, я быстро остыл, а Уно не любила проигрывать.

Я сдвинул пресс-папье в сторону, а потом и вовсе убрал его в стол, поднимая взгляд на Мелиора.

— Что она сделала на этот раз? — спросил я наставника хранителей, в синих глазах которого застыла настороженность.

— Допытывалась, какие у нас с тобой секреты, — ответил Мелиор, а я судорожно сжал руками край стола. — И нехорошо смотрела на Арину, слишком нехорошо.

Теперь я понял истинную причину появления Мелиора в моем кабинете, но, вместо радости, испытал жгучую ревность. Мелиор, несмотря на все его непрофессиональные выходки, любил свою работу и к каждому хранителю проникался симпатией. Видимо, и Арина не избежала этой участи. Мне бы радоваться тому, что эти двое, наконец, нашли общий язык, а я едва сдерживаю себя, чтобы не послать Мелиора заниматься своими делами и не лезть туда, куда его не просят.

— Загорн — не тот высший, который позволит попустительство в рядах своих верноподданных. — Рассуждал я вслух, стараясь взять себя в руки. — Если Уно донесет Агате, что Арина избежала участи стать тенью только благодаря божественной искре своей сестре, Храм семи ступеней и долину могут просто стереть из памяти Поднебесья. Кто-то уже недоволен сложившимся положением дел и подставляет меня, устраивая диверсии. Рано или поздно, сюда нагрянут высшие.

— Аврелиан, что ты такое говоришь, — Мелиор стремительно поднялся со стула, направляясь к столику у окна, легким движением руки открыл бутылку и плеснул янтарную жидкость в бокал. — Мне нужно, — прокомментировал он, а я лишь отмахнулся.

Конкретно эта бутылка из закромов самого Мелиора, а время вечернее. Пусть пьет, если ему так легче думается.

— Что ты собираешься делать? — спросил Мелиор, делая последний глоток и напряженно глядя на меня. Светлые пряди волос упали ему на лицо, и Мелиор тряхнул головой, смешно наморщив лоб. Его округлое лицо, настолько светлое и безмятежное в обычные дни, сейчас напоминало мне облик святых-мучеников.

Я пожал плечами, гипнотизирую бутылку янтарного. От неудобных вопросов Мелиора мне тоже хотелось почувствовать жжение в гортани и груди, теплом разливающимся внутри. Может, хоть выпивка заставит меня согреться и немного прийти в себя.

— Я бы никогда не назвал перемещение Златы ошибкой, — покачал я головой, переплетая пальцы и задумчиво глядя на безмятежную поверхность озера, по берегам которого клубилась магическая дымка. — Но Загорн любит вспоминать о законах Олимпа, когда дело касается разоблачения своих подданных и жестокого наказания. Я, как никто другой, прекрасно знаком с последствиями своего поступка.

Тишина разлилась между нами, и Мелиор сам принес початую бутылку, поставив ее на стол и разлил ароматный напиток. Янтарная жидкость плеснулась, стоило мне взять бокал в

руки.

— Злата оказалась именно такой, какой я хотел ее видеть, — признался я Мелиору. — Она предпочла остаться в мире, созданном богиней, поделившейся с ней искрой, и это меня успокаивает. Я не допущу, чтобы Загорн узнал правду.

Мелиор кивнул, откидывая голову на спинку высокого стула. Светлые волосы рассыпались по плечам, а красивый рот скривился, стоило мне произнести имя «Уно».

— Ничего не хочу слышать, — прошептал он, поднимая руку в знак протеста. Его поза изменилась, и теперь он выглядел расслабленным и умиротворенным. Мне бы его умение принимать на веру все, что ему говорят.

— Так, что там с Уно? Чем ее привлекла Арина? — задал я вопрос, чтобы снова не погрузиться в созерцание пламени в камине и не отрешиться от всего сущего. Слишком много накопилось проблем, слишком много нерешенных вопросов.

— Дерзостью, — поморщился Мелиор, выпрямляясь и снова хватаясь за бокал. — Ты же знаешь несдержанность этой девушки.

Я кивнул головой, а Мелиор спросил, не сводя с моего лица давящего пронзительного взгляда.

— Аврелиан, что в Арине такого особенного, что ты не хочешь отправлять ее в Межмирье? Она сама хотела стать тенью, и рано или поздно станет ей, потому что не сможет стать никем иным без твоей искры.

— Я сказал, что поделюсь с ней искрой, и я сделаю это, — саданул я кулаком по столешнице с такой силой, что горка пластин, оставленных здесь еще с начала учебного года, в очередной раз полетела на пол. Я не потрудился поднять личные дела адептов, до которых мне не было абсолютно никакого дела. Пусть полежат там, никто и не спросит, почему они до сих пор не рассортированы по ячейкам картотеки Храма семи ступеней.

Мелиор выглядел удовлетворенным моей вспышкой ярости, и поспешил подняться и откланяться.

— Не смею тебя больше задерживать, — сказал он, пряча улыбку и сверкая наглым синим взором, а внутри меня закипал новый виток ярости.

Этот проходимец специально вывел меня на эмоции, желая узнать, сдержу я свое обещание, данное в порыве совестливости, или же отступлюсь и оставлю все, как есть. В последнем случае Арину бы ждала незавидная судьба, тут Мелиор прав. Она станет тенью, отправляясь в Межмирье, потому что не проживет без искры столько лет, сколько отпущено на обучение хранителям в Храме. Вот только, знает ли Арина, как мне предстоит делиться с ней частью себя самого и готова ли к тому, что произойдет между нами? Явно, нет, потому что предлагала сделать это прямо в саду на виду у всех. Интересно, как бы она отреагировала, если бы я сказал, что был в шаге от того, чтобы прижаться к ее манящим губам, чтобы почувствовать ее вкус, чтобы открыть для себя тепло ее тела и упругость груди.

— Ты много фантазируешь, — остановил я самого себя, пригубив напиток и отставив бокал в сторону. Слишком много работы, и ясная голова — это залог того, что я доделаю ее вовремя. И заниматься расследованием магического поджога в седьмой секции придется самому, не привлекая архангелов Олимпа. Еще не хватало давать Уно возможность пожаловаться одному из них, самолично открыв архангелам доступ в Храм.

В дверь снова постучали, и я неприязненно поморщился, роняя голову на руку. Этот кто-то не желал отступать, и попытался открыть дверь без моего на то разрешения. Дверь не поддавалась, и я удовлетворенно хмыкнул, поигрывая пером, которое бросил на стол Мелиор.

Истерзанное, переломано пополам, оно напоминало мне меня самого.

— Аврелиан! — крикнула Уно, пнув дверь ногой. — Открой немедленно, я знаю, что ты там!

Я лишь хмыкнул, по ментальной связи обращаясь к Робусу.

— Как насчет прогулки в архив, приятель? — спросил я друга ироничным тоном, представляя, как мы с наставником инитов крадемся в ночи через Парящие аллеи и пробираемся по темным закоулкам к заброшенному каменному зданию, единственному в долине.

Выстроенный из обломков скалистой породы, архив содержит в себе столько ценной информации, сколько никогда не хранилось в Храме семи ступеней. Мы со Златой всегда подозревали, что адепты не в меру любопытны. Они способны проникнуть куда угодно, только дай им волю и возможность поэкспериментировать, поэтому особо ценные экземпляры спрятали подальше от их глаз.

— С удовольствием разбавлю скучный вечер в обществе бумаг несанкционированной ночной вылазкой, — хмыкнул Робус, обращаясь ко мне так же по ментальной связи. — Встречаемся у Парящих аллеи.

Я поднялся из кресла, ощущая себя молодым и бодрым, как никогда. В венах бурлил адреналин, в голове выстраивались сотни предположений того, кто мог проникнуть в седьмую секцию и что пытался спрятать, не дав возможность другим адептам заполучить ценную информацию.

Распахнув окно, я с опаской посмотрел вниз, снова чувствуя небывалый прилив адреналина и безудержного веселья, которым, вероятно, заразился от Мелиора.

Высшие не умеют летать, у нас нет ни крыльев, не способностей престолов, но я — ректор Храма семи ступеней.

Достав из кармана разработку старшей ступени престолов, которую, в свое время, отобрала у пространственников еще Злата, я покрутил круглый шарик в руке, вспоминая, как им пользоваться. Уно упрямо продолжала стоять за дверью, барабанила кулаками и раздражая меня упертостью, граничащей с неприличием.

— Что ж, если не работает, я разобьюсь, — глянул я вниз еще раз, и сжал шарик в руке, активируя его возможности.

Взбравшись на подоконник, я ухватился на откос, поборов головокружение. Высшие вполне способны испытывать обычные человеческие эмоции, мы ведь создаем существ по своему образу и подобию, и я боялся высоты, отчаянно цепляясь за выступ и уговаривая себя отступить.

Но там, в кабинете, меня ждала встреча с Уно и нудное выяснение отношений, которое сопровождалось попытками меня соблазнить, а внизу ожидал Робус и ночная вылазка в старое здание архива, которое я не посещал многие сотни лет.

«Интересно, так ли хорошо духи долины следят за ним, как должны?»

Сжав в руке шарик, я прошептал заученные наизусть активаторы, и шагнул в пустоту, крепко зажмурив глаза. Резкое падение вниз, которое длилось всего мгновение, выбило из меня весь дух и заставило кровь в жилах заледенеть, а волосы на голове встать дыбом, но вот я уже стоял у Парящих аллеи и тяжело дышал, схватившись за грудь. Сердце бухало, как ненормальное, а лицо полыхало огнем, и в этот момент на плечо легла тяжелая рука Робуса.

— Живой? — усмехнулся он, натягивая на голову капюшон темной мантии и скрывая под ней свое лицо. Такие же синие, как у Мелиора глаза, смотрелись опасными на

заостренном и грубоватом лице Робуса, и я подумал, что он как раз тот самый напарник, который мне сейчас нужен.

— Да, — криво улыбнулся я, тоже натягивая на голову капюшон. Узнать меня не составило бы труда, не сделай я этого. Длинные белоснежные волосы и обод с драгоценными камнями — отличительный признак высших, сказал бы каждому, кто решил прогуляться по Парящим аллеям. А ректор, покинувший кабинет на ночь глядя, это повод проследить за ним, разве нет?

— Самое главное, потому что я пока не готов терять тебя. Пойдем. — Кивнул Робус, предвкушающее улыбаясь. Сейчас он походил не на мученика, как Мелиор, а на падшего ангела в самом своем отвратительно-обаятельном облике.

И я удивляюсь, откуда столько жалоб от адептов на равнодушие и холодность Робуса. Да, они, вероятно, тайно мечтают одомашнить его...

— Пойдем, — согласно кивнул я Робусу, и мы единодушно двинулись в обход Парящих аллей, направляясь в самую дальнюю часть долины, туда, где стояло каменное здание архива, в котором хранились труды, выкраденные архангелами из мертвых земель.

Страсть и власть

(Арина)

Ранним утром я спускалась по центральной лестнице в Сумрачный холл, радуясь блаженному спокойствию. Едва-едва на востоке зародились первые признаки восходящего солнца, а я уже собрала вещи, ожидая гонга к завтраку в прохладе и тишине огромного и пустого помещения.

Последние несколько дней буквально все вокруг вызывало у меня раздражение, особенно толкотня в коридорах и напыщенная болтовня архангелов, которые кичились собственным происхождением, белоснежными крыльями и привилегиями, данными им от рождения. После занятий они зависали в Стрельной, но на протяжении завтрака, обеда и ужина остальным адептам приходилось терпеть их показное величие. И, после знакомства с Майклом Гавром, я больше не питала никаких надежд по поводу того, что рано или поздно архангелы исправятся и поймут, что они ничем не лучше остальных.

Остин — красивый и яркий архангел, настоящий воин с могучими широкими плечами и скудным умишком — зачинщик всех потасовок и скандальных историй, спустился в Сумрачный холл, и я невольно засмотрелась на его сложенные крылья. Белоснежные, с мягкими нежными перышками, крылья архангелов, словно плащи, сложенные за спиной, служили мне постоянным напоминанием, что отныне я обретаюсь среди небожителей. Против воли, я испытывала невольное восхищение их обликом, которое проходило, стоило архангелам открыть рот.

Вот, и сегодня он спустился в Сумрачный зал раньше остальных, чтобы демонстративно занять место во главе стола, устланного скатертью с золотой вышивкой по кайме, и помешал мне насладиться привычной утренней тишиной.

— Богиня Агата, кто это почтил меня своим вниманием? — заметил Остин мой любопытный взгляд и растянул пухлые губы в очаровательной улыбке и, клянусь, мое сердце дрогнуло, но разум быстро перечислил все недостатки архангела: от скудоумия до пренебрежительного отношения к другим адептам. — Я позволю тебе погладить их, если обещаешь быть нежной, — проворковал Остин томным голосом, и мне пришлось на всякий случай спрятать руки за спину.

— Боже упаси! — ответила я, проходя мимо и сворачивая в тот самый коридор, который до сих пор не исследовала. Голова пыталась убедить сердце, что оно абсолютно равнодушно к предложению архангела.

В кармане мантии лежала чуть засохшая булочка со вчерашнего перекуса, и я быстренько ретировалась, решив, что гонга дождусь в другом месте. Одно нахождение с Остином в одном помещении делало утро невыносимым и опасным.

Высокий потолок Сумрачного холла резко снижался, а коридор походил на узкую полупрозрачную кишку, бесцельно протянутую от одного помещения к другому. Я почти разочаровалась, когда неожиданно коридор привел меня к высокой деревянной двери, за которой я обнаружила выход к Парящим аллеям.

До сих пор я только слышала о них, но ни разу не видела, боясь откровенно исследовать территорию Поднебесной долины, а теперь стояла, пораженная множеством танцующих в воздухе лепестков, сладко-ванильный аромат которых буквально сбивал с ног.

Тропинки Парящих аллей, спрятанные в зарослях лилейника, циклическими кругами шли от центра к выходу, расширяясь и расцветчиваясь от золотого до насыщенного алого. Белоснежный песок, составляющий центр Парящих аллей, взрывными волнами возносился на уровень первого этажа Храма семи ступеней и необычным фонтаном вновь опадал, ровно ложась на прежнее место.

Деревья Парящих аллей висели кронами вниз, темными корнями упираясь в молочную непроницаемую мглу, которая создавала куполообразную крышу. Воздух здесь казался влажным и душным, мои волосы завились у висков, стоило только шагнуть на одну из тропинок. Подошвы туфель словно подрагивали, ощущая вибрацию разноцветного песка тропинок. Хорошо, что он оставался на месте, иначе я бы попала под водопад из песка.

Нервно оглянувшись, я все же быстро пошла вперед, слушая биение сердца в ушах. Волнение затапливало удушливой волной, и все здесь казалось мне чужеродным, иным, опасным. Я чувствовала себя в безопасности только в присутствии Мелиора и других адептов, либо в помещении собственной спальни, но все новое несло в себе печать неизведанного мира, в котором я казалась инородным телом, лишним элементом слаженной системы.

На одном повороте тропинки из песка тянулись растения, похожие на водоросли, достающие мне до самой макушки. Нежно-розовые волнообразные растения танцевали, как и все в этом месте, но, по крайней мере, твердо держались в почве. Я остановилась, чтобы полюбоваться живой стеной и расслышала чьи-то голоса. В зарослях кто-то уединился, горячо переговариваясь друг с другом, и я так и замерла в полусогнутом состоянии, боясь выдать свое местоположение и став невольной слушательницей чьих-то тайн.

— Я хочу выпить его завтра на рассвете, — взволнованно шептала какая-то девушка.

Конечно же, я не узнавала мелодичный голос, слишком мало общалась с адептами. Да, и мало ли с какой она ступени, в Храме так много существ, с которыми я даже ни разу не сталкивалась!

Послышалось недовольное шипение, словно кто-то пустил из шланга сильный напор воды.

— Нет-нет, — возразила девушка поспешно, — после того, что случилось в библиотеке, никто не удивится случившемуся.

— Ты в своем уме, Нобис?! — видимо, не выдержал собеседник, повышая голос, и я чуть не вскрикнула, зажимая рот рукой.

Как не узнать надменных и вибрирующих интонаций Майкла Гавра, с которым я столкнулась на отработке в седьмой секции. Мы отдраивали ее чуть не до утра, и я наслушалась ворчливый голос Майкла, сейчас без труда узнавая его.

— Выпьешь эликсир и окажешься в Межмирье. — Серdito напирал на собеседницу Майкл, а заросли шевелились так яростно, что я присела на корточки, боясь, как бы парочка не вывалилась прямо на меня. — Я не понимаю, откуда вообще у тебя такой редкий и бесценный ингредиент, как кровь престолов, покидающих пределы мира?

— Это неважно, все неважно, когда наши с тобой родители страдают под гнетом Загорна. Живы ли они? Ты не знаешь этого, мы оба не узнаем, пока не вернемся! — со слезами в голосе тараторила девушка, тоже повысив голос.

— Нобис, — прошептала я едва слышно, стараясь вспомнить ее лицо, но в голове не всплывало никого с похожим именем.

Мне бы исчезнуть, испариться, но я не представляла, как уйти, не привлекая к себе

внимания. То, о чем сейчас спорили эти двое, явно противозаконно или несет с собой массу неприятностей. Я со своими-то разобраться не могу, не хватало мне еще стать невольной участницей чьего-то заговора. Мало ли какие у них отношения на Олимпе между существами, стоящими на разных ступенях иерархии. Явно, все не так хорошо, как кажется, раз родители Майкла и Нобис в опасности и, возможно, мертвы.

— Черт-черт! — выругалась я, отползая немного назад, но замирая, едва голоса затихли.

Загорн и Агата — боги, которые заправляли всем Олимпом, и я невольно тряслась, представляя, во что вляпались эти двое.

— Ты помешалась, Нобис, просто, помешалась! У меня нет другого объяснения тому, что ты собралась сделать. — Обреченно высказался Майкл, но Нобис горячо возразила ему. Она снова и снова повторяла, как заведенная, что их родители в опасности, и жалобно всхлипывала, заставляя меня скрипеть зубами от досады. Я совершенно не хотела сочувствовать ей, но разве можно слушать ее жалобные всхлипывания и оставаться равнодушной?

— Меня перенесут домой, а когда я очнусь... — начала Нобис, но Майкл резко ее прервал.

— Ты не очнешься. Эликсир отправит тебя в Межмирье на долгие годы, пока какой-нибудь некромант из высших не захочет вернуть тебя обратно. Сколько ты пролежишь в бессознательном состоянии, Нобис, месяц, год, сотню лет? — спросил ее Майкл, зарычав, словно загнанный зверь.

— Мне все равно! — отчаянно вскрикнула Нобис, замычав, словно Майкл закрыл ей ладонью рот.

Я нервно пятилась назад по песчаной тропинке, боясь выдать себя случайным шорохом. Взгляд так и прикипел к танцующим розовым зарослям, и я совершенно не заботилась о том, что кто-то меня увидит в таком нелепом положении. По моим ощущениям, заветный поворот тропинки вот-вот замаячит на горизонте, стоит немного побыстрее пятиться. Я уже поднималась с колен, когда в локоть впиалась чья-то ладонь, а прохладные пальцы легли на мои губы.

— Тише, Арина, давай дослушаем интересную беседу до конца, — прошептал Аврелиан, дергая меня вверх и склоняя голову, своим дыханием волнуя непослушные завитки волос у виска.

Его близость испугала меня до икоты, а твердое мощное тело ректора невольно вызвало стайку мурашек, прокатившихся по позвоночнику. Я вздрогнула, мотая головой и вырываясь из крепкого захвата, но Аврелиан лишь теснее прижал меня к себе. До этого самого момента я даже не подозревала, что у высших есть член, но твердая выпуклость, потершаяся о мое бедро, свидетельствовала об анатомической схожести богов и людей. И его руки, настоящие мужские руки, сжимали мои бедро и губы, отчего я тряслась, как в лихорадке, мечтая приоткрыть рот, скользнуть влажным языком по его пальцам, ощутить вкус. Я так сильно сжала челюсти, боясь своих желаний, что скрипнули зубы.

— Не ерзай, — коротко и зло произнес Аврелиан, а я удивилась еще больше. От него снова пахло дорогой выпивкой, и аромат дамасской розы, исходивший от одежд Аврелиана, забивался в нос. Голова закружилась, в горле пересохло, и мне показалось, что колени начали подгибаться. Его лицо так близко, что краем глаза я вижу острые скулы Аврелиана, его жесткий напряженный профиль, прямой нос, длинные загнутые ресницы.

Я хотела заглянуть в глаза Аврелиану, понять, испытывает ли он хоть что-то подобное,

или это только я схожу с ума от жара, лавиной прокатившегося по венам.

Он так близко, так близко...

Я застонала, запрокинув голову и недовольно ерзая, и Аврелиан выругался.

Это немного отрезвило. Чтобы почтенный высший — ректор Храма семи ступеней — и в такой непочтительной манере отзывался о себе подобных...

— Ты все делаешь для того, чтобы приблизить момент нашего слияния, — горячо прошептал он мне в ушко, стиснув бедро пальцами так, что наверняка останутся синяки, и я сглотнула вязкую слюну.

Перед глазами плыли кустарники и цветные пески Парящих аллей, в ушах стучала кровь, ноги подрагивали, а в животе тугим жгутом сплеталось желание. Я бы могла списать это ощущение на что угодно, но так часто испытывала его, находясь в объятиях любимого, что не могла отрицать очевидного. Аврелиан сводил меня с ума одним своим ароматом, горячим твердым телом, пальцами, которые болезненно замерли. От того, что его руки не двигались, мне хотелось кричать, и я снова застонала, прикрыв глаза и вжимаясь в Аврелиана с бесстыжей жаждой быть ближе.

Подозревал ли он о том, что я готова наброситься на него с поцелуями, когда губами нежно касался полоски кожи под волосами. И откуда в нем столько терпения?

— Я узнал все, что хотел, — низким тягучим, как патока, голосом, произнес Аврелиан, убирая с моих губ и талии ладони. Я замычала от разочарования, смаргивая с ресниц слезы стыда, солеными дорожками катившиеся по щекам, а Аврелиан уже стоял так далеко, что аромат дамасской розы истаивал, как и резкий запах спиртного. Если бы ректор не исчез за тяжелыми деревянными дверьми, я бы набросилась на него с кулаками, и неизвестно, чем бы это закончилось.

— Всемиловитый боже, что со мной? — застонала я громче, опускаясь на песок.

Руки так сильно тряслись, что я удивленно смотрела на них и не могла поверить в происходящее. Меня даже подташнивало от желания, скрутившего внутренности.

Нобис и Майкл ушли тем же путем, которым и пришли, не встречаясь ни со мной, ни с Аврелианом, а я пропустила завтрак, игнорируя громкий гонг и гомон голосов, которые неслись из распахнутых настежь окон Сумрачного холла.

«Больше никогда, — мысленно пообещала я себе, немного приходя в себя. — Никаких приключений, никаких томных взглядов на ректора. Я простудилась, у меня температура»...

До конца дня я провалялась в кровати, встретив Мелиора в коридоре и сказав, что мне ужасно плохо. Видимо, выглядела я соответствующе, потому что наставник сам проводил меня до спальни и разрешил пропустить все занятия, обещав принести книги и обед.

Провалившись в сон, я впервые не видела кошмаров, но Аврелиан поселился в моем подсознании, впиваясь в него, как клещ. Его руки гладили, доставляя мне неземное удовольствие, и только окончательно проснувшись, я поняла, что ласкаю сама себя, доводя до судорожных всхлипываний и готовя к яркому оргазму, который сотряс все мое тело.

Все следующее утро я провалялась в постели, читая записи, оставленные Мелиором на прикроватной тумбочке, и не различая ни одного слова. За весь прошедший день я не притронулась к еде, и теперь едва сдерживалась, чтобы не побежать в Сумрачный холл в числе первых, но побоялась, что не смогу затесаться в толпе, если неожиданно столкнусь с Аврелианом.

Нет и нет. Больше никогда он не застанет меня врасплох.

После завтрака, который я все-таки посетила, Мелиор повел хранителей первой ступени

в лекционную аудиторию, снова усадив на мягкие подушки, разбросанные прямо на полу. Не успела я занять одну из них, как в помещение ввалились престолы, заполнив аудиторию до предела и, шумным суетливым потоком, сметая все на своем пути, в том числе свободные подушки. Попыхтев, я уселась прямо на подоконник, свесив ноги и расправив подол форменного платья. Ллойд молча устроился рядом, опускаясь на пол прямо под каблуками моих туфельек и беззаботно хмыкая на мой шустрый пинок в плечо.

Я не удержалась, а он не обиделся, двумя пальцами поймав мою лодыжку и с ехидной полуулыбкой возвращая ногу в начальное положение.

Мы бы и дальше беззаботно препирались друг с другом, если бы я не поймала на себе пристальный взгляд девушки, лицо которой казалось смутно знакомым.

«Где я могла видеть ее?» — невольно подумала я, всматриваясь в какие-то безликие и одинаковые лица престолов. Бледные, худые и темноволосые, пространственники походили один на другого и чертами лица: заостренными скулами, бескровными губами и глубоко посаженными глазами. Только Нобис несколько не походила ни на кого из них. Лишь темные волосы, сколотые на затылке, роднили ее с бледными собратьями, и такой же болезненный оттенок кожи, в остальном девушка выглядела намного привлекательнее и живее.

Ллойд успел соскучиться, подцепив пальцами мою туфельку и нагло стаскивая ее с ноги. Кончиком пера он пощекотал мою ступню, и я засмеялась, вдруг понимая, что в аудитории царит неестественная тишина. Мелиор не вещал со своего трона, и я подняла глаза, ожидая встретить его суровый и предостерегающий взор, но наткнулась на огненные испепеляющий взгляд ректора.

Сердце дрогнуло, подскочив к самому горлу, и я забыла, как дышать, глядя в пылающие огнем глаза Аврелиана, на его яркие, словно искусанные губы, на красивый подбородок, который вдруг захотелось прикусить зубами.

«О, мой бог»... — простонала я мысленно, прикрывая глаза и ощущая, как лихорадка вновь овладевает всеми конечностями. Пришлось даже грубо выдернуть ногу из пальцев Ллойда, чтобы он ничего не успел понять.

— Я не задержу вас надолго, — раздался сухой голос Аврелиана, а в нос ударил аромат дамасской розы, и я вжалась лопатками в стену.

«Хоть бы исчезнуть, чтобы предотвратить последствия странной вирусной инфекции, которая передавалась, видимо, воздушно-капельным путем», — лихорадочно думала я, глядя на пол, где цветными пятнами расплывались перед глазами плитки пола.

— Я хочу рассказать тем, кто еще не знает, о седьмой секции, — Аврелиан сделал зловещую паузу, а я отчего-то прикипела взглядом к девушке, которая до этого не сводила глаз с меня. Престолы держались от нее чуть поодаль, и она пряталась от ректора за пышной растительностью цветущий кустов, которые остались здесь, как напоминание, что когда-то в этом помещении располагался зимний сад. — Магический пожар уничтожил значительную часть изданий, доставленных в Храм архангелами из мертвых земель, но не все книги.

При этих словах Аврелиана, девушка вздрогнула и подняла голову, прикусив губу. На ее щеках наливались нездоровые карминные пятна.

— Но магический пожар в седьмой секции, это еще не все, — вкрадчивый голос Аврелиана пускал по моему позвонку знакомую стайку мурашек, и, сколько я не убеждала себя, что разговор серьезный, ощущение внезапной радости от близости ректора не проходило.

— В Парящих аллеях обнаружен след от темного заклинания. Кто-то готовил смертельное зелье прямо среди розовых кустов, — пояснил Аврелиан, и адепты возмущенно ахнули. Ллойд повернулся ко мне и вопросительно приподнял бровь, на что я покрутила у виска пальцем. Я, конечно, мечтаю опоить Аврелиана подобным зельем, но как его готовить понятия не имею.

— Если кто-нибудь из вас слышал или видел что-либо подозрительное, прошу незамедлительно сообщить об этом наставнику либо мне. Прискорбно думать, что такое в Храме впервые, поэтому подозрения падают на адептов первых ступеней обучения. — Сказал Аврелиан, повернув голову в нашу с Ллойдом сторону, к окну, но я упорно смотрела на растения и на девушку, затаившуюся среди цветущих кустов.

— Только адепт с нездоровой психикой способен на подобный поступок, — вмешался Мелиор, нервно барабанил пальцами по подлокотникам своего трона. — И мы обязаны найти его и помочь.

Я скосила взгляд на Ллойда, а он — на меня. К сожалению, моя персона привлекла не только его взгляд, многие хранители тайком кидали в мою сторону вопросительные взгляды.

«Докатилась!»

Теперь меня считают не только бесталанной пустышкой, но еще и смертельно опасной или же сумасшедшей!

Среди престолов, которые белыми призраками расселись вдоль стен, я разглядела всего несколько девушек. Есть ли среди них Нобис, которая встречалась с Майклом Гавром в парящих аллеях? Не она ли варила то самое зелье или, как его назвал Гавр, эликсир, смертельное для нее же самой. Боюсь представить, что из их разговора услышал Аврелиан, и зачем он провоцирует адептов, когда точно знает, кто говорил в Парящих аллеях? Что хочет выяснить?

— А теперь приступим к лекции! — отвлек меня голос Мелиора, — и, раз уж вы все сегодня на мне, давайте соблюдать тишину, я не собираюсь терять голос из-за толпы перевозбужденных адептов.

Аврелиан ушел, я снова попрощалась лишь с его спиной и опущенной головой. Сегодня он не собрал белоснежные волосы в «хвост», как делал это на лекционных занятиях, и они длинными прямыми прядями свисали до самой талии, как у кого-нибудь жителя лесов. Он выглядел привычно сосредоточенным, но меня пугал сам факт того, что я это заметила. А еще тревожнее казалось ощущение внизу живота — стягивающее и жгучее, словно я хотела, чтобы Аврелиан остался в аудитории и снова посмотрел на меня.

«Налицо все признаки влюбленности, — сделала я неутешительный вывод. — И как лечиться? Выпросить у Нобис таинственное зелье и отправиться в Межмирье раньше запланированного срока? А что... Эпичное завершение моего запутанного жизненного пути».

— Сегодня я расскажу вам о высших, которым «море по колено», — ухмыльнулся Мелиор, сделав паузу и откидываясь на спинку своего импровизированного трона. — О Загорне и его брате Дарко. Эти боги первыми появились на Олимпе, рожденные от самых древних и ярких светил небосвода. Они правили Темным миром, пока на Олимпе не появилась Агата и Ирида — родные сестры, равные братьям по силе и мощи. Но Олимп оказался мал для четверых амбициозных, молодых и горячих высших, которые жаждали единоличной власти. Миры, созданные ими, образовали первый круг Поднебесья, а Темный мир раскололся на само Поднебесье и Межмирье — земли мертвых. Началась

кровопролитна война, в которой на сторону Загорна вставало все больше рожденных высших. Дарко обвинили в том, что его сознание обуяла тьма и сослали в земли мертвых, куда вслед за ним отправилась и Ирида. С тех самых пор, только Загор правит на Олимпе, повелевая всеми остальными, только он пишет новые законы, блюдет их выполнение и сурово наказывает тех, кто оступается. Вызубрите книгу, которую я вам выдам, как свое собственное имя — это назидательные истории ангелов, падших от руки Загорна.

Лекция оказалась короткой, а зловещие паузы между предложениями — пугающими. И Мелиор сегодня не улыбался и не шутил, как делал это обычно. И престолы, и хранители сидели, практически не шелохнувшись с самого начала повествования.

— Лучше знать, что вас ждет за проступок, прежде чем совершить нечто незаконное, — голос Мелиора сегодня казался мне чересчур пугающим, он явно переборщил с наведением страха в души первокурсников, но они внимали ему с открытыми ртами.

Я прониклась всеобщим настроением, пообещав себе почитать на досуге, что там за назидательные истории.

— Запомните. Ни один хранитель не должен стремиться к тому, чтобы узнать о своем прошлом, ни один престол, инит и архангел не имеет право обсуждать решения Загорна. Вы рождены теми, кто вы есть — слугами богов, и не имеете права на ошибку, — вещал Мелиор, а я уже не слушала, погружившись в собственные мысли.

Мелиор и Аврелиан явно спелись, словно намекая мне на то, что происходит. Кого они стараются предостеречь, о чем таком знают, предупреждая еще раз хранителей, инитов, престолов и даже архангелов?

Окончание лекции Мелиор обозначил своим молчаливым уходом, а первокурсники еще долго обсуждали то, что им довелось сегодня услышать. Если престолы, знакомые с правилами Олимпа, вели себя более равнодушно, то хранители бушевали, высказывая негативные мнения по поводу несправедливого правления Загорна.

Выскользнув за дверь, я предпочла остаться в стороне от дебатов, но моему тихому уходу не суждено было сбыться. За дверью стоял Аврелиан, который сгреб меня в охапку и утянул в туманное облако, созданное взмахом его руки.

Закономерность ошибок и их последствий

(Арина)

В то время как я возмущенно размахивала руками, выплескивая на Аврелиана все негодование, скопившееся в душе, он стоял и молча наблюдал за мной, скрестив на груди руки. Высокий, серьезный, немного отстраненный и, как обычно, облаченный в длинную белоснежную мантию, украшенную золотой и серебряной вышивкой. От пристального и изучающего взгляда его теплых карих глаз, приправленных янтарными искрами, хотелось спрятаться.

— ... и покажите мне строчку в уставе Храма, где черным по белому написано, что ректор имеет право хватать студентов и уволокивать их в... это! — я сделала неопределённый жест рукой, не представляя, как называется облако, которое переместило нас из коридора в кабинет Аврелиана в считанные мгновения.

— Это называется облачное сообщение, — разъяснил ректор нейтральный тоном, продолжая с интересом изучать меня, как букашку под микроскопом. — Возможно только на территории долины и только избранным.

Я закатила глаза, бессильно опускаясь в глубокое кожаное кресло, придвинутое вплотную к книжным полкам. Отсюда открывался великолепный вид на начинающее темнеть небо, усыпанное еще бледными звездами-точками. В камине жарко полыхало пламя, желтыми языками облизывая почерневшую от сажи каменную кладку и давая мне время на то, чтобы привести в порядок разрозненные эмоции, захватившие меня с головой. Пальцы нервно сжимали подлокотники, чтобы не сорваться на беспокойное постукивание по кожаной обивке.

Аврелиан продолжал стоять за спиной — молчаливый и собранный. Я затылком чувствовала его изучающий взгляд и гадала, зачем он притащил меня сюда.

— Я хотел поговорить, — наконец, сказал Аврелиан, словно предвидя мой вопрос. — Насчет всего произошедшего.

В голове взорвался фейерверк мыслей, от которых в горле появился противный горьковатый привкус страха, и я вперила взгляд в окно, машинально отмечая спокойную гладь озера и темные пятна — сады Поднебесной.

— Не мне вам говорить, что библиотек я не поджигала и смертельного зелья не варила, — сказала я хриплым голосом, проклиная свое волнение.

«Об этом ли разговоре шла речь, или ректор собирался обсудить нечто иное: например, тесное соприкосновение наших тел в Парящих аллеях?»

Аврелиан издал какой-то неразборчивый хмыкающий звук и преодолел то расстояние, которое нас разделяло, загородив собой вид из окна. Он смотрел пытливо, грозно нахмурив брови и напрягая челюсть до четко проступивших желваков.

— Ты часто оказываешься в неподходящем месте в неподходящее время, — произнес он, едва размыкая губы. — И по случайному стечению обстоятельств в седьмой секции после происшествия снова оказалась ты, вместе с Майклом Гавром.

— У вас паранойя, Аврелиан, — покачала я головой, округлив глаза. Все противоречивые эмоции, навеянные его появлением на лекции Мелиора, враз улетучились. Я снова испытывала лишь глухую, болезненную злобу, приправленную нотками ненависти к

умению Аврелиана выводить людей из себя.

Его потемневший карамельно-обжигающий взгляд приковался к моему лицу, и злость стала обоюдоострой. Аврелиан дернулся, приблизившись к креслу и положив свою ладонь на мое плечо. Он нависал, и я теряла уверенность, закусывая губы, чтобы не сказать какую-нибудь глупость, о которой позже непременно пожалею.

— Поверь, Арина, то, что сейчас происходит в Храме семи ступеней каким-то образом связано с тобой. Я чувствую это, — уверенно заявил Аврелиан, продолжая гипнотизировать меня. — Лучше признайся сразу, чтобы избежать неприятных последствий. Что ты знаешь о Майкле Гавре и Нобис?

— Ничего, — выпалила я, вжимаясь в спинку кресла, лишь бы быть подальше от горячей ладони Аврелиана, только вот он не отпускал, сжимая ткань рукава. — Сказала же, что ничего! Вы специально делаете меня виноватой, когда сами кругом виноваты?! Выкрали мою сестру из привычного ей мира...

Я хотела и дальше говорить, обвиняя Аврелиана во всех бедах, только вот он внезапно переместил ладонь на пуговицы воротника и захватывая ткань в кулак, лишая меня дара речи. Дернув платье наверх, Аврелиан заставил меня подскочить на ноги, чтобы не задохнуться от нехватки воздуха.

— Запомни раз и навсегда, Арина, — сказал он обманчиво ласковым голосом, а в его глазах разгорался настоящий пожар, съедая темный зрачок огненными всполохами. — Я не принуждал твою сестру к решениям, которые она приняла самостоятельно.

— Но вы украли у нас Злату, — обвинила я ректора, не собираясь сдаваться и не замечая того, как руки Аврелиана слегка подрагивают, а черты лица каменеют.

— Твоя сестра — носительница искры моей погибшей возлюбленной, и ее место здесь, в Храме семи ступеней. — Неуверенно ответил мне ректор, резко опуская руки и пряча их за спиной.

Его взгляд затуманился, словно память погружала Аврелиана в далекое прошлое.

— Я так любил Злату, что сошел с ума от горя, когда потерял. Я мечтал увидеть ее черты в любой женщине, хоть мало-мальски похожей на мою возлюбленную. Я скитался по мирам, натываясь взглядом на светловолосых красавиц, но ни у одной из них во взгляде не разливалось столько жизни, сколько было в глазах Златы. Я боготворил свою возлюбленную, и совершил ошибку, наткнувшись на божественную искру Златы в твоей сестре.

Видимо, признание давалось Аврелиану непросто, потому что на его лбу я заметила мелкие бисеринки пота, а черты лица ректора напоминали маску: болезненную, полную скорби и застарелой тоски.

— Я нарушил законы Олимпа, лишив Злату отведенного ей срока жизни, и не оправдываю своих поступков, но хочу избежать последствий, — Аврелиан снова вернул взгляд к моему лицу. — И ты поможешь мне с этим, если не хочешь стать тенью.

Я проглотила готовое вырваться возмущение, едва совладав с потрясением.

— Это угроза? — голос не желал меня слушаться, переходя в сиплый шепот. Слишком уж серьезно и спокойно выглядел Аврелиан, произнося свое ультимативное предложение о сотрудничестве. Явно не врал.

— Если Загорн узнает, что ты до сих пор не в Межмирье, он сделает это сам, наслаждаясь каждым мгновением боли, которую ты испытываешь, — сказал зловещим тоном Аврелиан, но я прервала его взмахом руки.

— Ясно, — ответила сквозь зубы, сжимая кулаки и отворачиваясь к книжным полкам,

лишь бы Аврелиан не видел моих слез.

— Но, если ты до сих пор хочешь стать тенью, я тебя отпущу, — добил меня ректор, отходя к столу и опускаясь на стул с высокой спинкой и резными подлокотниками. Я не видела этого, скорее, почувствовала, услышала его мягкую поступь, шевеление бумажных страниц, скрип сидения и тяжелый вздох самого Аврелиана.

«Да, я хотела... но передумала!» — сказала я мысленно, стараясь протолкнуть слова сквозь сцепленные зубы, но никак не получалось управлять голосом, а плечи мелко подрагивали от сдерживаемых рыданий.

«Наивная!»

Я-то думала, что Аврелиан хоть что-то испытывает ко мне. Пусть не то цунами обжигающих эмоций, которые зарождались в моей груди при его появлении, но хоть сотую их долю, а он хладнокровно предложил сделать меня тенью, отправить в Межмирье, просто выкинуть из Храма, как ненужный и опасный элемент.

— Когда созданный нами мир, наша Аврелия стала угасать и разрушаться, я думал, что потеряю его, и готов был пойти на любые меры, лишь бы сохранить детище Златы, — тихим безжизненным голосом заговорил Аврелиан, а я поблагодарила его за возможность, данную мне, чтобы немного прийти в себя. — Любая моя попытка спасти положение оборачивалась очередной трагедией, а иниты, поглощенные тьмой, становились неуправляемыми элементами, пожирающими все на своем пути. Они расползались по Аврелии, как черная плесень, уничтожая наш светлый и прекрасный мир. Я практически отчаялся, когда встретил твою сестру. Злата родилась с божественной искрой моей возлюбленной и могла бы помочь, призови я ее в погибающий мир.

— И вы призвали, — горестно сказала я, разворачиваясь и упиваясь болью Аврелиана. Его губы, сжатые сейчас в одну тонкую линию, подрагивали, подбородок лежал на руках, сжатых в кулаки до побелевших костяшек, а плечи казались настолько напряженными, что едва не рвали ткань мантии. Он страдал и мучился, и я ликовала, что не только мне плохо, но и ему тоже несладко.

— Я использовал запрещенную магию высших, чтобы перенести Злату к берегам священного озера Рух, но потратил на это слишком много собственных сил. Когда я очнулся, твоя сестра в нелепой земной одежде без чувств лежала на глади замерзшего озера. Я понял, какую чудовищную вещь совершил в порыве отчаяния. Я призвал в свой мир человеческое дитя, девушку, чей жизненный путь по всем показателям обрывался в глубокой старости. Я лишил ее возможности вернуться обратно, разрушил то, что боги Олимпа свято защищают — неприкосновенность их созданий.

— И вы так просто признаетесь мне в этом? — спросила я, удивленно распахивая глаза.

Только что Аврелиан чуть ли не обвинял меня во всех бедах, произошедших в Храме семи ступеней, считая соучастницей, а теперь вдруг признается в своих ужасных поступках, которые гораздо серьезнее, чем то, что, по его мнению, сделала я.

— Я нарушил материю одного из миров, — объяснил мне Аврелиан. — И это потрясение не прошло бесследно. Да, оставшиеся на Аврелии иниты почувствовали в твоей сестре то же, что и я — магию богини Златы, и приняли ее, подчинились. Наш мир был спасен, но тем самым я порвал ткань мироздания еще больше. И твое присутствие в Храме — это еще одно нарушение мироздания.

Признание Аврелиана звучало горьким послевкусием к тому, что я уже слышала и знала, но сейчас действительность касалась непосредственно меня и моего будущего,

которого может и не быть. Какое существование у теней в Межмирье? Они просто бесплотные тени, которые ждут своего часа. К тому времени, когда меня снова воплотят, Земля может исчезнуть с лица мироздания.

— Я хочу остаться в Храме, — твердо сказала я, глядя прямо в глаза Аврелиану. — Я согласна на помощь, и сделаю все, что от меня потребуется, но не отправляйте меня в Межмирье.

Я не умоляла, стараясь сохранять видимость храбрости, но дрожала всем телом, выдавая себя с головой. И Аврелиан мог бы позлорадствовать, воспользоваться моим жалким положением, напомнить, как я совсем недавно истерила и просила подарить мне забвение, но он молчал и хмурился.

— Ты уверена? — спросил он, и я поспешно кивнула.

Да, прошлое все еще отзывалось внутри меня болезненными спазмами. Стас был моим возлюбленным, и я мечтала построить с ним крепкие отношения, семью, в которой родятся дети, но меня выдернули из той реальности, грубо, жестоко оборвав мечты о счастливом будущем. От всей этой несправедливости у меня случилась такая депрессия, хоть таблетки горстями глотай. Только сейчас я вполне вменяема и понимаю, что не желаю становиться тенью. Я хочу жить, пусть и в Поднебесье, пусть и в качестве хранителя. Неизвестно, какая судьба уготована мне, но это все же лучше, чем бессознательное существование в качестве тени.

— Однажды я уже лишил тебя права выбора, — снова заговорил Аврелиан. — Но больше я не совершу подобной ошибки, — словно оправдывался передо мной ректор, сцепив руки и вперив взгляд на переплетенные пальцы.

— Вы определенно поступили эгоистично, приняв решение за меня, — хмыкнула я, прикрывая глаза. От накатившей слабости колени подгибались, и я снова опустилась в кресло. За окном стремительно темнело, и звезды вспыхивали драгоценными камнями. Аврелиан продолжал сидеть, как каменное изваяние, гипнотизируя пламя в камине. Казалось, огонь поглощает все его мысли.

— Согласен, — кивнул он, наконец, — я думал, что мне больше нечего терять, что Загорн рано или поздно узнает о нарушении мной законов и жестоко отомстит. Но он молчал.

Холодная улыбка скользнула по губам Аврелиана, и он немного оживился.

— Я наблюдал за твоей сестрой и видел в ней то, что много лет пытался узреть в других — доброту Златы, жертвенность, готовность рисковать, ради незнакомых существ. А еще она влюбилась в Аврелию, просто с ума сходила от красоты нашего со Златой мира, дышала им, а он — ей. Мне хотелось забрать твою сестру в Храм, научить ее всему, сделать хранительницей нашего собственного очага. Я полюбил твою сестру тогда, когда думал, что уже не способен на это.

В моей душе резко шевельнулась змея, поднимая голову и недовольно шипя. Ревность — то чувство, что изначально разъедало отношения между мной и Златой. Отец любил ее больше, чем меня, и никогда этого не скрывал, а суетливая и недалекая мать не стремилась скрадывать это. Нет, она многое сделала и для меня, и для Златы, но только потому, что считала это своим долгом. Родила — корми, расти, заботься. Но в этом списке не присутствовала любовь.

Сейчас я ревновала Аврелиана к своей сестре. Злата разбудила в нем мужчину. Моя скромная и талантливая сестра — яркая звездочка за оболочкой простушки, а мне снова

досталась роль на втором плане.

— Я приняла решение и больше не намерена ждать, — решительно поднялась я на ноги, шагая к столу и наклоняясь так, чтобы Аврелиан лучше видел мое лицо. — Вы сейчас же подарите мне свою искру, чтобы скрепить наше соглашение.

— Нет, — покачал головой Аврелиан, а я саданула кулаком по столешнице и шагнула дальше, к самому стулу, на котором он сидел.

— Вы не имеете права отказываться, — напирала я, стремясь получить уверенность в будущем.

Аврелиан обязан выполнить свое обещание, иначе моя шаткая жизнь может оборваться в любую минуту. Если Загорн узнает о том, что творится в Храме семи ступеней, если план Майкла Гавра и Нобис, в чем бы он не состоял, осуществится, и сюда нагрянут высшие и обнаружат меня? — Пожалуйста.

Волосы Аврелиана разметались по плечам, глаза сузились, а ноздри широко раздувались при каждом вдохе. Я слышала, как молотом стучит его сердце, бьет меня прямо в ладонь, прижатую к его груди.

«Ох!»

Мне вдруг стало горячо от того, что я творю, но Аврелиан не дал опомниться, встал, держа мою руку и не давая отодвинуться. Живой и опасный мужчина, такой противоречивый, высокий и широкоплечий, нависал надо мной, схватив мое запястье и зафиксировав у себя на груди, где так громко и сильно билось сердце. Вторая рука ректора нагло легла на мою попу, сжимая ягодицу, пока его бешеный огненный взгляд не отрывался от моих губ. Я приоткрыла рот и облизнула верхний ряд зубов. Кончик языка скользнул вперед, замирая меж губ, а бог в моих руках затрепетал, ожил, до боли сжал запястье.

Сознание распадалось на атомы и молекулы от всего происходящего, но горячее и твердое тело Аврелиана, большое и сильное, сейчас занимало все мои мысли.

— Этого ты добивалась? — спросил он дрогнувшим голосом, наклоняясь еще ближе и, наконец, целуя. Горячо и нежно, трепетно и требовательно одновременно. Проникая языком в мой жаждущий рот, даря наслаждение и боль, разрывающую гордость в клочья.

— Хочешь искру? — спросил Аврелиан, стремительно задирая подол моего платья и бесцеремонно спуская трусики, чтобы пальцами пробежаться по промежности. Слишком реально, так грубо, как какой-то обыкновенный мужчина, захваченный огнем страсти, так желанно, что я застонала, прогнувшись в спине и потираясь складочками о пальцы ректора. Сейчас он просто мужчина, и я хочу его так сильно, что голова идет кругом.

Неожиданный требовательный стук в дверь разорвал барабанные перепонки, создавая вдруг вакуум вокруг меня и Аврелиана. В этот плотный туман проникали сразу несколько голосов.

— Аврелиан, скорее, — требовательно стучался Робус. — Открывай эту чертову дверь!

— Спит он там что ли? — возмущенно произнес Мелиор, и мы с Аврелианом одновременно отшатнулись друг от друга. Я врезалась в поверхность стола, ректор рухнул на стул.

— Воспользуемся окном, — решительно заявил Робус, и мы с Аврелианом одновременно повернули головы к распахнутым створкам окна. — У меня как раз остался его волшебный шарик.

— Что за шарик? — удивленно спросил приглушенный закрытой дверью голос Мелиора, но Аврелиан не дал мне дослушать, решительно поднимаясь и создавая знакомое

уже облако. Одним мановением руки он притянул меня ближе, осторожно поцеловал в губы и толкнул внутрь.

Тайные прогулки
(Арина)

С началом нового учебного месяца в Храме семи ступеней наметились значительные перемены. Медея — наставница престолов — выходила замуж за архангела, который когда-то давно закончил Храм и теперь вернулся и упал перед ней на одно колено.

Я, как сейчас, помнила это знаменательное событие.

В то утро в Сумрачном холле царила напряженная атмосфера — за окном впервые за многие дни пребывания здесь пошел дождь. Сильные ледяные потоки воды заливали сады и Парящие аллеи, и адепты жались поближе друг к другу, дрожа в легких летних мантиях, пока Аврелиан не распорядился затопить камин. С его приходом во мне снова пробудилась лань, и я спряталась среди хранителей, замерев на стуле робкой заалевшей статуей.

Уже заканчивался первый месяц осени в долине Поднебесья. Лилейники отцветали, серебряная трава, покрывающая долины и холмы, выросла до колен и неприятно царапала голенища высоких сапог, но я спешила прочь от толпы, туда, где можно остаться наедине со своими мыслями и угрызениями совести. Куда угодно, лишь бы пребывание в Храме не напоминало мне о случившемся в кабинете Аврелиана.

С того памятного дня не прошло ни часа, чтобы я не жалела о случившемся. Я ходила по хрустальному дворцу с низко опущенной головой, в аудитории забивалась в самый дальний угол, стараясь не встречаться ни с кем глазами. Ллойд пару раз пытался вызвать меня на разговор, но я игнорировала любую попытку общения, как с его стороны, так и со стороны Мелиора. В конце концов, от меня отстали.

В то утро, едва заметив Аврелиана, я предпочла исчезнуть, раствориться среди адептов, замереть, чтобы не быть замеченной, но внимание ректора и так сосредоточилось на другом. В Сумрачный холл внезапно ворвался архангел — высокий мужчина с жесткими чертами лица и огромными крыльями, которые золотились по краям. В тот момент я не дышала, испугавшись самого очевидного.

«Загорн узнал о преступлении Арвелиана и прислал своего воина, чтобы свершить правосудие!»

Каково же было мое удивление, когда архангел прошествовал мимо столов, направляясь напрямик к Медее и падая перед ней на одно колено. Громовым голосом, слышным по всему холлу, разнеслось его горячее признание в любви и верности, его мольба об ответных чувствах, его предложение руки и сердца. Я никогда не разговаривала с наставницей престолов и не была близка к ней, но видела, как счастлива Медея. Они поцеловались прямо на глазах у всех, кто присутствовал в Сумрачном холле на завтраке, а Аврелиан провозгласил тост в честь жениха и невесты.

Свадьба состоялась в начале следующего месяца, сопровождаясь проливными дождями и счастливыми лицами наставников. Всех, кроме Уно, которая кисло поздравляла Медее со свадьбой и замужеством.

Аврелиан как-то открыто признался хранителям на своей лекции, что безмерно рад заполучить в Храм семи ступеней нового преподавателя, которому тут же отдал боевую подготовку. И Ахорн согласился, став лучшим боевиком из всех, кто до этого вел у нас занятия.

Шли дни, ознаменовавшиеся холодными ветрами, проливными дождями и низкими тучами, затянувшими небо долины. Иногда я слышала собственный голос только тогда, когда от меня требовали ответа по теоретической части задания. Моя рука не стремилась вверх, но я зубрила заданный материал, чтобы «убить» время, чтобы скоротать бесконечность одиноких часов, выпавших на мою долю в Храме, и всегда добивалась высших баллов.

Одна их хранительниц — девушка с хвостиком, имя которой я так и не удосужилась запомнить, завистливо отнесла меня к категории «заносчивых, коронованных особ». Никто не знал историю моего появления в Храме семи ступеней. Окружающие посчитали, что я родилась в семье истинных аристократов Олимпа, но попала в число хранителей по ошибке родителей или по вине случая. Ссылка обернулась для меня кошмаром, не иначе, раз я так до сих пор не смирилась с собственным положением.

Примирившись со сплетнями, я продолжала жить в Храме, ходить на лекции, гулять по территории Поднебесной и делала вид, что меня все устраивает. Сложнее приходилось в ситуациях, когда Аврелиан спускался в лекционные аудитории, в Сумрачный холл, появлялся на тренировочном поле или же во фруктовом саду прямо посреди лекции Робуса. Тогда, я пыталась сосредоточить все свое внимание на материале лекций: тщательно записывала каждое слово, вникала в смысл текста, шевелила губами, перечитывая абзац в учебнике снова и снова, или изводила себя тренировками до состояния выжатого лимона.

Я превратила боевую подготовку в смысл своего существования, обращаясь с мечом так, словно он — продолжение моей руки, самая любимая часть моего тела. Даже Ахорн — теперь муж Медеи и преподаватель воинского искусства, грозный архангел, которого почитали и боялись, снизошел до похвалы.

Я углублялась в изучение предметов с таким рвением, что вскоре заслужила похвалу всех наставников, в том числе и Мелиора.

— Рано или поздно это должно закончиться, — раздался голос Мелиора откуда-то справа, и я замедлила бег, мысленно застонав. Снова становится невольной свидетельницей чьего-то разговора совершенно не входило в мои планы, но и показываться на глаза наставникам не стоило. Сюда не рекомендовали ходить, особенно в позднее время суток.

Мои ночные вылазки начались с прогулок к озеру, но с каждым разом я уходила все дальше и дальше. Горы — почти незримые и такие недоступные, казались мне конечной точкой моего путешествия, но сначала я могла преодолеть лишь незначительные расстояния, боясь потеряться и заплутать в садах Поднебесной, которые раскинулись на обширных территориях долины. Совсем недавно, когда дожди перестали, и погода вновь радовала пусть редкими, но солнечными и теплыми днями и ночами, я стала отходить от Храма на достаточно большие расстояния, до сегодняшнего дня ни разу ни с кем не столкнувшись.

— Я не сводил с нее глаз все это время, поверь, она ведет себя странно, — взволнованно говорил Мелиор, но я не видела его самого и спутника, с которым он общался, предпочитая спрятаться за ближайшим кустарником.

Впереди раскинулась невысокая роща и низины. Ярко-красные цветы и серебряные игольчатые травы, похожие на папоротник растения составляли красоту этого места, а тропинка уводила в тенистую влажную завесу вековых буков, сросшихся друг с другом длинными узловатыми ветвями.

— Что ты предлагаешь? — устало выдохнул Аврелиан на своих словах, и я вздрогнула, до боли прикусив внутреннюю поверхность щеки.

Если одно присутствие ректора будило во мне воспоминания о его жестких и горячих

прикосновениях и нежных, осторожных поцелуях, то голос буквально выворачивал наизнанку. Я не знала, как бороться с этим, потому что никогда не чувствовала ничего подобного, но при первых признаках заболевания старалась исчезнуть из поля зрения Аврелиана. На Законах приходилось совсем туго, но я так старательно скрипела пером, заглушая голос ректора и сосредотачиваясь на материале, что вскоре знала предмет лучше любого хранителя первой ступени.

— Наконец-то! — вклинился третий голос, и мощная фигура Робуса замаячила на горизонте. Он быстрым шагом прошел в нескольких шагах от тропинки, и только темнота скрыла меня от его глаз.

Тенистые низины — самое тихое место в Поднебесной, а каменное здание архива, которое перекрывало все проходы к Пограничным горам, делало этот тупик непривлекательным для остальных адептов. Глухие черные провалы окон каменного приземистого строения, непривычных холод, исходящий от массивных стен, сложенных из кусков скалистой породы, замшелые лавочки, спрятанные в тени буков — все здесь соответствовало моему мрачному настроению.

— Робус, прости, что задержались, — сухим тоном поприветствовал наставника инитов Аврелиан, шурша краями мантии, которые задевали высокую сухую траву. — Никак не удавалось избавиться от преследований Уно.

— Боюсь, рано или поздно она за нами увяжется, — проворчал Мелиор, звеня чем-то, на слух напоминающим связку металлических ключей. — Чтобы выведать, для чего мы так часто отправляемся гулять к старому зданию архива.

— Не узнает, — самодовольно хмыкнул Робус. — Мои адепты установили здесь мощные воздушные заслоны, которые может преодолеть лишь обычный ничем не примечательный человек. Но, разве, в Храме такие есть?

Я аж поперхнулась возмущением, а Мелиор скрипнул зубами. Я отчетливо слышала звук клацнувших челюстей и громкого пыхтения. Наконец, он не выдержал и высказал Робусу все, что так хотелось сказать мне самой.

— А Арину вы в расчет не берете? — спросил он, обращаясь, видимо, к обоим сразу.

— Я не хочу о ней разговаривать! — недовольным тоном оборвал его Аврелиан, но Мелиора уже «несло».

— Отлично, поговорю я, — не сдавался он, тоже повышая голос. — С Ариной что-то происходит, она сама не своя, но никому до этого и дела нет! Заметьте, я не нанимался в няньки для земной девчонки, но почему-то меня больше остальных волнует ее судьба. Ты бежишь от проблем, Аврелиан, я не ожидал от тебя подобного.

— Мы здесь не для того, чтобы обсуждать ее судьбу, — коротко предупредил спорящих Робус, распахивая дверь архива. Я-то думала, что этим зданием давно никто не интересуется. Но, как оказалось, место довольно популярное для ночных рейдов. — Выясните отношения в стенах Храма, пожалуйста, у нас не так много времени, чтобы найти интересующую нас книгу. Напомнить, какое значение имеет, найдем мы старый свод законов, изданный древними до правления Загорна, или нет?

— Ты прав, — быстро произнес Аврелиан, и снова зашуршала сухая трава, потревоженная длинным подолом его мантии. — Если мы не найдем древний свод законов, то может пострадать не только Арина, но и вся долина Поднебесная. Боюсь, что Храм перестанет существовать, если мы не заручимся поддержкой ангелов смерти.

— Меня утешает только то, что мы, в любом случае, помогаем девочке, — устало

вдохнул Мелиор, и голос его стал отдаляться, — но ты обязан поговорить с ней, — не отставал он от Аврелиана, и я невольно улыбнулась, но тут услышала еле различимый ответ ректора.

— Иногда я жалею о принятом решении оставить ее в Храме. С тенью таких проблем не возникло бы.

На секунду мне показалось, что мир вокруг посерел, краски расплылись и потускнели. Вот, значит, что он чувствует. Я для Аврелиана обуза, очередная ошибка, о которой он сожалеет. Тогда, в его кабинете я поддалась эмоциям, хотела доказать и себе, и Аврелиану, и всему миру, наверное, что ничем не хуже сестры, что во многом даже лучше, но реальность дала мне звонкую пощечину. Снова!

Не разбирая дороги, я неслась по Парящим аллеям, едва вписываясь в повороты. Окончательно стемнело, и в воздухе снова запахло дождем, а мокрый песок забивался в низкие домашние туфли, в которых я после ужина выскочила за дверь. В ушах до сих пор звучал голос Аврелиана, заглушая шум нараставшего ветра и шелест крон деревьев, вздернутых вверх корнями. Сейчас, в свете звезд, разлапистые корни казались мне уродливыми, и сквозь соленые слезы я видела окружающую меня красоту в искореженном и искаженном виде.

На очередном повороте, совершенно не разбирая дороги, я со всей силы врезалась в кого-то, падая на спину и так сильно ударяясь головой, что перед глазами заплясали искры.

— О, пресветлая, ох, — закашлялся Ллойд, которого я узнала по низким вибрирующим интонациям, — Арина?

Разлепив глаза, я потеряла лицо ладонью, ощущая песок даже на зубах.

— Ллойд, — сказала я недружелюбно, добавляя в голос льда. — Какими судьбами?

Парень хмыкнул, поднимая меня, как котенка, за шкурку и прилично так встряхивая. Высокий, чуть не на две головы выше меня, Ллойд казался несуразным великаном в ночной тьме Парящих аллей.

— Ты в курсе, что прогулки вне территории Храма в такое позднее время запрещены? — спросил он едким голосом, пытаясь заглянуть мне в глаза, но я упорно отворачивала заплаканное лицо.

— Кто бы говорил, — повторила я таким же едким тоном, скрещивая на груди руки, и Ллойд засмеялся.

— Пройдемся? — предложил он, подставляя локоть, и я зачем-то вцепилась в его руку, как в спасательный круг.

Мы шли практически вслепую, удаляясь от Парящих аллей в сторону садов, и я смотрела себе под ноги, приводя дыхание в норму и структурируя все произошедшее. А подумать было о чем.

Аврелиан, Мелиор и Робус ищут свод древних законов, выпущенных еще до появления Загорна, чтобы что? Связаться с ангелами смерти? Призвать ангелов смерти? Я не знала, кто это, поэтому спросила у Ллойда.

— Ангелы смерти? — удивленно повторил за мной парень, сбиваясь с шага. — Это очень древняя организация, которая не подчиняется никому. Они обладают абсолютной властью, которая им не нужна, но время от времени вмешиваются в распри богов. Насколько я знаю, подобного вмешательства не возникало с самого правления Загорна на Олимпе. Но достоверной информацией не владеют и высшие, — уточнил Ллойд.

Как это? — спросила я удивленно.

— А, так, — равнодушно дернул он плечами, словно теряя интерес к беседе. — Ангелы смерти — это своеобразная легенда. Вроде бы, все знают, что они существуют, но за многие сотни лет их ни разу не видели.

— И откуда же о них знаешь ты? — вздернула я подбородок, желая разглядеть лицо Ллойда, но он низко опустил капюшон мантии на лоб, отчего я различала лишь его острый подбородок, мощную шею и постояннодвигающийся кадык.

— Я много чего знаю, — хмыкнул Ллойд, поворачиваясь к Храму. — Пойдем, Арина, нам пора. Не стоит навлекать на тебя неприятности, ты притягиваешь их, словно магнитом.

Поспешив к той двери, которая вела в коридор Сумрачного холла, мы зашли в здание и разделились. Я безмолвной тенью скользнула к библиотеке, а Ллойд исчез, едва мы вошли в Храм. Он не попрощался и никак не объяснил своего пребывания на улице в столь поздний час, а я не настаивала, уважая его решение скрыть от меня правду. В конце-то концов, разве не у каждого в этом замке есть свои тайны и темные секреты?

Не в том месте, не в то время

(Аврелиан)

Так стремительно я не носился по коридорам дворца с тех самых пор... богиня Агата, я не мог вспомнить, носился ли я вообще по ним с такой скоростью хоть когда-нибудь. В крови горел пожар, и причина его пугала меня до боли в груди. Я задыхался, хотя боги не грешат слабой физической подготовкой, но сейчас мне не хватало кислорода, легкие ломило, а в горле скопилась горькая слюна, которую никак не получалось сглотнуть. В таком состоянии меня и застала Медея.

— Аврелиан, подожди. Ты уже слышал?

Медея как раз спускалась в Сумрачный холл, а я поднимался наверх, и мы застыли напротив друг друга. Моя грудная клетка тяжело вздымалась, джинсы и свитер неприятно липли к телу, а запах автострады до сих пор неприятно щекотал обоняние. Из витражей на лестницу лился дневной свет, и я выглядел до нелепого смешно и неприглядно в грязной, местами порванной одежде.

«И какого падшего я увязался за старшей ступенью хранителей? Чтобы лично проверить их профессионализм, как же... Чтобы проследить за бывшим парнем Арины».

Я остановился, выдавив улыбку.

— Прости, Медея, я только что прибыл с Земли, нужно уладить кое-какие проблемы, — начал я, уже забегая за спину наставницы, но ее слова остановили меня примерно с таким же эффектом, с каким пуля, пущенная в лоб, останавливает бег жизни.

— Моего мужа попытались отравить, — резким свербящим голосом сказала Медея, поймав мой напряженный взгляд. — Он сейчас в Стрельной.

— Гори оно все огнем, — выругался я вслух, прикрывая глаза и цепляясь за перила, чтобы унять постоянное головокружение. Авария, произошедшая на моих глазах, никак не отпускала, и я в подробностях видел и разбитые лица, и вывернутые под неестественным углом руки, и пустой стеклянный взгляд. — Дай мне несколько минут, чтобы сменить одежду и связаться с Агатой. Высшие должны знать...

— Нет, этого не потребуется, — остановила меня Медея, заглянув в глаза и мягко улыбаясь. Несмотря на то, что Ахорна пытались отравить, держалась она хорошо, и я сделал вывод, что архангел не сильно пострадал. — Не нужно привлекать к Храму внимание высших, — попросил Медея, отпуская мою руку.

Боюсь, мы оба прекрасно понимали, чем нам грозит вмешательство Агаты и Загорна.

«Если бы ты только знала, насколько не нужно!» — мысленно поблагодарил я наставницу престолов, вопросительно ожидая ее дальнейших слов.

— Я все расскажу наверху. — Сказала Медея на мой невысказанный вслух вопрос. — Поторопись, пожалуйста.

В спальне мне хватило нескольких минут, чтобы придать внешности прежний вид: волосы распущены по плечам, драгоценный обод, чтоб он неладен был, сверкает всеми камнями, а мантия сменила испорченные джинсы и свитер, от которых я предпочел избавиться, спалив их в камине. Чтобы ничего не напоминало о катастрофе на Земле.

«Как же... ничего», — хмыкнул я мысленно, а перед глазами в который раз пронесся последний миг жизни родителей Арины и Златы.

Утром, едва забрезжил свет, я разлепил глаза, отрывая голову от сложенных на поверхности стола рук. Так и уснул в кабинете, вернувшись из архива далеко за полночь. И на этот раз наши с Мелиором и Робусом поиски не принесли никакого результата. Старинные книги, во множестве хранившиеся на полках, стояли там в таком беспорядке, что черт ноги сломит. Чтобы найти Свод законов древних, написанный еще до появления на Олимпе Загорна, нам могли потребоваться месяцы. Но книгу необходимо разыскать, во что бы то ни стало.

Высшие, наделенные практически безграничной властью, могли творить все, что им вздумается, как это делал Загорн. Потеряв счет времени, забыв о заветах, чести и совести, он почувствовал себя единоличным правителем Олимпа, безнаказанно чиня суд над неудобными. Чтобы защитить Храм семи ступеней от его гнева, чтобы спасти Арину, необходимо найти книгу и заручиться поддержкой ангелов смерти. Эти существа обитали в иной реальности, в ином пространственном континууме, но обладали таким могуществом, каким не обладали все высшие вместе взятые. Ангелы смерти могли бы вмещаться, чтобы приструнить Загорна, в книге законов древних хранились священные рукописи, которые призывали их в наш мир. Осталось только найти древнюю книгу и призвать правосудие.

Подобными мыслями я мучился все утро, пока в кабинет не зашел Мелиор и не сообщил, что Арина вернулась в женское общежитие поздно ночью, а провожал ее до Сумрачно холла некто Ллойд — парень, который с самого начала проявлял к Арине повышенное внимание. И, нет бы поговорить с Ариной и выяснить, где их обоих носило после отбоя, я вознамерился отомстить, уколоть побольнее, ввергнуть Арину в ту бездну отчаяния, в которой плавился сам.

Воспользовавшись первым попавшимся предложением, я отправился на Землю с хранителями старшей ступени, отыскал Стаса, чтобы потом рассказать Арине, насколько он безутешен.

«Святая Агата, как низко я пал, желая отдалить от себя девушку, к которой тянулось все мое существо! Но однажды я уже совершил подобную ошибку, впустил в свое сердце ее сестру и остался у разбитого корыта, и на этот раз чувства и эмоции не возобладают над разумом, как бы я сам не желал проигрыша в подобной битве».

Авария, случившаяся на автостраде, в одно мгновение унесла жизни родителей Златы и Арины, а Стас либо останется инвалидом, либо и сам в скором времени станет тенью, пополнив население Межмирья. И я ничем не помог, не вмешался, не сделал ровным счетом ничего, чтобы предотвратить бедствие. Я смотрел, как машина на огромной скорости вылетает на встречу, сталкиваясь с фурой, и покореженной грудой металла остается в кювете.

Успел бы я сделать хоть что-то. Чтобы предотвратить катастрофу? Да, однозначно. Обладая силой высшего, я бы мог с легкостью вмешаться и не допустить того, чтобы Стас потерял управление. Но я стоял и смотрел, сложив на груди руки, прищутив взгляд и затаив дыхание. На моих глазах произошла трагедия, которая унесла жизни нескольких человек, а я просто стоял и смотрел.

«Пресветлая, сколько еще испытаний выпадет на мою долю, прежде чем я пойму, что не справляюсь? Ни с обязанностями ректора, ни со своей личной жизнью, которая постоянно подбрасывает мне подобные ситуации, в которых приходится выбирать между тем, что должно, и тем, что правильно».

Правильно было бы спасти этих людей, нарушив законы Олимпа, образовав еще одну

брешь в мироздании, и Арина согласится со мной, узнав, чего я не сделал. Она не простит, никогда не простит.

— Аврелиан, — по ментальной связи позвала меня Медея. — Ты мне нужен.

— Иду, — ответил я наставнице, сканируя себя в зеркале. Бесстрастная маска, обычная бледность, приправленная заживающими прямо на глазах ссадинами и синяками — следствием помощи спасательной службе. Я снова выглядел, как ректор Храма семи ступеней, и поспешил в Стрельную, чтобы решать очередные неприятности, свалившиеся на мою голову.

Облачное сообщение сработало только с третьей попытки, так рассеян я оказался, спеша попасть в башню. Вывалившись прямо в коридоре, я пошатнулся, едва устояв на ногах. В голове до сих пор стоял шум автострады: сигналы машин, крики врачей скорой помощи, недовольное ворчание полицейских, вой сирен... Но Медея вышла из спальни Уно, где временно находился Ахорн, и взяла меня под руку.

— Пойдем, ты должен поговорить с ним, пока он в сознании, — произнесла она взволнованным шепотом.

Ахорн лежал на низкой кушетке, занимая столько пространства, сколько хватило бы парочке архангелов. Я уже не раз побывал в спальне Уно — вычурной светлой комнате, в которой не развернуться из-за множества предметов мебели: мягких кремовых пуфов и подушек, раскиданных на мягком белоснежном ковре. Сейчас спальня Уно напоминала лазарет, а сама наставница архангелов бледной тенью стояла у стены, прижимая к губам платок. Заплаканные покрасневшие глаза Уно свидетельствовали о том, что она смертельно напугана.

Не каждому удастся отравить высшего, кто-то раздобыл запрещенные ингредиенты, способные «уложить» архангела.

Ахорн — истинный воин, которого уважали, как педагога, несмотря на страх. Я бы даже сказал, что появления Ахорна вызывало во мне не только благодарность, но и некую зависть. Адепты полюбили его. Стоило Ахорну взвалить на себя все занятия по боевке, и по Храму уже слышались вздохи восторженных адептов и восхищенные речи, посвященные архангелу. Слишком быстро он завоевал симпатии всех, включая меня.

— Кто мог отравить воина, сложившего крылья ради преподавания в Храме? — рассуждал я вслух, дожидаясь, когда Ахорн откроет глаза. Медея сказала, что он уже пару раз приходил в себя и звал его, Аврелиана, чтобы что-то сообщить.

Уно издала страдальческий стон, и я не мог винить ее том, что она отменила все свои занятия. В таком состоянии от нее, пожалуй, один вред.

— Не понимаю, — присел я на мягкий пуф в изголовье кушетки. — Кто обнаружил Ахорна?

— Майкл Гавр, — отозвалась Медея. — Ты же знаешь, что у него проблемы с крыльями, поэтому мальчик пользуется старым подъемником. В кабине и лежал мой муж, с пеной у рта. Мальчик понял, что это отравление, и применил магию исцеления. Богиня Агата, Аврелиан, он спас моего мужа.

— Вот именно! — вмешалась Уно, бешено сверкая глазами. — Архангел первой ступени владеет магией исцеления, но у Медеи это не вызывает ни малейшего подозрения. Может, он и отравил, а потом испугался последствий...

— Я поговорю с ним позже. Оставь нас, — попросил я Уно, и она вышла из собственной спальни с оскорбленным видом, на последок показательно всхлипнув.

Медея присела прямо на пол, сжав могучую руку Ахорна и глядя в его неподвижные, чуть заострившиеся черты лица. Грудь архангела мерно вздымалась и опускалась, жар спал, белки глаз не показались мне воспаленными.

— Майкл Гавр владеет магией седьмой ступени, по ночам адепты спокойно разгуливают по территории Храма, и кто-то из них без труда проникает в запретную седьмую секцию, выжигая ее дотла. Я уже молчу про запрещенные зелья и давно исчезнувшие из поля зрения ингредиенты, из которых возможно сварить яд. — Перечислял я вслух, глядя на Медею и Ахорна. — В этом учебном году нам, определенно, не до скуки.

— Ты еще способен шутить, — мягко улыбнулась Медея, поворачивая ко мне голову. — Это хороший знак, Аврелиан. Я уж думала, что ничего из вышеперечисленного не способно тебя заинтересовать и заставить выйти из собственного кабинета.

— Ты преувеличиваешь, — нахмурился я в ответ, но Медея — скромная, тихая, практически незаметная, в этот раз, видимо, решила высказаться.

— Не надо, — остановила она слова возражения, готовые сорваться с моих губ. — Мы все прекрасно понимаем, что тебе надоело дело, которое когда-то вы начинали вместе со Златой. И Робус, и Мелиор умеют молчать, только вот твои же действия выдают тебя с головой, Аврелиан. Я не стану перечислять всего, что ты не делаешь с ее смертью...

— И не надо, — поспешно согласился я с Медеей, стараясь избежать неприятного разговора. — Я и сам прекрасно это знаю.

— Но в последнее время ты изменился, — снова мягко и ненавязчиво заметила она, продолжая сжимать пальцы Ахорна и, время от времени, прислушиваясь к его равномерному дыханию. — Взять хотя бы тост, провозглашенный в нашу с Ахорном честь. Ты снова веришь в любовь, не так ли?

От пронзительного взгляда Медеи перед глазами встало место аварии: разбитая машина, грудой металла сваленная в кювет, потеки крови на разбитом лобовом стекле — отец Златы и Арины оказался не пристегнутым и вылетел головой вперед, протаранив собой стекло, пустые мертвые глаза их матери. Если я и верил в любовь, то добивался ее каким-то садистским способом, разрушая возможные отношения с Ариной своими же руками.

— Он просыпается, — вырвал меня из воспоминаний голос Медеи, склонившейся над лицом Ахорна.

Дыхание архангела стала частым, вздулись вены на руках, на лбу выступила испарина, а кончики крыльев нервно подрагивали, словно Ахорн прилагал максимальные усилия, чтобы побороть слабость и частичную парализацию, вызванную ядом. Смертельным ядом.

Если бы Майкл Гавр не обнаружил Ахорна в подъемнике и не оказал скорую целебную помощь, архангел давно бы распрощался с собственной жизнью.

— Аврелиан, — прохрипел Ахорн, и я упал на колени, глядя в напряженные черты лица архангела. — Я видел... узнал его.

Медея приподняла голову Ахорна, и я помог ей влить в горло архангела укрепляющее зелье. Ахорн закашлялся, грудь его тяжело заходила вверх-вниз, рот упрямо сжался.

— Ллойд, — выдохнул он вместе с хрипами, распивавшими его грудную клетку. — Это был Ллойд — хранитель, — сказал Ахорн, и упал головой на подушки, а мы с Медеей переглянулись. — Он всадил в меня дротик, прямо в шею.

От кашля, сотрясшего мощное тело архангела, задрожали стены спальни, и Медея поспешила облегчить страдания Ахорна, снова погружая того в лечебный сон.

— Не может быть, — прошептал я, подчиняясь первому импульсу отрицать

очевидное. — Пресветлая, не может этого быть.

Мы оба сидели на полу, у постели архангела, и смотрели на алый порез на шее Ахорна — воспаленный след от дротика, отравленного ядом.

Только сегодня утром Мелиор вошел ко мне в кабинет, чтобы рассказать о том, как Арина вернулась в общежитие ночью, а сопровождал ее до Сумрачного холла ни кто иной, как Ллойд — хранитель, о котором так часто упоминал Робус. Юноша отличался ото всех не только выдающимся ростом, но и многочисленными талантами, в том числе и видением миров. Ллойд безошибочно нашел свой мир на первом практическом занятии, поразив Робуса, и после много раз доказывал наставникам и Ахорну, что владеет оружием лучше многих архангелов. И теперь его имя звучало из уст отравленного Ахорна, а Арина снова замечена не в том месте и не в то время.

— Что ты будешь делать? — осторожно спросила меня Медея, устраиваясь поудобнее. Она приготовилась дневать и ночевать у постели любимого мужчины, и я не винил ее в этом.

— Я не состою в отряде безопасности, где работают лучшие следователи Олимпа. Что прикажешь мне делать? — развел я руками, глядя в пустоту остекленевшим взглядом. — Мы больше не можем замалчивать о случившемся, пора посвятить Загорна и Агату в наши проблемы.

— Ох, — испуганно воскликнула Медея, скорбно сведя брови. — Да помогут нам сторонние силы, Аврелиан!

— Помогут ли? — спросил я скорее себя самого, чем Медею, поднимаясь на ноги и вызывая по ментальной связи Робуса и Мелиора. Пора нам задействовать в поисках Свода адептов, потому что сами мы явно не справляемся.

— Соберите самых преданных, тех, кому вы доверяете, — попросил я наставников, и Мелиор довольно рассмеялся. Он явно собрался притащить тех хранителей, с которыми нередко выпивал в пабе.

«Все летит к чертям в пекло!» — мысленно выругался я, из коридора направляясь прямо в общежитие архангелов. Пора поговорить с Ариной и выяснить, на чьей она стороне. Арина обещала сделать все для того, чтобы я даровал ей божественную искру и не позволил стать тенью, но насколько ее слова соответствовали правде? Так ли она верна своему слову, или Арина перешла на темную сторону, решив, что я не сдержал своего обещания.

«И так ли я сам стремился сдержать обещание, данное ей?» — мысленно задал я себе вопрос, на который не знал ответа.

Неприкрытая правда

(Арина)

Произошедшее в Храме событие обсуждали все, кому не лень. Шепотки и сплетни множились, достигая гротескных размеров, а отравление выглядело уже не просто покушением на жизнь боевика, а тайным заговором против всех наставников и самого ректора.

— Ты веришь в то, о чем говорят? — с какой-то ленцой спросил меня Ллойд, прижимаясь спиной к каменной балюстраде балкона. Он сидел на мраморных плитах пола, и шурился от закатных лучей солнца, которые падали на его профиль сбоку, делая лицо хранителя каким-то мрачным и немного устрашающим.

Я только пожала в ответ плечами, не желая обсуждать то, чего не знала. Никто из наставников не говорил нам всей правды о случившемся, а ректор не делал никаких заявлений. Нас даже не собрали в Сумрачном холле, чтобы в очередной раз напугать и напомнить о том, куда попадают провинившиеся высшие и нерадивые хранители.

В долине стояла прекрасная погода: дожди перестали, небо больше не хмурилось свинцовыми тучами, пожухлая трава серебрилась мягким ковром, умытым водами озера, недавно вышедшего из берегов. Лужи не просохли, отпугивая случайных адептов, решивших прогуляться после занятий, но на крыльце толпились празднующиеся и любопытные зрители. Мы с Ллойдом не стали исключением, созерцая архангелов, расправивших белоснежные крылья. Они выстроились на самом верху Венценосной башни в причудливом порядке и застыли прекрасными изваяниями, ловя крыльями последние лучи заходящего солнца. Каждый из них просил у Загорна милости для Ахорна, который несколько суток не мог прийти в себя.

— Посмотри, как они смыкают спирали, — обратил мое внимание Ллойд на практически незаметное шевеление архангелов, плотно смыкающих круги. — Это обряд объединения силы — очень мощный и древний, доступный лишь архангелам. Таким образом, они создадут кристалл, который подпитает жизненные силы Ахорна.

Мне послышалось, или Ллойд сожалел о том, что происходит? Я уже хотела спросить, так ли это на самом деле, уж не насолил ли Ахорн чем-то Ллойд, что тот вовсе не рад скорому выздоровлению боевика, но спросила совсем другое.

— Откуда ты все это знаешь?

Ллойд удивленно посмотрела на меня и криво ухмыльнулся. Он, как обычно, начал разговор с короткого жеста — откинул платиновые пряди волос с лица и чуть наклонился, отчего его лицо приблизилось к моему. Мы сидели на полу, и едва соприкасались кончиками высоких прогулочных ботинок, но сейчас я отчетливо видела расширившиеся зрачки его глаз. В серых зрачках отражалось закатное солнце, но черный зрачок поглощал абсолютно все краски.

— Я много читаю, — ответил Ллойд приглушенным голосом. — С самого первого дня, как попал в Храм и принял правду о себе и о хранителях, понял, что должен наверстать упущенное. Иниты, престолы и архангелы рождены на Олимпе, а мы лишены их привилегий, мы — случайные гости Храма, которым суждено отправиться в миры, созданные богами. Снова и снова мы станем служить Олимпу, не имея возможности хоть раз там побывать и

узнать из первоисточников о жизни высших. Я обязан узнать больше, чем остальные.

Надрыв в голосе Ллойда заставил меня удивленно распахнуть глаза и надолго замолчать, давая парню прийти в себя. Он сжал кулаки и выглядел при этом так, словно сжимает чью-то шею, а скрывшееся за вершинами Пограничных гор солнце добавило облику Ллойда еще большей мрачности.

— Почему ты так стремишься на Олимп? — спросила я, наконец, нарушая тягостную тишину.

— Каждый хранитель, попадая в Храм, проходит особый обряд инициации под присмотром наставника и ректора. Аврелиан посвящает нас в тайны хранителей, рассказывает об устройстве Поднебесной и показывает долину, горы и далекий Олимп. Мы видим лишь его вершины, спрятанные в золотых облаках, улавливаем отдаленное свечение дворцовых стен и куполов, драгоценных шпилей, взмывающих к самым небесам. Мы — всего лишь наблюдатели, которые отпили из божественного кубка нектар, чтобы получить возможность жить дальше, служить тем, кто никогда не покажется нам на глаза. Разве это справедливо? — спросил Ллойд, переводя на меня тяжелый взгляд, от которого делалось немного не по себе.

— Хранители призваны оберегать жизни людей... существ, созданных высшими, — поправила я, — разве это не самое великое счастье?

— Счастье? — Ллойд как-то нелепо запрокинул голову назад, едва не ударяясь затылком о перила, и засмеялся, издавая пронзительные звуки, больше похожие на гортанные рыдания. — Я рожден демоном, Арина, счастье для меня в том, чтобы причинять боль другим существам.

— Что? — я ошарашено вытаращила глаза и машинально обхватила руками колени, подтягивая их к самому подбородку. — Но... разве ты помнишь, кем был в прошлой жизни? Разве хранителям не стирают память, чтобы они не мучились воспоминаниями?

— Стирают, — с усмешкой ответил Ллойд, снова дергая головой и откидывая платиновую челку с лица.

Теперь я видела, что его острые скулы и хищный взгляд стальных глаз гораздо больше напоминает облик падших ангелов, изображенных на холстах множества картин, развешанных в галереях Храма, нежели лица хранителей, вошедших в историю Поднебесной. Высокий, худой, но сильный, Ллойд сейчас наводил на меня ужас, и я не смела двинуться с места, слушая его историю. Историю рождения и смерти юного демона, который не желал становиться хранителем.

— Мой мир создатели Ирида и Дарко — высшие боги, наделенные тьмой и светом. Они предпочли даровать существам, населяющим их мир, темную магию, могущественную, необузданную и яростную. Только правители Межмирья способные на такое: создать существ, наделенных безграничными возможностями. — Хмыкнул Ллойд, глядя на свои подрагивающие от нервного напряжения пальцы. — Это и стало причиной того, что я не забыл о прошлой жизни. Я гораздо сильнее остальных хранителей и, — Ллойд посмотрел на меня с прищуром, — и гораздо опаснее. Я родился с искрой бога, и умер, чтобы стать хранителем, но разве я этого хотел?

Я медленно кивнула головой, словно показывая, что внимательно слушаю. Что-то мне подсказывало, что Ллойд необходимо выговориться, но я пока не понимала, почему он открывается именно мне, и это пугало. По-настоящему пугало, потому что во всех книгах про маньяков, прочитанных мною в прошлой жизни, именно такими исповедями и

заканчивались жизни жертв.

— Если Злата и Аврелиан создали демонов, магов и эльфов, распределив силу между тремя расами, то Ирида и Дарко вложили всю мощь только в нас — демонов. Я помню свое прошлое, помню свой мир, и никакая сила светлых не способна уничтожить мои воспоминания, потому что я — другой. Своей божественной искрой я обязан падшим, и темнота во мне стократ сильнее, чем свет.

— Это ты сварил то зелье, которым пытались отравить Ахорна? Но зачем, Ллойд? — спрашивала я, уверенная в том, что именно Ллойд покушался на боевика.

Парень так пристально смотрел на меня в ответ, что я нервно дернулась и оглянулась. Если он захочет сбросить меня с балкона прямо сейчас, но никто не успеет помочь, а действия Ллойда, скорее всего, останутся безнаказанными. Это он пригласил меня прогуляться, выбрав ту часть Храма, в которую редко кто заходит. Уверена, на этом балконе лежит вековая пыль, потому что о его существовании давным-давно позабыли.

— Нет, я думал, что это ты, — ответил Ллойд, наконец, зловеще растягивая губы только с одной стороны, отчего ямочка на его левой щеке стала глубже. Это дикое несоответствие холодного взгляда серых глаз и обаятельной полуулыбки рождало морозные мурашки, пробегающие по спине. Если до сегодняшнего дня я стремилась к общению с Ллойдом, то отныне дала себе клятву, что больше не останусь с ним наедине никогда. Если вообще выживу.

— Не ты, — глухо ответила я, пряча глаза и не веря ни единому слову Ллойда.

Он встретился мне ночью на территории Поднебесной накануне несчастного случая, разве это не частичное доказательство его вины?

— Не думай, что я каждого привожу сюда, чтобы поделиться с ним своим прошлым, это не так, — сказал Ллойд, протягивая руку и нежно лаская ткань мантии. В том месте, где его пальцы особенно сильно надавливали на кожу, неприятно покалывало, но я натужно улыбалась и не дергалась, стараясь не злить хранителя. Кхм, бывшего демона.

— Как сильный демон в прошлом, я продолжаю чувствовать эмоции хранителей, более слабых существ, и с легкостью читаю их мысли, — откровенничал со мной Ллойд, завораживая низким голосом и пристальным взглядом, в котором разливалось холодное стальное пламя преисподней. — Одна ты закрыта, запечатана от моего внутреннего взора. И это притягивает, — закончил он жарким шепотом.

А в моей голове набатом звучало: «Ты — его жертва!»

— Ллойд, во мне нет ничего интересного! — тряхнула я головой, отгоняя неприятные мысли и неестественно смеясь. Его пальцы застыли на кромке мантии, еще миллиметр, и коснуться кожи. — Я замерзла, давай уйдем отсюда.

Говорят, что такими фразами жертва приближает свой конец, но опустившаяся на Поднебесье ночь совсем не добавляла мне сил, и крохи здравого смысла, что еще теплились в голове, растворились в массе панического хаоса, который нагонял на меня Ллойд.

— Арина, — Ллойд с легкостью и грацией хищника поднялся на ноги, — ты мне интересна.

Его признание звучало, как приговор, а не как романтическое объяснение перед лицом своей возлюбленной. Боюсь, что подобным тоном маньяки говорят своей жертве, что им осталось жить всего нечего.

Он несильно потянул меня за запястье, которое сжал гибкими прохладными пальцами, и я невольно поднялась вслед за ним. Ллойд сделал шаг вперед и заключил меня в свои

объятия, а я стояла, задрав голову и боясь шевельнуться. Такой высокий — выше любого мужчины, которого я встречала в Храме, и при этом невероятно сильный, он мог бы совладать со мной без особых усилий.

— Такую хрупкую девушку нужно беречь от внешнего мира, — прошептал Ллойд, наклоняясь прямо к моему уху и обжигая шею дыханием. — Ты не находишь?

Если бы я и хотела ответить, то страх, сковавший меня сейчас по рукам и ногам, не дал бы сделать этого, поэтому я просто кивнула. По принципу, что с маньяками лучше соглашаться.

Ллойд аккуратно взял меня пальцами за подбородок и приподнял мое лицо вверх, заглядывая своими стальными глазами прямо в душу.

— Арина, — прошептал он, наклоняясь. Я приготовилась к поцелую, от которого кровь стынет в жилах, но тут нас прервали. Голос Аврелиана — желчный и раздраженный — звучал для меня песнью ангелов, сошедших с небес на землю. Я едва не расплакалась от облегчения, разглядев слева от нас фигуру ректора, закутанного в белоснежную мантию с вышивкой. Даже в сумерках его драгоценный обруч светился, разгоняя тьму, царящую на балконе.

— Как хорошо вы здесь устроились, и дождь не помеха.

Только сейчас я ощутила на лице холодные капли дождя, удивленно вытирая их тыльной стороной ладони.

«Неужели настолько испугалась Ллойда, что не замечала ничего вокруг себя?»

— Мы наблюдали за архангелами, — спокойно ответил Аврелиану Ллойд, и ректор хмыкнул, указывая на пустую Венценосную башню.

— Боюсь, что обряд давно закончился, и кристалл, созданные адептами, помог Ахорну вернуться к жизни, — сообщил Аврелиан, не сводя с Ллойда пристального взгляда.

— Ох, это правда? — невольно вырвалось у меня, отчего оба теперь посмотрели в мою сторону. Ллойд со смесью раздражения и разочарования, а Аврелиан с ощутимой злостью. Боюсь, что его взгляд обещал мне кары небесные.

— Что ж, мы пойдем, — сказал Ллойд через какое-то время, которое мы простояли в глухой тишине, нарушаемой лишь нарастающим шумом дождя, но Аврелиан остановил его резким жестом.

— Вы пойдете, но Арина останется здесь. Я хотел бы поговорить с ней, без свидетелей, — подчеркнул он жестким тоном последние слова.

— Спасибо за вечер, Арина, — произнес Ллойд, а в его словах мне послышалась угроза. «Только посмей рассказать ректору то, что только что узнала!» — говорил пристальный и холодный взгляд Ллойда, или все это лишь плод моего разыгравшегося воображения?

Я не имела никаких доказательств вины Ллойда в тяжком преступлении против Ахорна, одни лишь догадки, навеянные его откровенным рассказом, поэтому не собиралась говорить Аврелиану о беспочвенных подозрениях против хранителя. Да, и не такие у нас отношения с ректором, чтобы сплетничать у камина, делясь друг с другом мнениями об адептах.

Как только Ллойд бесшумно скользнул в арочный проем двери, ведущей в восточную башню Храма, на меня обрушились ледяные капли дождя. Аврелиан просто стоял и смотрел, как по моему лицу стекает влага, собираясь в тонкие ручейки. Ткань мантии намочла в считанные минуты, облепляя тело, дрожь пробрала меня до кончиков пальцев, но я все стояла, не шелохнувшись, боясь открыть рот и сказать хоть слово.

Наше общение продолжалось на негласном уровне. Аврелиан жестко вопрошал меня,

чем мы с Ллойдом занимались здесь, в отдалении ото всех, а я хмурила брови и закрывалась от любых его вопросов.

— Надеюсь, это не то, о чем я подумал, — как-то обреченно высказался Аврелиан, взмахом руки создавая портал облачного сообщения и кивком головы приглашая меня следовать первой. Я шагнула, зажмурившись, поэтому удивилась, оказываясь не в кабинете, а в спальне, явно мужской.

— Прочитай, — Аврелиан схватил с поверхности стола книгу и грубо сунул мне в руки, отчего я невольно пошатнулась. В камине трещал огонь, и от мантии шел пар, так сильно я промокла под ливнем. — Первый абзац.

— Я замерзла, — возразила я чуть более мягче, чем делала это обычно. Я все еще мысленно благодарила Аврелиана за спасения из объятий Ллойда, поэтому не торопилась нарываться на очередную ссору.

— Что ж, ванная там, — махнул мне за спину рукой ректор, опускаясь в глубокое мягкое кресло и начиная листать какую-то книгу, которая валялась прямо на ковре. Видимо, любимое чтиво перед сном. На меня он больше не смотрел, и складка между бровей, поджатые губы, недружелюбное выражение лица говорили о том, что Аврелиан ждет только того, как бы я побыстрее ознакомилась с абзацем, о котором он говорил.

Аккуратно примостив книгу на каминную полку, я прошла в просторную комнату, которая служила ректору ванной. Светлая плитка, деревянные полки от пола до потолка, встроенная в пол глубокая ванная и одинокий тубик, примостившийся на бортике — все говорило о том, что это место принадлежит мужчине. Влажный воздух пропах ароматом дамасской розы, который так не вязался с обликом взрослого серьезного мужчины, но невидимым шлейфом следовал всюду, где ступала нога ректора.

Стянув с себя мокрую одежду, я скользнула в горячую воду, наполнившую ванную в считанные секунды. Она поднималась со дна, едва я вошла в комнату, и теперь легкий пар так и манил меня опуститься в ванную с головой.

Мысли путались, наслаиваясь одна на другую. Мрачные и вязкие, они множились, как копировальные листы, вгоняя тело в ступор. Я не могла понять, что меня испугало больше — рассказ Ллойда о демоническом прошлом или его признание, что я ему интересна. Ни то, ни другое не позволяло мне расслабиться, подсказывая, что в ближайшее время Ллойд «выкинет» что-то такое, отчего я пострадаю. Демон никогда не станет хранителем, как бы Аврелиан не старался. Темную сущность не переделать в светлую, а искра одного из высших, дарованная именно Ллойд, могла принадлежать богу, наполненному тьмой. В таком случае, Аврелиану действительно стоит опасаться Ллойда. Но могла ли я поделиться с ректором своими догадками и подозрениями? Вдруг он высмеет меня, как делал это раньше?

Вода быстро остывала, а я боролась со сном из последних сил. Потрясения, слишком часто сыпавшиеся на мою голову, вызывали желание спрятаться под одеяло с головой и забыться, но я заставила себя вылезти и закутаться в широкий теплый халат Аврелиана, от которого пахло ректором. Мужской аромат смешивался со шлейфом дамасской розы, и пришлось дышать ртом, чтобы не фантазировать. О губах Аврелиана, о его объятиях, в которых хотелось раствориться, о настойчивом желании обладать телом бога.

Я усмехнулась и поняла, что это нервное.

Желать бога — это испытание для стойких и выносливых, а я в последнее время боялась каждого шороха и опасалась собственной тени.

Аврелиан так и сидел в мягком кресле, медленно скользя глазами по строчкам книги.

— Прочти, — сказал он ровным тоном, не поднимая головы, и я присела в похожее кресло, стоявшее возле камина, и взяла в руки книгу. Взгляд все время притягивала огромная кровать, стоявшая за спиной Аврелиана, но я даже думать боялась о том, что в ней делал ректор. Если бы мои мысли потекли в этом направлении, я бы и строчки не смогла прочесть.

Минуты шли, нарушаемые лишь треском пламени в камине, нашим дыханием и шелестом страниц. Абзац, про который говорил Аврелиан, описывал обряд передачи искры, и это оказалось совсем не тем, на что я рассчитывала.

«А, собственно, на что я рассчитывала?»

Что Аврелиан погладит меня по щеке, заглянет в глаза и... опа... во мне уже часть его силы?

Щеки горели, дыхание стало прерывистым, и по телу то и дело пробегала дрожь, так сильно я боялась поднять глаза и встретиться с вопросительным взглядом Аврелиана.

«Он с самого начала знал, что нам предстоит сделать, чтобы я получила искру высшего, но молчал, оттягивая неизбежное», — говорила я себе мысленно, припоминая тот день, когда Аврелиан выкрикнул, что поделиться о мной искрой. — Он понимал, что я его ненавижу, но все равно предложил сделать это!»

У меня просто не укладывалось в голове, как Аврелиан мог пойти на такое.

— Ты согласна? — спросил он все тем же холодным тоном, и я, смущаясь и краснея, выдавила из себя полузадушенное «да».

«И был ли у меня выбор? Стать тенью или переспать с ректором, чтобы получить его искру?»

Ответ казался очевидным.

Аврелиан встал, положив свою книгу на кресло, а я следила за его движениями из-за ресниц. Медленно снимая мантию, он, казалось, думал о чем-то стороннем, словно раздевался перед сном, «пропуская» через себя все события минувшего дня. Но, стоило мне подняться и положить на каминную полку свою книгу, как взгляд Аврелиана метнулся к моему лицу и загустел, потемнел, наполнился непонятными мне тенями.

В спальне царил полумрак, а синий шелк с золотыми узорами, затянувший стены, скрадывал свет от пламени камина. Алебастровая кожа Аврелиана едва ли не светилась, а безволосая мощная грудь оказалась расчерчена непонятными мне символами, как татуировкой — причудливой фантазией пера неизвестного мастера.

Оставаясь в одних легких брюках, Аврелиан мягко скользнул в мою сторону. Его руки уверенно коснулись узла пояса и ловко расправились с ним, чтобы распахнуть полы халата. Жадный взгляд заскользил по моей фигуре, и я задрожала, закусив губу, чтобы позорно не застонать. Пальцы Аврелиана легли на мою талию, а губы коснулись затвердевшего соска груди, всего на мгновение оставаясь неподвижными.

— Скажи, что хочешь меня, — прошептал он, языком скользнув по затвердевшему соску и зубами зацепив нежную кожу.

Я застонала, но все еще стояла, безвольно уронив руки вдоль тела.

— Ну же, — Аврелиан резко поднял голову и уставился на меня горящим взором, в котором полыхали тысячи огней. Он жадно хватал приоткрытым ртом воздух, а покрасневшее лицо говорило о том, что ректор едва себя сдерживает. Пальцы Аврелиана сжались на моей талии. — Арина, скажи...

Я помотала головой, сама не понимая, что хочу ему сказать.

— Нет? — Аврелиан усмехнулся, медленно, очень медленно скользя ладонями по

бедрам и резким горячим прикосновением прижимая ладонью трусики к промежности. Влага, оставшаяся на его пальцах, красноречиво говорила ему о том, как я на самом деле хочу. Аврелиан поднес ладонь к губам, демонстративно слизывая смазку и глядя в мои глаза. На лице высшего отразились все его порочные мысли, и я не сдержалась.

— Боже, — прошептала я, теряя связь с реальностью. Просто вырвалось привычное слуху земное высказывание, а Аврелиан гортанно рассмеялся, наклоняясь надо мной и впиваясь в губы жадным поцелуем.

Он целовался, как бог, своим языком и губами доставляя мне пронизывающее наслаждение, настолько яркое, что я едва устояла на ногах. Продолжая целовать, Аврелиан сжимал одной рукой мою грудь, а другой ласкал клитор, то надавливая, то описывая гибкими пальцами круги. Казалось, что он рисует картину на живой плоти.

— Я хочу тебя, — прошептала я, цепляясь за плечи Аврелиана. — Я так тебя хочу! — призналась я ему со всхлипом, означавшим мою полную капитуляцию. И ректор подхватил меня на руки, в два шага преодолев расстояние до кровати.

Холодный шелк простыней всего на мгновение привел меня в чувство, но жаркое тело Аврелиана, опустившегося сверху, лишил остатков благоразумия. Я послушно раздвинула ноги, повинувшись его наглому языку, и ногтями оставила на плечах Аврелиана свою первую метку.

Долговечно ли счастье?

(Аврелиан)

Она лежала в моих объятиях, такая хрупкая и сильная одновременно, прекрасная и дикая — настоящая богиня, а я гладил ее обнаженную грудь, играя набухшими сосками, спускаясь к пупку и перекрещенным во сне ногам, которые скрывали от меня самое желанное — центр вселенной. На плечах Арины красовалось рыжее перышко, а я представил лицо девушки, когда она узнает о новых способностях своего тела.

«Что ты наделал, Аврелиан? — спросил я самого себя, не переставая улыбаться и не сводя глаз с ее красивого личика. — Сколько можно наступать на одни и те же грабли, как говорят в том мире, откуда ко мне пришла Арина».

Кто бы думал, что эта капризная скандалистка способна на огненную страсть, которая выпила из меня немало божественной силы.

Увы, но высшие не могут подпитываться извне: звезды, при рождении одарившие их силой, угасают навсегда. Каждому высшему нужна пара, без нее бог, как иссушенный источник. В любви и страсти мы подпитываемся силами друг друга, рождаем мощь, поглощенную каждой открытой порой нашего тела. И этой ночью Арина получило то, что ей обещал — мою искру, силу, которая позволит Арине и дальше существовать в том мире, где она до сегодняшнего утра была лишней.

Когда Робус и Мелиор впервые услышали о моих планах, они ужаснулись, и не напрасно. Чтобы подарить Арине божественную искру, я обязан был сплести воедино наши тела и души, а это вряд ли возможно без взаимного притяжения. Ни Робус, ни Мелиор не верили в обоюдную страсть и боялись за искалеченное тело девушки, но я с самого начала чувствовал, как нас притягивает друг к другу. Или мной двигало лишь подспудное желание испытать свою удачу, рискуя Ариной? Она так яростно сопротивлялась зарождающимся чувствам, отрицая возможность таковых до последнего, что я злился, решаясь на крайний шаг.

Арина шевельнулась во сне, что-то пробормотав и натянув на себя простыню, а в моей душе шевельнулись замашки собственника, и я прижал девушку к себе поближе, чтобы ощущать каждый миллиметр ее гладкой прохладной кожи.

Друзья боялись и за Арину, и за меня, но результат превзошел все ожидания.

Недовольно наморщив лоб, я следил за меняющимися эмоциями на лице сонной девушки, и не мог отделаться от тревожных мыслей, которые все нарастали.

«Не жалеет ли она?»

— Аврелиан, — позвала меня Арина хриплым со сна голосом и приоткрыла глаза. Длинные изогнутые ресницы дрогнули, она часто-часто похлопала ими, привыкая к дневному свету (я сдернул одним мановением руки темные преграды на пути солнечных лучей) и испуганно охнула, нащупывая руками покрывало.

— Не считаешь, что это излишне? — усмехнулся я, нагло поймав набухший сосок зубами и несильно сжав его, чтобы тут же подуть. Арина зажмурилась и недовольно заворчала, выдав долгий протяжный полувздых-полустон. Ее тонкая рука взметнулась к моим волосам, зарывшись в них и притягивая к себе, и я накрыл ее губы поцелуем, от которого кровь в венах буквально забурлила.

Арина не несла в себе частицу моей бывшей возлюбленной, она вообще не обладала божественной искрой до сегодняшнего утра, но то, что она будила во мне: нежность, желание оберегать, нешуточную злость порой и неистовую страсть — доказывали, что мои чувства не выдумка, не плод моего воображения, а реальность. Я откликался на каждый ее трепетный поцелуй, наполняясь уверенностью, что снова люблю.

— Тебе все мало? — низким голосом, дрожащим от напряжения и сдерживаемой страсти, спросил я Арину, заглядывая в ее сонные, подернутые дымкой глаза. Она затрясла головой, стараясь скрыть улыбку, и смежила веки, заливаясь краской.

— Привыкай, — зачем-то шепнул я ей на ушко, сам не понимая, к чему же Арина должна привыкнуть.

«Просыпаться в моей постели? Пожалуй!»

Вряд ли Арина поняла истинный смысл моих слов. Она отрицательно покачала головой, но не могла открыть глаза и признаться самой себе, что хочет меня, а я продолжал дразнить мою дикарку, оглаживая ее клитор медленными круговыми движениями. В голове шумела кровь, перед глазами расплывались цветные пятна от силы ее наслаждения, которое терпкой сладостью отдавалось на языке.

— Ты такая вкусная, — прошептал я Арине, опуская голову ниже и находя языком ее возбуждение. Арина выгнулась сильнее и безмолвно раскрыла рот, тут же прикусывая губу.

— Кричи, нас никто не услышит, — горячим шепотом опалял я набухший клитор, прикикая к нему, как к источнику самой жизни.

— Боже, — прохрипела Арина, — Аврелиан.

Я вздрогнул, впервые услышав столько мольбы и желания в собственном имени. Мою божественную крышу сорвало окончательно, и я резко поднялся, чтобы одним движением войти в нее полностью, без остатка, без сожаления.

Арина подалась бедрами навстречу и ускорила ритм, распахнув глаза.

— Смотри на меня, — потребовал я, переливая в Арину столько силы, сколько она требовала.

«Такая жадная, кто бы мог подумать!»

Слишком быстро Арина вскрикнула, выгнулась дугой, мелко содрогаясь, и отодвинулась, чтобы перекатиться на живот и в мгновение оседлать меня, горячими ладонями и острыми коготками впиваясь в мои плечи. Она запрокинула голову и самозабвенно скакала на мне, как дикая наездница, а я подхватывал ее под попку, поймав жаркий ритм. Арина вздрогнула, закричала и забилась в конвульсиях второй раз, а за ее спиной распахнулись два огромных крыла.

Испытав острое наслаждение, я с трудом различил ее тяжелые крылья, которые легли мне на ноги, и невольно рассмеялся.

— Рыжие, — прошептал я, касаясь ее мягкого оперения. — Прекрасные.

— Это... это мой? — прохрипела Арина не своим голосом, а ее расширенные от ужаса глаза увеличились вдвое. — Аврелиан?

Она умоляюще посмотрела в мое лицо, и я невольно рассмеялся, снова.

— Кажется, ты делаешь меня не в меру счастливым, — признался я ей, аккуратно обнимая ладонями тонкую талию и ссаживая Арину на кровать, чтобы не повредить хрупкие крылья, безвольно повисшие у нее за спиной. — Это побочный эффект.

— Побочный эффект? — нелепо повторила она за мной со слезами на глазах и с дрожью, закипающей в голосе. — И как... как их убрать?

Испуганный взгляд метался между мной и парой рыжих крылышек, а я не мог скрыть улыбки, ощущая себя полным идиотом.

— Я научу, не бойся, — прошептал я Арине на ушко, нежно поглаживая ее плечи. — Доверишься мне?

— Да, — тут же отозвалась Арина, сама не понимая, какую радость доставила мне этим быстрым коротким ответом.

— Тогда, расслабься и позволь научить тебя одному легкому приему... Ну же, — успокаивающе гладил я Арину по спине, ощущая напрягшиеся и дрожащие мышцы. — Позволь тебе помочь.

— Да, — снова прошептала она, смахивая с глаз ненужные слезы и вдруг широко улыбаясь. — Просто, не могу поверить, что не сплю, — призналась Арина, не скрывая ликующей улыбки.

Выбрались из постели мы только спустя пару часов, наслаждаясь неторопливыми ласками и вновь разгорающейся страстью, которая зажигала искры перед глазами. Я привыкал к ощущению Арины рядом, а она, казалось, просто наслаждалась, впитывая в себя мои касания. Наши волосы переплетались, путались, и Арина смеялась, длинными ловкими пальчиками отбрасывая рыжие локоны за спину. Крылья, расправленные в момент пика страсти, аккуратно сложились и исчезли, как это происходило у архангелов.

— Наш союз — это что-то новое для Олимпа, — сказал я Арине, когда она выползала из кровати, потягиваясь, словно кошка.

— И кто я теперь? — спросила она, оглядываясь через плечо. — Новый подвид божества?

Нахмурившись, я попытался скрыть от Арины свою тревогу.

Вряд ли Загорн одобрит ее появления в Поднебесной. Не тот он высший, чтобы прощать подобное «баловство», а Арина — явный пример нарушения всех существующих правил. Она имела крылья, но не принадлежала ни к одному известному роду архангелов, а, значит, последует расследование, в ходе которого Загорн узнает обо всем, что я совершил. Меня накажут, скорее всего, казнят, но я много прожил, многое испытал, создал свой процветающий мир, который будет напоминанием обо мне и Злате. Мне не страшно умирать, до сегодняшнего утра я подсознательно желал именно такого исхода — тьмы, бесконечной и тихой, всепоглощающей. Вот только...

— Надеюсь, мы успеем насладиться друг другом, — тихо ответил я Арине, и она почувствовала мою тревогу, нахмурилась, прижима к груди белоснежную простынь.

— То, что ты совершил, незаконно? — спросила Арина, и я отрицательно покачал головой.

«Скорее, беспрецедентно», — подумал я невольно.

— Такого еще не случалось на Олимпе, если ты это хотела услышать. Мы войдем в историю, — сказал я бодрым голосом, но Арина не купилась.

— Ты боишься последствий, не так ли? — снова спросила она, напряженно расхаживая по комнате.

— Если я и боюсь, то только того, что Загорн может сделать с тобой, Арина. И, поверь, я не допущу, чтобы тебя кто-то обидел, но у нас мало времени.

Я тоже поднялся с постели, с горечью отмечая, что обоюдная страсть переросла в давящую тревогу, поглотившую все пространство спальни.

— Что ты собираешься предпринять? — тихим голосом задала Арина вопрос, застыв у

распахнутого настежь окна.

— Я хочу обратиться к ангелам смерти, — не стал я отпираться. — К тем, кто имеет власть над высшими, в том числе, и над самим Загорном.

— И они помогут мне? — вскинула Арина брови, а ее крылья снова появились за спиной, то поднимаясь, то опускаясь, словно неволью Арина перенесла на них свои страхи.

— Конечно, они помогут, — успокоил я ее, подходя и прижимая к себе. — Непременно помогут.

«Они не дадут тебя в обиду, как новый и невиданный доселе вид божества, а вот насчет меня приговор может быть суров», — подумал я о том, что не давало мне покоя уже многие месяцы. Только Арине не нужно этого знать, чтобы не омрачить то время, что выделено нам двоим. Короткое или долгое счастье выпало на нашу долю? К сожалению, этого я не знал, но собирался пользоваться каждым мгновением, подаренным нам самой судьбой.

Новые возможности

(Арина)

На обед я спускалась с высоко поднятой головой, а за спиной у меня, как яркий плащ, сложились два рыжих крыла, которые Аврелиан посоветовал не прятать.

«Я не собираюсь скрывать того, что случилось, — серьезно сказал он, спускаясь со мной вниз по лестнице и провожая до самых дверей Сумрачного холла. — Наставники узнают, рано или поздно. Лучше, если это случится сегодня».

Я подозревала, что у Аврелиана собственные мотивы для подобных демонстраций, но согласилась на его предложение и аккуратно сложила за спиной крылья, от которых невероятно зудело между лопатками. Боюсь, что, переполненная счастьем до краев, я бы согласилась и на большее безрассудство.

Мелиор, впервые увидев мои крылья, длинно и витиевато выругался на весь Сумрачный холл. Уно быстро подошла к Аврелиану и что-то сказала ему на ухо, а злость исказила ее черты до неузнаваемости. Робус сделал вид, что его это совершенно не касается и продолжал ковырять в тарелке с невозмутимостью и хладнокровием настоящего аристократа. Медея не спускалась из Стрельной несколько дней, и я подозревала, что еще долгое время не увижу ее.

— Последний месяц осени в Храме запомнится мне на всю оставшуюся жизнь, какой бы длинной или короткой она не оказалась, — пробормотала я себе под нос, но Ллойд услышал. Оказавшись сидящим за «нашим» столом, он последовательно наблюдал за реакцией каждого наставника, находящегося поблизости, и его довольный вид меня пугал. Слишком хитрый взгляд, сосредоточенно нахмуренные брови и жесткая ухмылка. Для демона, бывшего демона, он выглядел несколько нестандартно, как будто замышлял подлость, и она ему удалась.

— Определенно, это знаменательное событие каждый из нас запомнит надолго, — хмыкнул Ллойд, и я скривилась в ответ, не особо желая отвечать. После нашего случайного откровенного разговора, в котором Ллойд признался, что помнит прошлое, я опасалась его.

— Нам пора на лекцию, — через какое-то время, за которое я едва ли успела проглотить половину порции супа, позвал меня Ллойд. Он поднялся из-за стола и терпеливо ждал, что я последую за ним, и, как ни странно, я поднялась следом. — Ты прогуляла первую половину дня. Это неосмотрительно...

— Позволь мне самой разобраться, — грубо оборвала я Ллойда, и он снова жестко ухмыльнулся.

— Знаешь, а ты упрощаешь мне задачу. — Он откинул с глаз челку.

— Ты о чем? — спросила я его, накидывая на плечо ремень сумки, в которую свалила пергаменты и учебную литературу.

— Расслабься, Арина, — теперь улыбка Ллойда казалась мне более открытой и теплой. — Не стоит бояться меня только потому, что когда-то я был рожден демоном.

От его проницательно я только еще больше насторожилась, не поверив ни улыбкам, ни резкой смене разговора. Он прошептал последнее слово, наклонившись так близко, что я ощутила запах его тела — холодный, притягательный, но такой чужой, что захотелось резко оттолкнуть Ллойда от себя.

— Ты мне нравишься даже тогда, когда злишься, — закончил он, первым покидая

Сумрачный холл и делая вид, что между нами не пролегла пропасть, порожденная его откровениями на балконе и моими беспочвенными подозрениями относительно отравления Ахорна и причастности к этому Ллойда. Хранитель не скрывал, как ко мне относится, а я не спешила отталкивать его от себя, как сделала бы это раньше. Без Ллойда жизнь в Храме стала бы невыносимой, потому что я так ни с кем и не подружилась.

После лекции меня перехватил Мелиор.

— Эй-эй, рыжекрылая, подожди-ка, — сжал мой локоть наставник, опасливо покосившись на крылья, аккуратно сложенные за спиной. Я настолько привыкла к ним, что практически не чувствовала, но хранители весь день шарахались от меня. Облаченная в мантию архангелов с прорезями для крыльев, я не стала своей, даже получив божественную искру.

— Грустишь? Торжествуешь? — спросил Мелиор в лоб, но я лишь закатила глаза, вырвав свою руку.

— Говори, что тебе нужно, — ответила я уставшим голосом, полным сожаления. Нет, о случившемся между мной и Аврелианом я несколько не сожалела, наоборот, но обсуждать это с кем бы то ни было не собиралась. — У меня короткий перерыв между лекциями.

— На следующую идти не нужно, — неохотно ответил Мелиор, оглядываясь вокруг. Адепты спешили по коридору, и на нас особо никто не обращал внимания. — У тебя индивидуальное занятие с Майклом Гавром.

— С кем, с кем?! — ошарашено спросила я Мелиора, надеясь, что ослышалась. — Не считаешь, что это лишнее?

— Нет, — теперь жесткости в голосе у Мелиора прибавилось. Мы с ним часто вот так менялись местами: то я проявляла свой невыносимый характер, а он позволял, то он непререкаемым тоном ставил меня на место, и я послушно склоняла голову перед наставником. — Майкл ждет тебя возле Парящих аллей. Выход через Сумрачный холл.

Я кивнула и пожала плечами, мол, раз ты настаиваешь, но настроение резко испортилось. Я-то ждала, что Аврелиан сам займется моим обучением, но кому, как ни архангелу, лучше знать, что делать с крыльями.

«Ты его оправдываешь, — сказала я мысленно, имея в виду поступок Аврелиана, но тут же улыбнулась. — Будь увереннее, Арина, он делает, как считает нужным, оставляя время на более приятные вещи, чем учеба!»

Я не стала развивать мысль, пресекая любые мечтательные порывы расплыться в нелепой улыбке, и быстро спустилась по лестнице, находя нужную мне дверь, которую могла бы найти и с закрытыми глазами.

— Хорошо, давай попробуем еще раз, — терпеливо произнес Майкл спустя час тренировок и присел прямо на траву, сложил ноги и водрузил на колени тяжеленный справочник для архангелов, который откопал в библиотеке. — Так как твои таланты появились не от рождения, а в процессе трансформации и регенерации, придется учиться с нуля. Представим, что ты — ребенок, который впервые управляет крыльями. Все предельно просто, — увещевал меня Гавр на удивление спокойным голосом.

Он отреагировал на мое появление примерно так же, как я на приказ Мелиора спускаться на индивидуальное занятие. Надо, так надо. Особого энтузиазма Майкл не проявлял, но и свою заносчивость и надменность спрятал за ледяной маской терпеливости и спокойствия.

— Мне разбежаться? — спросила я Майкла, а он расхохотался и упал спиной на траву,

впервые походя на обычного веселого парня, который радуется возможности прогулять лекцию и не тяготится общением со мной.

— Нет, Арина, — отрицательно покачал Майкл головой, безнадежно глядя на мои обвисшие крылья. Битый час я пыталась расправить их и задействовать в полную мощь, чтобы оторваться от земли. Все тщетно.

— Тебе нужно подумать о том, что тебя окрыляет, делает по-настоящему счастливой, и взлететь, — Майкл ударил ладонью по страницам раскрытой книги. — Я бы заставил тебя прочитать теорию еще раз, но, боюсь, это не поможет.

— Читай, — обреченно сказала я, потому что первые десять минут отвлекалась и совершенно не слушала Майкла, в чем теперь стыдилась признаться. А еще некстати вспомнилась наша с Аврелианом ночь и затянувшееся утро. От оргазма крылья за спиной распахнулись сами собой, но этот способ с Майклом явно не получится опробовать. И мысли никак не помогают задействовать безжизненные крылья, мягким плащом укрывшие спину.

— Крылья архангелов готовы к полету только в том случае, когда их владелец предельно сосредоточен на самых своих счастливых воспоминаниях. — С ухмылкой зачитал мне Майкл. — Позже, крылья начнут раскрываться инстинктивно, но сознание должно получить определенные сигналы, научиться понимать команды. Ребенок, окруженный заботой и любовью, учится управлять крыльями с первыми шагами, — Майкл прервался и поднял на меня глаза. — А вот что делать с такой, как ты, история Олимпа еще не знает, поэтому будет пробовать.

Я зевнула, прикрыв рот ладошкой и бессильно падая на траву рядом с архангелом.

— И что, это работает? — кивнула я на книгу и на крылья самого Гавра, а он мгновенно напрягся, садясь и отворачивая голову. Казалось, что я нарушила перемирие, невольно вторгшись на его личную территорию.

— Я родился архангелом, а на Олимпе дети раскрывают свои способности практически с первыми шагами, — грубо ответил он спустя время и поднялся на ноги. — Вызубри теорию, завтра продолжим.

И Майкл ушел, оставив меня один на один с неудавшимися попытками задействовать крылья и принять свою новую сущность. Хорошо, что после короткого перекуса хранителей еще ждала тренировка, иначе я бы погрязла в депрессивных мыслях.

На тренировочном поле, куда мы с Ллойдом успели вовремя, разминались все адепты первой ступени. Архангелы заняли самую удобную позицию, у ярких стоек-щитов, и выбирали себе тонкие резные луки, взвешивая в руках, примериваясь и громко обсуждая осеннюю непогоду. Я молча наблюдала за ними, зная, что рано или поздно тоже отправлюсь на Стрельную. Вряд ли Аврелиан оставит меня среди хранителей, тем более, я с самого начала там не прижилась. Но будет ли мне место среди архангелов, и как они примут меня?

Майкл, столкнувшись со мной взглядами, сделал вид, что видит меня впервые, а Остин раскрыл объятия и поиграл бровями, стоило ему заметить мой пристальный интерес. Я шарахнулась от его огромных и загребущих лап, а остальные архангелы захохотали на наши нелепые попытки изобразить игру «Кошки-мышки».

Неожиданно Гавр оставил свой лук и твердым шагом подошел ко мне, приветствуя Ллойда почтительным кивком головы. Золотые глаза и седые волосы делали Майкла неотразимым и тоже другим, непохожим. Я симпатизировала его внешности, но никак не характеру и грубым манерам.

— Пойдем-ка, я покажу тебе классное оружие, — чужим насмешливым тоном сказал

Майкл, явно стараясь отвлечь Ллойда. — Тебе понравится, — угрожающе уточнил Майкл, протягивая руку и смыкая железные пальцы на моем предплечье.

Ллойд смерил Гавра вопросительным взглядом, но вряд ли придал какое-то значение вдруг возникшему желанию архангела показать одному из хранителей «классное оружие».

— Говори, что хотел, и отпусти меня, — произнесла я жестким голосом, потирая запястье. — И не стоит так откровенно афишировать наше знакомство.

Гавр фыркнул и закатил глаза, как я сама часто делала. От этого внутри меня что-то вдруг потеплело по отношению к Майклу.

«Может, не такой уж он и напыщенный грубиян, каким старается казаться?»

— Ладно, до начала тренировки можем и поговорить, — неохотно уступила я Майклу, который шагал куда-то в сторону от щитов с оружием.

— Я знаю о твоём желании попасть к границе долины, Арина, — огорошил меня Гавр, вдруг резко остановившись и сощутив золотые глаза, в которых блеснули солнечные лучи. — Зачем?

Я вскинула брови.

«Вот, уж не ожидала! Я никогда и никому не озвучивала своих тайных желаний, так, откуда он узнал?»

— Ты следил за мной? — ахнула я удивленно, продолжая следить за тем, как темнеет взгляд Майкла по мере того, как он все больше и больше злится. Только, на кого?

— Почему бы и нет, — не стал отрицать Майкл, вскинув подбородок и примериваясь ко мне холодным взглядом. — Я давно наблюдаю за тобой, с того самого дня в Парящих аллеях, когда ты и Аврелиан подслушали наш с Нобис разговор. Не тебе обвинять меня в чем-то!

Я снова ахнула, округляя глаза.

— Мне нет дела до ваших тайн, — ответила я Майклу категорично, удивляясь, почему этот разговор не состоялся раньше. Ведь, у нас был целый час, чтобы поговорить без свидетелей.

— Тебе — нет, но это не значит, что через тебя об этом разговоре никому не станет известно. — Парировал он тут же, поворачивая голову и отыскивая взглядом высоченного Ллойда. Демон только делал вид, что разминается, но я отметила, как он, между прочим, оглядывается на нас с Гавром.

— Слушай, я не сплетница и никогда ей не была. Разборки между высшими и архангелами — не моя прерогатива, — прошипела я, сжимая кулаки. — И мое желание попасть не границу — не твоего ума дело.

— Не будь такой наивной! — вспыхнул Гавр, снова оглядываясь через плечо, чтобы удостовериться, что никто нас не слушает. — Ты по уши завязла в сплетнях и интригах, Арина, а крылышки, взявшиеся словно ниоткуда, только подтверждают мои самые худшие опасения.

Покраснев, я отчаянно искала контраргументы, но лишь злилась еще больше.

— Тебя никто не просит лезть в мою жизнь, — наконец, ощерилась я, собираясь тем самым закончить разговор, но Майкл неожиданно крепко схватил меня за руку.

— Послушай, — заговорил он, приблизив ко мне лицо, отчего его золотые глаза полыхнули вечерним закатным багрянцем. — Загорн жесток и силен, он давно перешел границы дозволенного! Боги, престолы, иниты и архангелы часто бунтуют, но Загорн изощренно наказывает тех, кто идет поперек его желаний. Олимпом правит сластолюбец, самодур и психопат, который сучает без крови и запаха смерти, и скоро он прибудет в

Храм. Как думаешь, на кого обратится его взор?

— Аврелиан не допустит этого, — слабо пискнула я, понимая, что приходу Загорна не в силах помешать ни Аврелиан, ни кто-либо другой.

— Мне нужно знать, что ты не проболтаешься, — непримиримо сказал Майкл, оставляя на моем запястье синяки.

— И ты решил вынудить меня согласиться грубой силой? — язвительно прошипела я, тщетно пытаюсь вывернуться из крепких тисков его пальцев.

Неизвестно, чем бы закончилась наша словесная дуэль, если бы вдруг тренировочное поле не огласил радостный вопль адептов.

— Ахорн! Ахорн! Ахорн! — скандировали они, кто смеясь, кто не сдерживая бурных оваций.

Боевик с каменным выражением лица шагал в сторону тренировочного поля, и рывкнул приветствие так, что на стендах с оружием загремели металлические наконечники стрел.

— Стройся!

Еще никогда адепты так слаженно и быстро не бежали на построение, и только мы с Майклом плелись в «хвосте». Я не скрывала радости от того, что Ахорн поправился и может вести занятия, а Майкл привычно хмурился, и по его лицу нельзя было понять, то ли он рад появлению боевика, то ли абсолютно равнодушен.

— Это ты его спас, — примирительно сказала я Гавру, а тот лишь повел в ответ плечами и ушел к архангелам, оставив меня среди «своих».

— Что ему понадобилось? — спросил меня Ллойд, тут же появившийся рядом.

— Пристал, что я выбираю неправильное оружие, — буркнула я, сама себе не веря, и невольно отмечая, что Ллойд не проявляет энтузиазма, связанного с появлением Ахорна.

— Приперся, — грубо и пренебрежительно сказал Ллойд, чем окончательно уверил меня в том, что за ангельской внешностью скрывается демоническая сущность.

Тщетные поиски

(Аврелиан)

Еще в детстве, когда я начал осознавать, что не такой, как все, что не вписываюсь в высшее общество богов, что на меня смотрят косо, я начал искать выход. Я штудировал книги, едва доставая головой до самой низкой полки, я просил отца отвести меня к Загорну, чтобы доискаться правды у него. Чего я только не делал, чтобы найти ответы на вопросы:

«Чем же так плох высший, рожденный от света? Почему я неполноценный и почему на меня смотрят косо?»

Отец отшучивался, хмуря брови, а мать лишь снисходительно трепала по голове и отмалчивалась. Загорн же, когда я достиг совершеннолетия, отослал меня прочь с Олимпа. Я мешал его идеальному мирозданию, не вписывался в его видение высшего, достойного проживать на Олимпе.

Находясь на службе у архангелов, мне приходилось посещать земли мертвых, и там я познакомился с Иридой, сосланной с Олимпа тем же Загорном. Ирида нашла свое призвание, объединившись с Дарко и создав свое собственное царство — царство мертвых. Ее сила равнялась силе самого Загорна, но Ирида уступала в коварстве и злобности высшему, возглавившему Олимп. Ирида объяснила мне, что я не смогу создавать миры, что никогда не выполню своего предназначения, но предложила мне найти свой собственный путь.

«Ты не такой, как мы, но в этом твоя особенность, — говорила она. — Или ты найдешь свое собственное предназначение, или сгинешь, подобно тени. Решать тебе».

И я отдал всего себя на то, чтобы не просто выжить, но и найти смысл подобному существованию.

Позади что-то глухо грохнуло о каменный пол, выложенный тяжеловесной потемневшей от времени плиткой. Пахнуло пылью и древностью, а отборная ругань Мелиора заставила меня вспомнить, что в архив я пришел не для того, чтобы попусту тратить время на воспоминания о былом. Я надавил пальцами на веки, чтобы избавиться от цветных кругов, плясавших перед глазами, и наобум перебрал несколько книг, не найдя в них того, чего искал. На стол легли новые стопки, которые предстояло пересмотреть, и им не было ни конца, ни краю.

— Безрезультатно? — спросил меня Робус, присаживаясь рядом. За сегодняшний вечер мы вдвоем перевернули несколько полок в архиве, пытаюсь найти ту единственную книгу, которая затерялась среди тысячи и тысячи других, мы посвящали этому каждую свободную минуту, но пока безрезультатно.

Я отрицательно покачал головой и посмотрел, как Мелиор отважно сражается с тяжелыми томами, размещенными на самых высоких полках. Он не терял присутствия духа и не отчаивался, за что я молчаливо благодарил друга.

Стрелки настенных часов двигались со скрипом, как и деревянная лестница, управляемая моей магией. Она шаталась из одного прохода к другому, накренялась в бок и натужно трещала, грозясь рассыпаться в труху.

— Должна же быть запись о ритуале, — бормотал Робус, с головой ушедший в одну из древних летописей, посвященную ангелам смерти. — Я точно знаю, что должна.

— Не бубни, — раздраженно гаркнул с верхотуры Мелиор, складывающий на ступеньку

лестницы какую-то рухлядь, похожую на свернутые пергаментные листки. — Иначе я начинаю думать, что мы — троица свихнувшихся книжных червей, прозябающий среди пыльных полок энный век подряд.

— Безрадостная картина, — ответил я, не отрывая глаз от страницы учебника, изданного пару столетий тому назад. Вряд ли в нем описывали ритуал призыва ангелов смерти, но хоть указать нужную литературу могли! — Если бы не вы... — попытался я проявить сентиментальность, вдруг поднимая голову и встречаясь глазами с хранителями, но Робус драматичным жестом прервал мою речь.

— Перестань, этого еще не хватало, — немного грубовато сказал он, смахивая с колен пергаментные листы, которые рассыпались у его ног никому не нужными страницами. — Мы с Мелиором больше переживаем за собственные шкуры, чем за тебя и крылатую злобную фурию, которую ты и сам не так давно мечтал развеять. Ну? — посмотрел он сурово на Мелиора.

— Угу, — буркнул Мелиор, уткнувшись носом в тяжеленный талмуд, который приходилось придерживать еще и коленом. Металлический каркас покрылся ржавчиной, застежка мерцала каким-то драгоценным камнем, который я порывался рассмотреть, но из-за тусклого света никак не мог определить, что за камень украшает книгу.

— Ты только подумай, что с нами сделает Загорн, когда сочтет твоими сообщниками? — спросил Робус, откидываясь на спинку стула, который с трудом выдерживал вес друга. — Это выших в таком случае ждет достойная казнь, а нам с Мелиором просто выпишут билет в вечное ничто.

— Вот-вот, — машинально поддакнул Мелиор, продолжая глазами «бегать» по строчкам книги.

Хмыкнув, я кивнул головой, встречаясь глазами с хитрым прищуром Робуса. Только за кружкой крепкого янтарного он мог признаться, насколько дорожил мной и нашей дружбой, и я прекрасно знал, что появление Загорна в Храме семи ступеней, нависшее над нами подобно дамоклову мечу, страшит его именно моей возможной казнью. Если не выстою я, то не выстоит никто их наставников, даже Уно. Ее казнят, как соучастницу, несмотря на связи, в чем я был абсолютно уверен.

— К теньям в зад! — грубо выругался Мелиор, с трудом спускаясь с лестницы и удерживая несколько книг одновременно. — Это невыносимо, ей-богу. Какого дьявола вы со Златой не навели здесь порядок, а веками копили этот хлам?

— Всех собрал, — добродушно пробурчал Робус, а я с удивлением отметил, что он потеплел к Мелиору. Раньше эти двое грызлись по поводу и без, но, с некоторых пор, объединили усилия и держались вместе.

— Как-то руки не доходили, — пожал я плечами. — Да, и без надобности было.

— Грр, — прорычал Мелиор, которому не хватило стула. Он пнул ногой ближайшую полку, попав под дождь из пепельных хлопьев пыли, и стал похож на седого старца, согбенного под тяжестью лет.

— Все, с меня на сегодня хватит, — мучительно чихнул он, — дальше сами. Тем более, одна строптивая крылатая особа, не будем называть ее имени, попросила меня обеспечить ее нужной литературой, связанной с полетами архангелов.

Хмыкнув, я спрятал взгляд на страницах книги, словно чувствовал за собой вину. Мысли об Арине не давали мне покоя весь день, но я гнал их прочь, сосредоточившись на достижении важной для нас обеих цели — найти ритуал по призыву ангела смерти. Только

они могли защитить Храм семи ступеней от гнева Загорна, и каждого из нас от надвигающейся катастрофы. Загорн — древний бог, высший, «под носом» у которого провернули столько незаконных дел, сколько и за века не проворачивали. Да, за один только несанкционированный портал между Землей и Аврелией мне грозил суд, что говорить о дальнейших нарушениях.

— Спасибо, что помогаешь Арине, я благодарен, — кивнул я Мелиору, который явно ждал от меня этих слов, — знаешь, все сложно...

— Вот-вот, — с насмешливой интонацией произнес Мелиор после затянувшейся паузы. — У вас все сложно, а мне приходится отдуваться.

— Как она? — задал я вопрос, который назревал уже давно. Мне бы самому удостовериться, что с Ариной все в порядке, но я боялся лишнего внимания Уно. Она пригрозила мне разбирательством, и она же послала запрос на Олимп, в чем мы с Робусом и Мелиором уверились, едва закончился обед. Этого стоило ожидать.

— На мои вопросы в лоб не ответила, — пожал Мелиор плечами, — но выглядит так, словно родилась с крыльями, а об остальном я не спрашивал.

Робус хищно улыбнулся, но я молча покачал головой. Посвящать друзей в подробности своей интимной жизни я не собирался.

После лекций у меня не хватило времени даже на то, чтобы заглянуть к Арине в спальню и предупредить, что ночует она у меня. Боюсь, я даже не показал ей дорогу до своих покоев, а одна она вряд ли осмелится ее разыскивать.

— Кажется, кто-то отвык от ухаживаний за девушкой, — хмыкнул Робус, поднимаясь на ноги. — Но сейчас нам бы не отвлекаться и разгрести этот хлам. Знаете, не у вас одних имеется личная жизнь.

— Да-да, — я посмотрел на Мелиора и крепко пожал другу руку. — Спасибо тебе.

— К тени в зад, — повторил Мелиор, — вашу благодарность, уважаемый ректор.

Но его открытая улыбка и насмешливый взгляд говорили о том, что какое-то время он прикроет мое отсутствие и заступится за меня перед Ариной.

Разбирая хлам, я снова погрузился в воспоминания о собственном детстве. Отец все меньше времени оставался дома, когда правда обо мне открылась соседям. Он пытался отыскать причину ошибки моего рождения на дне кубка, запивая горечь и позор сладким нектаром, а мать утешалась в объятиях воинов из приближенной армии Загорна. Архангелов я любил, встречал их с улыбками на лице и с трепетом в сердце, пока не понял, почему они с такой завидной регулярностью появляются на пороге маминой спальни. И, когда прозрел, решил последовать за одним из них и убить. Мальчишка, что я тогда понимал?

Преследуемый мной архангел возглавлял отряд самых сильных и отчаянных воинов, которых Загорн отправлял в земли мертвых, чтобы показать Дарко его место. Падшие обосновались в столице нейтральных земель под названием Турпиф, где отстроили целый город, а архангелы хулиганили на границе, в отместку Дарко выстроив стену и укрепления, в которых постоянно пребывали отряды, готовые к битвам. В этом отряде я и закрепился позднее, получив пинок под зад от самого Загорна.

Тогда-то я и узнал цену Свету и Тьме, понял, как одно незаметно вытесняет другое с каждым неблагоприятным поступком или же с каждым добрым делом. Примеров последнего среди высших я едва насчитал столько, сколько пальцев на руках и ногах, а вот пример того, как Тьма разъедала души богов, делая их Падшими — сотни. Загорн ссылал неугодных, но я видел, кто отправлялся в изгнание — наполненные светом высшие. Олимп и Турпиф

поменялись местами, и там, где раньше царил Свет, поселилась Тьма.

В землях мертвых я пробыл недолго, прослужив в отряде несколько лет. Я не планировал возвращаться на Олимп, тем более, меня никто не звал обратно, поэтому на долгие годы воинский монастырь стал моим прибежищем. Именно в воинском монастыре меня и застала Ирида, рассказав о дочери Загорна, наполненной одной лишь тьмой. Загорн отослал свое единственное дитя в долину, которую назвал Поднебесной, и я преодолел преграду из цепи гор, чтобы обрести счастье. Увы, недолгое.

Стоя у широко проема в стене, где когда-то давно красовались цветные витрины, я смотрел в сад. В полной темноте ничего не разглядеть, зато освещенные окна Стрельной видны, как на ладони, и на самой верхотуре, где любили собираться крылатые, сегодня лишь две застывшие фигурки — Майкл Гавр и моя Арина.

— Твоя идея? — хмуро спросил меня Робус, отряхивая мантию от пыли и распахивая ставни настежь. — Не боишься, что ее чувства к тебе плавно перетекут на более молодого и перспективного?

— Нет, — уверенно ответил я Робусу, и хранитель хмыкнул.

— Твое дело, но я бы не отпускал от себя Арину, пока не убедился бы, что она не натворит бед. Объединять ее в тандем с Гавром — верх глупости.

— Или удачной ход в шахматной партии, — выдохнул я, до сих пор ощущая лишь запах пыли. — Арина способна выведать у Майкла все, что тот затевает, будь уверен. Я до сих пор не знаю, кто виновен в отравлении Ахорна и поджоге тайной секции библиотеки. У нас под носом творят беспредел, а мы даже не предполагаем, какие из адептов виновны в случившемся. В любом случае, я уверен, что Майкл Гавр замешан в произошедшем.

— А Арина и не подозревает, что ты ее используешь, — снова хмыкнул Робус, а у меня появилось желание выпить.

— Нет, но это во благо, — зачем-то начал я оправдываться, и Робус отмахнулся.

— Ты явно подзабыл, как ухаживать за девушками. На-ка, — он с силой ткнул мне в грудь какой-то тонкой книжицей.

— Что... черт... — ругнулся я, потеряв от неожиданности равновесия и оступаясь. — Какого...

— Десять способов сказать своей второй половинке о собственных чувствах, — процитировал Робус, хрюкая от сдерживаемого смеха. — Почитай на досуге, пока Арине не прознала, какой ты изворотливый тип. Знаешь, она еще не сталкивалась с истинными высшими, а мне ее уже жаль.

Я не послал Робуса только потому, что статус не позволял, а друг уже широким шагом отдалялся от архива. Мы снова уходили ни с чем.

Ожидание неизбежного
(Арина)

Вот уже вторую неделю по Храму расползались зловещие слухи о том, что высшие во главе с Загорном нагрянут в долину. Никто точно не знал, откуда эти слухи взялись, но шепотки, огромные испуганные глаза адептов первой и второй ступеней, волнительное переглядывание старших — все говорило о тревожном ожидании.

Хранители говорили о появления в Храме высших с затаенным восторгом, им-то никогда не приходилось видеть Загорна и матерых воинов, коими казались им архангелы, но мрачное настроение наставником постепенно передалось и нашей группе. Занятия во фруктовом саду превратились в изощренную пытку, потому что Робус все чаще хмурился и заменил практику нудными лекциями, которые на промозглом холоде едва ли воспринимались с энтузиазмом. Мелиор восседал на своем троне чернее тучи, и любое упоминание слухов или намеков на них приводил его в бешенство. Однажды он вскочил посреди занятия и покинул оранжерею, заявив, что все мы — неблагодарные сволочи. У него явно сдавали нервы.

Ахорн и Медея на общем фоне выглядели не так удрученно, а вот Уно торжествовала, сияя улыбками на каждой общей трапезе. Ее светлый лик омрачало лишь мое присутствие или отказ Аврелиана сесть рядом и выслушать речи Уно. Я догадывалась, что служило причиной злобного ликования наставницы архангелов — она окажется в центре внимания, если в Храме объявятся ее бывшие ученики, ставшие закаленные в боях архангелами. И Загорн вряд ли обратит свой гнев на сказочно-прекрасную Уно, которая во всем следовала его заветам, никогда их не нарушая.

В один из вечеров Аврелиан собрал всех адептов, находящихся в Храме, чтобы выступить с заявлением. Я сидела среди хранителей и едва ли дышала, устремив взгляд на осунувшийся профиль любимого высшего, который за последние две недели не перекинулся со мной и парой слов.

Согласитесь, странное поведение для того, кто предложил мне проводить ночи в его постели, но, пусть уж лучше Загорн уничтожит долину, чем я первой подойду к Аврелиану в роли жалкой побитой собачонки.

— Доброй ночи, дети Олимпа, — начал свою речь Аврелиан приглушенным голосом, лишенным былой торжественности. Его белоснежная мантия, покрытая серебром и золотом, сегодня сменилась на простое одеяние наставника, но обод в волосах остался. Я старалась сосредоточиться на словах, и не думать о том, каковы эти длинные белоснежные пряди на ощупь. — Я собрал вас здесь только для того, чтобы официально подтвердить слухи, давно гуляющие по коридорам Храма семи ступеней.

Пауза, наступившая в речи ректора, затянулась, но никто не шелухнулся. Казалось, что адепты соревнуются в игре «Кто первый пошевелится, тот труп», а напряжение ощущалось давлением на барабанные перепонки. Так тихо стало вдруг, что я слышала тяжелое дыхание Ллойда, который сидел рядом.

— Сегодня в Храм семи ступеней пришло официальное письмо из канцелярии, подтверждающее скорое прибытие Загорна и его близкого окружения в долину Поднебесья, поэтому я прошу всех адептов... — Аврелиан сделал новую паузу и пристально обвел

взглядом ряды стульев, составленных полукружьем. — Я попрошу всех адептов с первой по четвертую ступени посещать со следующей недели дополнительный курс, который для вас проведет Медея. Расписание занятий появится на информационном стенде перед входом в Сумрачный холл. Подробности можно узнать у наставников, но, будьте лояльны, потрепите до завтрашнего утра.

Жестом руки Аврелиан отпустил присутствующих, кивнув головой каждому из наставников. Уно увела архангелов первыми, им проще других добраться до Стрельной — крылья помогут. Я заметила, как Майкл Гавр скользнул к выходу из Сумрачного холла и побежал вверх по лестнице, а не направо по коридору, куда шли остальные.

Тяжело вздохнув, я пошевелила плечами, не ощущая тяжести своих собственных крыльев, спрятанных от других. В таком состоянии они казались невидимыми и совсем невесомыми, но я всегда знала, что стоит мне подумать о них, и рыжие крылышки материализуются. За две недели, проведенные на крыше Стрельной, Майкл Гавр научил меня немногому, но расправлять и прятать крылья я умела уже без особого напряжения сил.

— Поговорить не хочешь? — поймал меня в коридоре Ллойд, но я отрицательно покачала головой.

— Нет, прости, мне нужно заскочить в библиотеку и взять пару книг, а потом я в душ и на боковую. Устала сегодня, совершенно нет сил, — оправдалась я, сама не понимая, зачем говорю все это Ллойд.

Мне действительно хотелось бы обсудить все происходящее, но не с Ллойдом и не с одним из своих одноклассников, а с Аврелианом или Мелиором, вот только они постоянно пропадали где-то, иногда прогуливая собственные занятия или без объяснений срываясь сразу после вечерней трапезы. По крайней мере, никто не видел Аврелиана, Мелиора и Робуса в Храме по вечерам, что тоже наталкивало на разного рода сплетни и слухи. В основном, невинные и шуточные, но встречались от некоторых, вроде Остина, язвительные и гротескные предположения насчет того, чем занимается «Таинственная троица»...

— Арина, подожди, пожалуйста, — застал меня голос Мелиора уже у лестницы, когда я взялась за перила. Выглядел он так, словно только что бежал, и в синих радужках застыло желание снова куда-то бежать, наверное, поэтому Мелиор все время перебегал глазами с одного предмета на другой, пока не замер на моем лице.

— Что я собирался тебе сказать? — спросил он меня, напряженно нахмурившись и смахнув со лба отросшие волосы, которые выбивались из низкого «хвоста», которым наставник совсем недавно начал щеголять перед адептами.

— Что выглядишь настолько паршиво, насколько и бездомный котенок не выглядит? — вздернула я брови, складывая на груди руки и насмешливо ухмыляясь. — Или, может, ты вспомнил, что обещал посмотреть для меня специальную литературу, которую до сих пор не потрудился поискать. Кстати, я иду в библиотеку, потому что мы с Майклом достигли определенных успехов и готовы двигаться дальше.

— Точно! — вскричал Мелиор, немного лихорадочно сверкая глазами, которые нездорово ввалились. Раньше я как-то не приглядывалась к наставнику, да и его самодельный трон стоял далековато от того места, где я привыкла сидеть на занятиях хранителей. Теперь же я видела, насколько вымотан Мелиор, и физически и морально. — Ты переезжаешь в Стрельную, Арина, и это не обсуждается.

Закончил он фразу таким ледяным тоном, какой я никогда не слышала от Мелиора.

— Вещи перенесут в ближайшее время, но сегодня ночью ты спишь в башне. Если еще

не научилась управлять крыльями, воспользуйся подъемником. — Посоветовал Мелиор.

— Тем самым, в котором нашли отравленного Ахорна? Вот, спасибо, — скорчила я недовольную мину, но Мелиор уже не слушал, разворачиваясь и стремительно шагая по коридору в сторону Сумрачного холла.

— Прекрасно, — застонала я, — просто великолепно!

— Ты о чем? — спросил меня Майкл, спускаясь по лестнице. Он явно шел из библиотеки, куда я никак не могла попасть, и книги, которые нес архангел, напомнили мне о том, что я далека от выполнения домашнего задания. Не сказать, что наши отношения продвинулись, как и учеба, но, с некоторых пор, мы стали больше доверять друг другу, поэтому я не стала огрызаться.

— Мелиор только что ошарашил меня новостью о переселении, — пожаловалась я капризным тоном, а Майкл улыбнулся.

— А, это я настоял, — по-мальчишески озорно подмигнул он мне, спускаясь на пару ступенек, чтобы наши взгляды встретились. — Знаешь, надоело по ночам провожать тебя до общежития, словно я влюбленный придурок. О нас чего только не говорят.

— Да? — удивленно вскинула я брови. — Не знала.

Майкл пожал плечам и поудобнее переложил стопку книг из одной руки в другую.

— А ты вообще ничего и никого не замечаешь, походу. Остин говорил, что хранители тебя избегают, но я как-то не придавал значения тому, насколько ты одинока, — хмыкнул он.

— Ничего подобного, — возразила я злобно, вспыхнув до кончиков волос. — У меня есть друзья.

— Да ну? — снова расплылся в насмешливой улыбке Гавр. — Этот блондинистый патлатый страннозавр, который смотрит таким взглядом, что хочется тут же удавиться?

— О, а сам-то ты такой душка, аж сердце тает при одном взгляде на твою надменную перекошенную физиономию! — парировала я, все больше распаляясь. — Кто вообще сказал, что мне будет лучше среди архангелов, и почему ты все решил без меня?!

Майкл мгновенно посерьезнел, кивая мне головой, чтобы я следовала за ним.

— Пойдем, кое-что расскажу по дороге. Это тебе, кстати, — неожиданно сгрузил он тяжелые талмуды мне в руки. — Я же знал, что ты забудешь о теории, а она очень важна. Еще немного, и ты полетишь, Арина, обещаю. Из меня получился первоклассный наставник, я так собой горжусь, — паясничал он, пока мы выходили на крыльцо и следовали к Стрельной по чуть хрустящей от морозного ночного воздуха траве. — И я давно припрятал в библиотеке одну книжицу, а теперь вот достал.

— Прости, что не выучила, — перебила я Майкла со всей искренностью, на которую была способна. Пусть он не думает, что я халатно отношусь к учебе.

— Ладно уж, — смягчился Гавр, вырывая самую толстую книгу и помахивая ею в воздухе.

— Вот это прочтешь первым, я настаиваю, — сказал он, прижимая книгу к груди. — Но сейчас поговорим о том, что намечается.

Майкл оглянулся, убедившись, что мы зашли в ту часть фруктового сада, где никто не мог нас услышать.

— Ты продолжаешь свои ночные прогулки? — спросил Майкл прямо в лоб, наклоняясь так, чтобы наши глаза находились на одном уровне.

— Нет, как-то не до этого в последнее время, — язвительно ответила я, намекая на

наши вечерние тренировки, которые не прерывались даже по выходным, но Майкл все понял по-своему и поиграл бровями, сально улыбнувшись.

— Придурок, — стукнула я его в плечо кулаком, снова покраснев.

— Ай, — отозвался Майкл, едва сдерживая смех. — Меня совершенно не интересует способ получения тобой крыльев. Кхм, — он закашлялся в кулак. — Ну, или почти не интересует. Он, ректор наш, горяч?

— Майкл! — заорала я так громко, что архангел мгновенно прижал ладонь к моим губам.

— Тише ты, уж, и пошутить нельзя. — Сказал Майкл. — Нобис думает, что вы спите, но мне-то какая разница. Если тебя привлекают глыбы льда в постели, так тому и быть.

— Ммм, — промычала я, стараясь укунить Майкла, но он очень крепко прижимал свои пальцы к моему рту.

— Слушай, — снова шикнул Майкл. — Если Загорн проведаст о твоих крыльях, то Аврелиану свернут шею. Красиво, но свернут, а ты отправишься к Ириде и Дарко в гости на мертвые земли. Хочешь для себя и Аврелиана такой судьбы?

— Конечно, нет, — так же тихо прошипела я, сузив глаза.

— Мы с Нобис знаем о кровожадности Загорна побольше твоего, — серьезно и с налетом грусти сказал Майкл, сжав кулак свободной руки. — Но ничего не можем сделать, потому что границу гор не преодолеть без согласия Аврелиана. Так вот, я помогаю тебе с твоей бедой, а ты уговоришь ректора помочь мне и Нобис с нашей.

В темноте и при тусклом освещении сада я видела лишь то, что Майкл хотел мне показать — взволнованные жесты, плотно сжатые губы, но мне никак не удавалось заглянуть ему в глаза, чтобы понять, что заставило Гавра открыться мне.

— Почему ты не сказал Аврелиану? — спросила я Майкла, и он дернулся, словно хотел тут же уйти, но силой воли заставил себя продолжить разговор, который вел сквозь зубы.

— Потому что Аврелиан не сделал ровным счетом ничего, чтобы препятствовать моему поступлению в Храм семи ступеней. Каждый адепт, прибывший с Олимпа, поступает в это учебное заведение с личным делом. А в моем черном по белому было сказано, что я отказываюсь от учебы из-за того, что Загорн посадил моих предков за решетку. Кстати, родители Нобис претерпели немало бед из-за того, что помогли моим. Мы с ней в одной связки, и Нобис с ума сходит от неизвестности. От наших семей не поступило ни строчки с тех пор, как мы тут оказались, и твой... — Майкл быстро выдохнул облачко пара, но взял себя в руки. — И Аврелиан ничего не сделал, чтобы нам помочь. Он назначил мне индивидуальные занятия, и я понадеялся, что уж там-то он поговорит со мной откровенно, выпросит, за что осудили моих родителей.

Майкл замолчал, а я переваривала полученную информацию, стараясь разложить по полочкам все, о чем только что узнала.

— За что пострадали твои родители? — спросила я Майкла осторожно. — Что они сделали?

— Противились кровавой бойне, которую в очередной раз организовал Загорн, чтобы припугнуть Ириду и Дарко. Загорна не устраивает, что Турпиф процветает, и прекрасно осведомлен о силах и возможностях ссыльных богов. Падшие ничем не уступают ему, и Загорн трясется от страха, заставляя раз за разом проливать кровь своих воинов, служащих на границах нейтральных земель Поднебесья. Мои родители — архангелы, которые курируют пограничные земли, пытались образумить Загорна, за что и попали в застенки

неприступной крепости. Об их дальнейшей судьбе мне ничего неизвестно, потому что я оказался заперт здесь.

— Какой ужас, — воскликнула я, кутаясь в теплую мантию. Холод пробирал до самых костей, но не от того, что ночами начались заморозки, а от мысли, что Загорн — это не далекое страшное божество, это зло, которое вот-вот нагрянет в Храм семи ступеней. — Прости, Майкл, я понятия не имела о твоих родителях, когда ты допрашивал меня, с какой целью я исследую долину. Если честно, никаких особых целей я не преследовала...

— Понял уже, — буркнул Майкл, — поэтому и прошу о помощи.

— Но чем я могу помочь? — грустно прошептала я, стараясь не разозлить и не расстроить Майкла еще больше. — Мы с Аврелианом не общались с того самого дня, как я получила крылья. Боюсь, он меня избегает. Конечно, я могу подойти к нему, но лучше, если ты сам сделаешь это.

— Нет, — резко ответил Майкл. — Нет! — непримиримо повторил он. — Аврелиан проигнорировал пленение моих родителей и арест родителей Нобис, которые во всем поддерживали мою семью, оно и понятно. Вряд ли ему есть дело до того, что происходит на Олимпе, но, насколько я знаю, Аврелиан и сам когда-то служил на границе, видел, что там творится, осознает, как неправ Загорн. Как ректор Храма он великолепен...

Майкл хмыкнул, умолкая, а я перебрала в голове все то, о чем мне говорил сам Аврелиан. Майкл не знал всей правды о моей сестре, о тех законах, которые нарушил Аврелиан, чтобы спасти свой мир, о моем появлении в Храме, которое само по себе уже считалось преступлением.

— Слушай, я же не прошу о многом, только открыть... — начал Майкл, но я перебила его кивком головы.

— Я завтра же найду возможность с ним поговорить, — пообещала я Гавру решительным тоном.

— Спасибо, — коротко бросил Майкл, снова кивая на книги, которое прилично оттянули мне руки. — И скажи своему возлюбленному... ай... что в стопке книг есть то, что он давно ищет.

— Ищет? — зачем-то переспросила я.

— Ага, — хитро ухмыльнулся Майкл. — Мои родители любили собирать на полках всякий хлам, а я с детства отличался любознательностью и один вопрос никак не давал мне покоя: «Чем же ангелы смерти отличаются от всех остальных и как с ними связаться?»

Майкл уже уходил, и я поспешила за ним чуть ли не бегом.

— Объясни, черт, — споткнулась я о корягу, не во время подвернувшуюся под ноги.

— Неа, ты меня пнула, — обиженно сказал он, не оглядываясь. — Я склонен к тому, чтобы расправить крылья и махнуть к себе в спальню, а ты сама добирайся, как хочешь. Предпоследний этаж, угловая комната с неказистой облезлой дверью, — перечислял он насмешливым тоном. — Это я о твоей комнате.

— Майкл! — в который раз крикнула я на архангела, мечтая кинуть в того одной из книг, мешающий мне быстро идти.

— И еще передай Аврелиану, — понизил голос Майкл, — что не он один умеет подслушивать чужие разговоры.

С этими словами Гавр нагло усмехнулся, кинул тяжелую книгу, с которой до сих пор не расставался, наверх стопки остальных книг, и расправил крылья, стрелой взмывая вверх.

— Ну, ты и сволочь! — заорала я, тут же закрывая рот и озираясь по сторонам. Мне

показалось или я слышала чьи-то шаги.

«Черт, со всеми этими тайная я становлюсь параноиком, — успокоила я себя, чуть ли не бегом направляясь ко входу в башню, которым редко пользовались. Даже факел не горел, отчего к подъемнику я шла практически в полной темноте, прижимая к себе стопку книг, в которой, по словам Гавра, находилась книга, нужная Аврелиану. Не поэтому ли он пропал в неизвестном направлении, прихватив с собой Мелиора и Робуса, что все это время искал эту книгу? Тогда, Аврелиан поможет Майклу и Нобис или проигнорирует их ужасную ситуацию?

«Если так, то я совершенно не знаю Аврелиана», — подумала я с тоской.

Столько вопросов и ни одного ответа, а официальное письмо от Загорна лежит в кабинете Аврелиана и свидетельствует о том, что кошмар еще только начинается.

Утренняя лекция начиналась необычно: в большую светлую аудиторию по-королевски медленно вплыла Уно с высоко поднятой головой и кровожадной улыбкой на лице. За ней робко вошла Нобис, низко опустив голову и не глядя ни на одного из нас. Я напряглась.

Уно не вела занятия у хранителей, изредка заменяя Мелиора или Робуса, и сегодня, видимо, был один из тех паршивых дней, когда Уно вознамерилась испортить каждому из нас утро. Только присутствие Нобис сбивало меня с толку, потому что у престолов по утрам шла физическая подготовка, и девушка не могла пропустить занятия без веской причины.

Рядом со мной на подоконнике расположился Ллойд, и его выражение лица сейчас напоминало о том, насколько мы разные. Ему казалось, что утро засияло новыми красками, и острая улыбка скользнула по тонким губам, а в глазах загорелся жадный огонь любопытства.

«Демон!»

— О, хранители, — расплылась Уно в еще более неестественной улыбке, от которой у меня мурашки по спине забегали.

Кто из хранителей утверждал, что Уно совсем не опасна, тот сильно ошибался. Я считала, что за идеальной и яркой внешностью скрывается холодное сердце и расчет, который руководил каждым поступком Уно. Уверена, она ничего не делала просто так, и сейчас я поймала прищуренный ледяной взгляд наставницы архангелов, который остановился на мне, при этом Нобис отвернула голову, и каскад ее темных волос рассыпался по плечам, закрывая от меня выражение лица девушки.

— Я только сейчас понял, что Уно составила бы отличную партию высшему демону, — полушепотом произнес Ллойд, и его серые глаза без стеснения остановились на красивом лице женщины, а я про себя отметила, что высокий Ллойд с гладкими платиновыми волосами и холодной острой красотой вполне подходит коварной Уно. И характерами они, очевидно, сошлись бы.

— Предложи ей свою дружбу, — ядовито прошептала я парню, отодвигаясь от него, как можно дальше. После того, как у меня начались индивидуальные занятия с Майклом Гавром, Ллойд открыто высказал мне свои недовольство и гнев, и мы разбежались, как в море корабли. Время от времени, Ллойд подсаживался ко мне в библиотеке или в Сумрачном холле, но делал это, скорее, по привычке, не разговаривал и больше не откровенничал о своей прошлой жизни. Я тоже не стремилась наладить отношения, понимая, что Ллойд ожидает от меня следующего шага в ответ на свои признания. Он думал, что рано или поздно я определюсь и выберу, чью сторону занять, только за меня давно все решили мои чувства. Я бы не изменила Аврелиану, потому что во мне теперь жила его искра, и моя любовь к ректору только крепла день ото дня, подогреваемая долгой разлукой и ожиданием новых встреч.

Уно хранила молчание, гнетущее, затяжное, и при этом не сводила с меня пристального злобного взгляда. Наконец, она пошевелилась, словно приняв какое-то решение, и медленно прошла и встала за кафедру, а улыбка Уно превратилась в тонкую и острую, как бритва, линию.

— Что ж, хранители, вас ждет испытание. Первое за то недолгое время, которые вы находитесь в стенах Храма семи ступеней и, оттого, такое волнительное. — Она повела

плечами и оглянулась на закрытую дверь.

Наверное, у каждого из нас пронеслась в голове мысль о спасении, но жест рукой, и Уно запечатала вход.

— Это незаконно, — возмутилась моя соседка по парте, имя которой я так и не удосужилась запомнить. Сейчас она сидела на подушках, прямо на полу и крутила в руках перо, нервно покусывая его кончик. — Вы не имеете права удерживать нас здесь силой.

Голос девушки дрогнул, она заправила прядь темных волос за ухо и оглянулась в поисках поддержки. Хранители робко промолчали в ответ, не осознавая, что Уно способна на нечто опасное и незаконное.

— О, — наивно приподняла брови Уно, пожимая плечами. — А кто сказал, что я собираюсь вас здесь удерживать? На двери обычное блокирующее заклинание, которое с легкостью откроет тот, у которого есть печать. Обычная открывающая печать, которой с вами поделится любой архангел, стоит только его хорошенько попросить.

Смех Уно вызвал в каждом из нас ощущение скорой расправы, и хранители взволнованно повскакивали со своих мест, только мы с Ллойдом продолжали сидеть. Я из чистого упрямства, а Ллойд явно предвкушая веселье.

— Нобис, — обратилась Уно к девушке, поманив ту рукой. — Твой выход, дорогая, — мягким и нежным голосом пропела наставница, и я вдруг отчетливо поняла, насколько она двулична. Перед Аврелианом стелет мягко и притворяется заботливой и радушной, а с нами показала свое истинное лицо лживой и коварной высшей. — Открывай портал в Турпиф.

Изумленно вскрикнув, я отчаянно посмотрела на Нобис. Да, она престол, но, разве девушка так сильна, что в состоянии открыть портал в мертвые земли?

— Ваша задача, добыть у архангелов самую простую открывающую печать, вернуться к portalу, шагнуть в него и... опа, вы выйдете из аудитории и пройдете первое испытание, — произнесла Уно с открытой улыбкой на лице.

— Вы забыли упомянуть, что в Турпифе не прекращаются стычки между падшими и высшими, — попыталась я воззвать к разуму Уно. — А хранители еще не бывали в землях мертвых со своим наставником.

— Вот и побываете, — удивленно расширила глаза Уно. — Правда, Мелиор сейчас немного занят. Она поджала губа и нахмурила губы, словно о чем-то раздумывая, — но мы ему обязательно расскажем о нашей спонтанной выходке.

Уно светилась довольством и явно считала, что ей все сойдет с рук, что и подтвердили ее слова, сказанные с совершенно иной интонацией.

— Наш ректор позволяет себе в стенах Храма такое, отчего у великого и могучего Загорна волосы встанут дыбом, когда он об этом узнает, а он непременно узнает, а мое испытание — это шанс для каждого хранителя. Вы должны показать высшим, которые нечасто посещают Храм, на что вы способны. Нобис!

Тон Уно поменялся, и гневные властные нотки призвали всех к тишине. Я недоверчиво смотрела на то, как Нобис нехотя идет к кафедре. Ее глаза, устремленные в пол, не задерживались ни на одном предмете долго, и она вела себя, как пьяная, слегка пошатываясь с каждым новым шагом.

— Ллойд, — позвала я демона, который ухмылялся и ждал, чем же все закончится. — Там же опасно!

— И что? — пожал он плечами, откидывая платиновую челку с глаз. — За себя я не боюсь, а ты держись рядом и не пострадаешь.

— А остальные? — зашипела я зло, не веря в происходящее.

Абсурд какой-то! Хранителей первой ступени отправляют несанкционированным порталом в земли мертвых и не просто в какой-то там заброшенный уголок этих земель, а в Турпиф — границу, где постоянно вспыхивали стычки между архангелами и падшими, которые прислуживали Дарко.

— Черт, черт! — выругалась я, не зная, что же предпринять, а Нобис уже запрокинула голову и что-то экзальтированно шептала, исступленно размахивая руками и пугая меня до ужаса. Ее угловатая девичья фигурка сейчас напоминал мне одержимых демонами людей из фильмов ужасов, настолько неестественно она заламывала руки, изгибаясь в спине.

— Это даже забавно, — усмехнулся Ллойд, и я совершенно отчаялась. Он — один из сильнейших хранителей в нашей группе, встал на сторону зла, а на остальных парней и девушек я не рассчитывала. Ни один хранитель по своей природе не был воином, они послушно выполняют то, что им скажут, не попытавшись даже сопротивляться.

— Я тебе это припомню, Ллойд, — отчаянно сказала я, толкнув парня в плечо и первой шагая к portalу, который слюдой затянул расстояние перед дверью.

— Ты сначала вернись, — выкрикнул мне в спину Ллойд, которому я тут же показала неприличный жест. Пусть катится ко всем чертям, мать его в задницу этого мира! Я обязательно вернусь и расскажу Аврелиану, что здесь происходит, и пусть вздернет Уно за ее прекрасные золотые косы, лишь бы она больше ни на шаг не приближалась к адептам.

Бросив прощальный взгляд на Нобис, все еще пребывающую в трансе, я смело шагнула в портал под издевательский аккомпанемент бурных оваций Уно.

Переход из лекционной аудитории в земли мертвых произошел так резко, что я закашлялась и протерла глаза, которые мгновенно забились пеплом. Он летал в воздухе так, словно только что горело здание. Под ногами, вместо привычной облачной тверди, оказалась зола. Земля, покрытая толстым слоем выжженной травы, представляла собой мертвое пространство и, насколько хватало глаз, обугленные деревья и кустарники тянулись куда-то за черно-белые холмы.

Я обернулась себе за спину, наблюдая, как за мной схлопывается пространство портала и не появляется ни одного хранителя, и сердце сжало ледяной рукой страха. Уно знала, что я шагну в портал первой, знала, и сделала так, чтобы в мертвых землях оказалась я одна. И теперь никто не выйдет из аудитории еще полтора часа, за которые со мной могло произойти здесь все, что угодно.

Внутренности сжались в тугий ком, а в горле образовалась густая вязкая слюна, которую я тщетно пыталась сглотнуть, щуря глаза. На поверхности учебных туфель мгновенно образовалась грязная сероватая пыль, и я сделала свой первый шаг в Турпифе, пытаюсь определить безопасное направление. В одном из учебников границе посвящалась целая глава, и я помнила, что архангелы построили где-то здесь свою заставу против падших. Только вот, в какую сторону мне идти, если вокруг сплошное вымершее и выжженное поле, а впереди уродливые черные холмы, которые дымятся и отсвечивают мертвенной хребетной белизной, что так контрастирует друг с другом. Белое на черном, и пепел под ногами. Именно то место, в котором я мечтала оказаться меньше всего на свете. Живой уж точно тут делать нечего.

И тут осознание медленно заполнило мой разум, заставляя громко сглотнуть. Я в мире мертвых, где правит Дарко, принимая души тех, кто покинул пределы миров. Я нахожусь среди близких и нетленных соседей, и прямо сейчас могу наткнуться на одного из них или

на целое скопление.

— Боже, — безвольно прошептала я, прижимая к губам заледеневшие вдруг пальцы. — Как они вообще выглядят, эти души?

Я говорила шепотом, ступая по выжженной земле и стараясь сосредоточиться на том, как края мантии покрываются серым пеплом. Мой голос звучал чужеродно в воздухе, который накалился и обжигал легкие горечью. А впереди виднелись холмы, к которым я неспешно шагала, вспоминая хоть какую-то молитву. Именно сейчас, когда я покинула пределы Храма семи ступеней, мне вдруг захотелось выучить хоть какую-нибудь молитву. Увы, при жизни я звалась атеисткой, меня не крестили, и я верила только в себя и себе, не признавая ни церковь, ни ее догм, поэтому вместо молитвы я начала петь.

За холмами, не встретив ни души, ни архангела, ни падшего, не слыша ничего, кроме мертвой тишины, я внезапно остановилась и приоткрыла рот от изумления. Вниз с холма спускалась утоптанная земляная дорога, которая представляла собой обычную тропу в глинистой почве, утоптанную множеством ног. Граница выжженной земли и обычной выглядела, как неровная рваная линия, изрытая то ли взрывами, то ли причудами магии, отчего склон холма здесь напоминал пашню.

— Как такое может быть? — спросила я вслух, разглядывая улицу, которая тянулась вниз. Настоящую широкую улицу с домами, которые высились по ее краям.

Я сощурила взгляд, понимая, что что-то не то, кроме самого факта присутствия здесь абсолютно неуместной улицы, словно вырванной из какого-то уютного городка. Мощеная камнем дорога, желтые полосы разметки, бордюры и тротуары...

— Что за... — снова воскликнула я, а ноги сами несли меня вниз, на безлюдную широкую дорогу, и в горле стоял ком ледяного ужаса.

Дома, вот что оказалось совершенно не тем, неуместным, даже более диким, чем улица, возникшая за холмами внезапно и нелепо. Дома представляли собой безумное сочетание чьей-то больной фантазии. Деревянный терем с широким резным крыльцом и деревянными наличниками и каменное здание с готическими окнами и пиками крышами соседствовали друг с другом, слепившись стенами, а за ними спряталось неказистое приземистое строение, больше напоминавшее выбеленную казарму с узкими оконцами, затянутыми частой решеткой. А дальше по улице обычный такой лондонский дом в первом этаже которого расположен паб с нелепым названием «The Hung Drawn Quartered». Красного автобуса не хватает.

— Эй, — позвала я, стягивая мантию и стряхивая пепел. Дышать здесь оказалось гораздо легче, чем по ту сторону холмов. Но вот тот факт, что здания стояли и смотрели на меня темными слепыми окнами, и ветер шевелил флюгер на крыше одного из них, который со скрипом поворачивался то в одну, то в другую сторону, пугал до ужаса. Я до сих пор чувствовала, как в груди леденело нехорошее предчувствие, и вздрагивала от каждого необычного звука мертвой улицы.

Справа стояло самое обыкновенное жилое трехэтажное кирпичное строение. Клубный дом, каких немало в каждом городе. Два подъезда, велосипед, оставленный у стены, невысокое крыльцо, обшитое колотой плиткой, и горшки с цветами, подвешенные на крыши подъездов. Все настолько привычное и, вместе с тем, дикое, что из груди рвется невольный крик.

Я зажала рот кулаком, чтобы не расплакаться от отчаяния и страха. Любопытство, которое появилось, едва я увидела эту улицу, рассеивалось перед ужасом опустения и

дикости этого места.

— Кто ты? — услышала я резкий каркающий голос и все-таки завизжала. Так громко, что задрожал воздух. Уверена, еще никто и никогда не визжал здесь так, что дрожали стекла окон. И, когда я замолчала, мне, наконец-то, стало легче. Развернувшись, я встретилась взглядом с высоким сторбленным стариком, больше похожим на отшельника, чем на архангела или падшего. Если он и был когда-то человеком, то сейчас напоминал его лишь отдаленно. Вместо ног у этого существа под полами рваного савана клубился серый дым, и трава, которая покрывала глинистую почву, превращалась в золу там, куда ступало это существо.

— Кто ты? — повторил он заунывно, и приблизился ко мне еще ближе, отчего я развернулась и побежала вверх по улице. Мимо неслись здания из самых разных уголков Земли или других миров, кто их знает, а я бежала до колик в бок и до слез, застилающих глаза, пока не остановилась, хватаясь за грудь и за сердце, тяжело бухающее прямо в ладонь. Только вот оказалось, что я стою вначале той же самой улицы, а странный старик все так же пристально смотрит на меня, вопрошая:

— Кто ты?

Не грохнуть в обморок мне помогли разве что природная храбрость и понимание, что существо не нападает и не скалит зубы. Может, удастся выстроить разумный диалог.

— Арина, — сказала я задыхающимся голосом. — Адептка Храма семи ступеней, — добавила зачем-то, согнувшись пополам и стараясь возобновить нормальное дыхание. Старик не приближался, все еще стоя там, где и стоял, и продолжал сверлить меня прямым неприязненным взглядом опустошенных выцветших глаз. Одно меня напрягало: он чуть наклонял голову и втягивал в себя воздух, отчего тонкие крылья его носа странно трепетали, а тонкогубый рот приоткрывался, обнажая желтые зубы. Старик напоминал мне вампира, готового к прыжку, и я зажмурила глаза, навсегда попрощавшись с жизнью.

В тот момент я даже не вспомнила, что теперь у меня есть крылья.

Узел интриг
(Аврелиан)

По полу кабинета валялись бумаги, и я топтал их ногами, совершенно не задумываясь о том, что это важные документы. Из головы никак не шел образ Арины, которую в последние дни я видел лишь мельком, а сердце сжималось тревожным спазмом, заставляя меня совершать необдуманные поступки. Одним из таких — распахнутое настежь окно, ворвавшийся в кабинет резкий порыв ветра и бумаги, разбросанные по полу.

Стук в дверь не вернул мне самообладания, лишь добавил нервозности жестам.

— Войдите, — сказал я сухо тому, кто стоял снаружи, и Майкл уверенно шагнул внутрь, удивленно приподнимая брови и небрежно передергивая плечами, словно делал вид, что он ни к чему не причастен.

— Как она? — спросил я, поднимая голову и глядя на Гавра прямым немигающим взглядом. Не имело смысла растягивать неизбежное и посвящать время приветствиям, я слишком сильно волновался и не мог объяснить самому себе то тревожное чувство, которое росло и ширилось в груди с каждым мгновением.

— Нормально, — ответил он сразу же, и сузил глаза, чуть наклонив вперед голову. В золотистых радужках плескалось непонятное мне выражение, которое я не мог разгадать вот уже несколько месяцев. Определенно, Майкл не доверял мне.

Несколько секунд, бесконечно долгих секунд мы не сводили глаз друг с друга, пока Майкл, наконец, не дрогнул, отводя взгляд и переминаясь с ноги на ногу. На его мощных плечах натянулась учебная мантия, и широкая грудная клетка показала, что и на первой ступени архангелы — это уже рослые и зрелые высшие, способные на многое. Например, на соблазнение впечатлительной девушки, которая не привыкла к подобному.

— Я сделал все, как вы просили, ректор, — небрежно бросил он, сжимая губы в тонкую линию и хмурия брови.

— До комнаты проводил? — задал я простой вопрос, на который собирался получить такой же простой ответ, но Майкл хмыкнул и пожал плечами, а у меня внутри все перевернулось.

— Вроде как, — сказал он с усмешкой. — Проводил.

Ревность полоснула ножом по сердцу, и перед глазами замелькали черные точки. То ли усталость сказывалась, то ли яркое чувство, от которого я успел отвыкнуть, полностью завладело разумом, мешая сосредоточиться на чем-то другом. Умом я понимал, что Арина моя, теперь моя. Она выбрала меня, она получила часть моей божественной силы, она шептала мое имя, исступленно выстанывала его, когда обнаженная ерзала по простыням, умоляя дать ей разрядку.

Арина только моя, но Майкл Гавр одним своим присутствием рушил идеальный образ того, как мы с Ариной стоим рука об руку у алтаря, и она произносит клятвы в вечной любви и преданности, адресованные мне. Я начал сомневаться в том, что ее любовь реальна, и все потому, что передо мной находился молодой архангел, уверенный в себе, дерзкий, умный, во многом превосходящий меня, и ее ровесник. Арина могла предпочесть его мне, разве не так?

— Вы что-то хотели? — спросил Майкл, приковывая мой взгляд к его рту. Он уже устал стоять возле двери, слушая затяжное молчание, а я никак не решался спросить его о главном,

поэтому ходил вокруг да около.

Майкл Гавр обучал Арину контролю разума. Не я обучал свою возлюбленную, а он. Потому что у меня не было крыльев, потому что в очередной раз я оказался не тем, кто способен помочь.

— Да, — выдавил я, стараясь придать своему тону естественности. — Ваши занятия...

«Тьма... Соберись же, ты не юный возлюбленный, а ректор Храма семи ступеней!» — отчитал я себя мысленно, расправляя плечи и переплетая пальцы рук.

— Они дают какие-то результаты? — закончил я предложение, пересилив себя.

Майкл снова передернул плечами, словно стараясь сбросить с них груз, и тяжело вздохнул.

— Медленно, но мы движемся к цели, — ответил он нехотя. — Вы виделись вчера? — спросил Майкл неожиданно, чем вызвал мой немалый интерес.

"Что такого произошло вчера, раз Майкл так оживился? Чем закончился их вечерний променад до двери в ее спальню?"

Нет, вчера я снова пропадал в хранилище до поздней ночи, а утром получил официальное оповещение о том, что в Храм скоро прибудет делегация от Загорна. Сначала архангелы проверят периметр Храма, оцепят территорию Поднебесной, а потом уже пожалует сам высший, чтоб ему заблудиться по дороге сюда.

— Нет, — качнул я головой. — Почему тебя это интересует? — задал я вопрос, от которого лицо Майкла Гавра перекошило, словно он проглотил что-то кислое.

— Так, — небрежно бросил он, отводя взгляд, чем вызвал во мне волну подозрений. Снова.

«Арина не целовалась с ним, — проговорил я мысленно, рисуя образ обнаженной Арины, которая запрокидывала голову и приоткрывала рот в немом крике от наслаждения. — Она любит тебя!»

— Любит ли?

Вопрос я явно задал вслух, потому что Майкл удивленно вскинул брови и посмотрел на меня, как на умалишенного.

— Иди, — качнул я головой в сторону двери, — и добейся за сегодняшнее индивидуальное занятие максимальных результатов. Я хочу видеть, как Арина управляет своими крыльями.

Майкл явно хотел что-то сказать, но вдруг поник, ссутулившись и кивнув.

— Ладно, — сказал он, усмехаясь одни губами. При этом его взгляд заледенел, затвердел и опустел. У меня складывалось впечатление, что он приходил сюда не только для того, чтобы поговорить об Арине, но что-то останавливало Майкла. Если бы знать, что именно, но я так сильно ревновал его к Арине, стыдясь собственных чувств, упустил шанс спросить.

— Иди, — повторил я шепотом, когда за Майклом уже закрылась дверь.

Сильный порыв ветра захлопнул створку двери с грохотом, из-за чего я упустил момент, когда Мелиор связался со мной по ментальной связи.

«Что-то с Ариной. Я перестал ощущать ее буквально несколько секунд назад».

По спине прошел озноб, и первое мгновение я даже не сообразил, что могу переместиться к аудитории Арины облачным сообщением. Замерев с вытянутой рукой, готовый сомкнуться на ручке двери, я выругался и махнул кистью, создавая портал.

«Где ты?» — спросил я Мелиора по ментальной связи, и тот сначала чихнул, а после

ответил зашпанным хриплым голосом.

«В хранилище, но скоро буду в Храме».

Вряд ли Арине грозило что-то серьезное, ведь она сейчас должна находиться в аудитории с остальными адептами. Я еще не перевел ее к архангелам, желая подготовить к смене обстановки. Сначала пусть научится управлять крыльями, что архангелы умеют делать чуть ли не с самого рождения, а потом я постепенно подготовлю ее к тому, что судьба хранительницы — это не ее путь.

Шагнув в портал облачного сообщения, я очутился в коридоре, который вел к бывшей оранжерее. Это местечко Мелиор облюбывал несколько лет назад, обустроив себе и своим подопечным уютное гнездышко, где любил проводить утренние занятия. Сегодня его заменяла Уно, и она вполне могла сделать так, чтобы Арина пострадала.

Только сомкнув пальцы на ручке входной двери в оранжерею, я почувствовал мощный поток сопротивления. Блок. Сильнейший блок, который способен открыться с помощью самой элементарной печати архангела, но Уно не имела права пользоваться таким, запирая аудиторию.

— Что-то не так, — сказал я Мелиору, когда тот уже подходил к аудитории со стороны центрального входа. Он выглядел уставшим и откровенно измученным, но собранным и серьезным. На мантии красовались пятна пыли, а в светлых волосах застряла паутина, которую Мелиор стряхнул, прежде чем поднять на меня взгляд.

— Ты же знаешь, что у меня есть связь с каждым хранителем, но Арину я больше не чувствую. Как отрезало, — сказал он, дергая ручку двери, которую я только что отпустил. — Либо твоя божественная искра развивается в ней и блокирует дар хранителя, либо Арина сама каким-то образом «отключила» нашу связь.

— О которой даже не подозревала, — сказал я, прикладывая к двери ладонь, засветившуюся от напряжения. — Это элементарная магия.

— Но нам ее не снять, — покачал головой Мелиор, — нужно позвать Ахорна, он откроет ее одним мановением руки.

Я сжал кулаки и опустил голову, стараясь не поддаваться панике.

— Если она что-то сделала Арине, если тронула ее хоть пальцем... — начал я, уже двигая кистью, чтобы образовать облачный портал.

— Не надо, — остановил меня Мелиор, положив ладонь мне на плечо. — Уно не самоубийца. Она способна на ревность, как и все высшие, и она бы устроила Арине какую-нибудь подлянку, но ни на что серьезное Уно не пойдет, побоявшись наказания. Ты прекрасно знаешь, что Загорн одинаково жесток ко всем.

Я лишь хмыкнул, вспомнив, как высший потупил с собственной дочерью. О, да. Он настолько жесток и кровожаден, что не пощадит никого, кто преступит закон, а я нарушил его, и не единожды.

— Уно что-то знает, — уверенно сказал я Мелиору, глядя на закрытую дверь, запечатанную магией. — Она бы не пошла на открытое нарушение закона, если бы не имела козырь в рукаве, и он у нее есть.

Мелиор нахмурился, и первым шагнул в портал, ругаясь себе под нос.

— Если с Ариной случилось хоть что-то, я лично сверну ей шею, — произнес он уже громче, выходя на тренировочное поле.

От его последних слов у меня снова замельтешили перед глазами черные мушки. Но теперь я точно знал, что это не усталость, и не ревность, а дикое, хроническое беспокойство

за свою любимую. И, пусть мы не виделись несколько дней, за которые я успел соскучиться так, словно не видел ее месяц, я чувствовал, как сильно она любит меня в ответ. В ее взгляде, брошенном в Сумрачном холле во время трапез, словно мельком, в ее робкой улыбке, в нервном прикусывании губы, в каждом жесте сквозила безотчетная страсть. И я игнорировал ее, погрузившись в дела Храма с головой, стараясь отыскать заклинание, призывающее ангелов смерти. Я хотел спасти ее, но не сделал ли хуже?

— Если с Ариной что-то случится, я сотру Уно с лица земли, — повтрил я таким тоном, что самому стало страшно, а Мелиор даже обернулся, округлив глаза, что сейчас меня волновало меньше всего.

Я выцепил взглядом Ахорна, который гонял престолов по кругу, и жестом подозвал его к себе, по ментальной связи присовокупив, что это срочно. Не успел архангел оказаться рядом, как моя рука втащила его в портал и буквально выкинула перед дверью в бывшую оранжерею, служившую хранителям лекционной аудитории. И плевать, что облачный портал схлопнулся, оставив изумленного Мелиора с адептами, что Ахорн зашипел от удивления и боли, так сильно я вцепился в его запястье, применив силу высшего, что на его лице читалось немое изумление.

— Открывай, — приказал я архангелу, кивнув на дверь. — Немедленно.

Ахорн сцепил зубы, поиграв желваками, и на меня сверкнули его темные глаза, обещавшие скорые разборки. Архангел приложил ладонь к двери и прошептал отпирающее заклинание, сразу же поняв, что за магия препятствует мне войти. Створка послушно открылась, и я оттеснил Ахорна, поспешно входя в аудиторию. Архангел последовал за мной.

Первым делом в глаза бросились взволнованные и даже испуганные лица адептов. Хранители повскакивали с мест и разом загалдели, перебивая друг друга, но мой взгляд прикипел к лицу Уно. Она улыбалась торжествующее, нахально и чуть самодовольно, словно разрешила ребус, который не давал ей спать несколько долгих и томительных ночей.

— Быстро же ты, — пропела Уно своим очаровательным голоском, переводя взгляд с моего лица на суровое лицо Ахорна. — И с подмогой. Зачем?

Она явно тянула время, а я искал глазами свою возлюбленную, но не находил. Арины в аудитории не было, а вот Нобис, которая оказалась здесь же и пребывала в трансе, подтвердила самые мои худшие опасения.

— Ты знал, кто она? — спросила Уно, медленно подходя к Нобис и трогая ту за плечо. Девушка вздрогнула, запрокинутая голова нелепо дернулась, волосы упали на влажный от пота лоб, а белки глаз налились кровью. Нобис плакала, но тихо, безмолвно, пытаясь сосредоточить взгляд на моем лице, и я видел, как она несчастна.

— Престол, — расплылась Уно в ехидной улыбке, от которой у меня кровь стыла в жилах, но я не перебивал. Знал, что с Уно лучше играть по ее правилам. Сейчас она разыгрывала для всех спектакль, который мне придется досмотреть до конца, если я желаю получить ответ на свой вопрос. — Нобис — престол, но настолько редкий, насколько вообще могут быть редки такие, как она.

— Переносчица душ, — сказал я, глядя в широко распахнутые и испуганные глаза Нобис. — Престолы, которые способны без какого-либо обучения создать портал, преодолевающий любые препятствия и запреты.

— Кладезь, о котором ты даже не подозревал, — усмехнулась Уно, коварно сверкая глазами и делая ко мне еще один шаг, утверждая собственную силу и могущество.

— Где она? — спросил я, устав от кривляний Уно. — Где Арина?

— Всего лишь в Турпифе, — фыркнула Уно, и я дернулся, чтобы придушить ее, но был остановлен твердой рукой Ахорна.

— Оставь, — коротко сказал он, покачав головой. — Ее будет судить Загорн.

— Меня никто не осудит! — исступленно крикнула Уно, и я, наконец, осознал, что она совершенно слетела с катушек. — Не посмеет осудить, потому что это всего лишь эксперимент! Практика.

— Ты послала адептку первой ступени в смертельно опасное место, Уно, — сказал Ахорн, а у меня перед глазами тут же нарисовалась картина, как Арину окружают жаждущие энергии души мертвых. Хищники, готовые растерзать любого, кто попадет на пути. — Ты приговорена.

— Это мы еще посмотрим, — зашипела Уно, стараясь пройти мимо меня, но ей тут же преградили путь Робус и Мелиор, подоспевшие как раз вовремя. Я перевел взгляд на Нобис, оставив наставников разбираться со свихнувшейся Уно.

— Ты сможешь помочь мне? — ласково спросил я перепуганную до смерти девушку. — Создать еще один портал?

— Да, — тихим безжизненным голосом ответила Нобис, а слезы из ее глаз лились не переставая. — Она обещала помочь мне, она сказала, что узнает, что с родителями.

— Я помогу, — пообещал я Нобис, взяв ее за руку.

«Демоново пекло, и почему я — ректор Храма, последним узнаю о том, что происходит у меня прямо под носом? Может, мне действительно пора уйти и уступить это место кому-то более достойному и прозорливому?»

— Я помогу, — повторил я, успокаивающе погладив запуганную девушку по голове. — Только сначала ты помоги мне. Я должен попасть к Арине, как можно скорее.

— Я не хотела, — прерывающимся голосом ответила Нобис, и ее горло судорожно сжалось, — не хотела навредить кому-то.

— Нобис, портал... — напомнил я девушке, мечтая наорать на нее и встряхнуть за плечи, но понимая, что это только усугубит положение. — Помоги мне спасти Арину.

— Да, — прошептала Нобис, глубоко вдыхая воздух сквозь сжатые зубы. — Я отправила ее не в Турпиф, а в пустоши.

Волосы у меня на голове зашевелились, стоило мне только услышать это. Если Арина уже не стала пищей для мертвых душ, то ее затянуло в чье-нибудь сознание. Так бывает, когда сталкиваешься с какой-то неприкаянной душой, ты попадаешь в вакуум, образованный вокруг нее. А если душ несколько...

— Нобис, помоги мне, — взмолился я, уже не стесняясь говорить громче. — Скорее же! Девушка дернулась и закрыла воспаленные глаза, расправляя плечи. Ей потребовалось всего лишь несколько мгновений, чтобы перенести меня.

«Невероятная мощь для престола», — успел подумать я, прежде чем оказался в землях мертвых. На меня смотрел Дарко собственной персоной, ухмыляясь и поигрывая золотым ободом, который крутил в пальцах. Он стоял прямо посреди выжженного поля, глядя мне в лицо и нагло ухмыляясь.

— Аврелиан, дорогой, и ты здесь, — сказал Дарко, расплываясь в ехидной полуулыбке. Высший, наделенный мощью и силой, но запертый в землях мертвых старшим и более могущественным братом. — Значит, это с тобой связано колебание фона, не так ли? Мои ищейки засекли чужака на территории, неопознанного архангела.

Я невольно скосил взгляд на страшных гончих — любимцев Дарко, и сжал пальцы в кулак, чтобы они не дрожали от отчаяния.

— Здесь моя адептка, — ответил я высшему, которого знал с самого детства. Нет, мощный и широкоплечий Дарко, чьи волосы горели настоящим огнем, а взгляд умел испепелять, не пел мне колыбельные на ночь, но часто приходил в дом моих родителей. Я привлекал высших тем, что родился под светом одной звезды, я был иным, а новое и необычное на Олимпе — это источник любопытства и сплетен. Дарко посетил меня, несмотря на запрет Загорна, и я помнил высшего. Как и он помнил меня.

— Если она еще жива, мы найдем ее, — ответил Дарко, давая гончим незаметный моему глазу сигнал.

Собаки сорвались с места, поднимая в воздух клубы пепла и золы, и Дарко последовал за ними, расправив за спиной черные крылья. Мне оставалось только бежать, что я и сделал, привлекая стихии, запертые в перстне. Ветер нес меня с такой скоростью, что я задыхался от горячего воздуха мертвых земель, но в голове набатом звучала лишь одна мысль.

«Где бы ты ни была, дождись меня, Арина!»

Из огня да в полымя

(Арина)

Теперь я понимала, что делал старик, показавшийся мне таким странным. Он играл со мной, как кошка играет с мышкой перед тем, как съесть ее, но при этом выражение его лица не менялось. Бесстрастное, холодное, отчужденное, оно пугало меня даже больше, чем его странный потусторонний оскал.

Мы уже третий раз подряд проходили по одному и тому же маршруту, но с каждым разом старик приближался ко мне на шаг. Ровно шаг, который он делал, поводя головой из стороны в сторону и раздувая ноздри, чтобы с силой вдохнуть запах, мой запах. Я же от страха не чувствовала ничего, стараясь отвести взгляд от лица старика и не позволяя себе оглянуться. Мне казалось, если я прерву зрительный контакт со странным зловещим существом, оно нападет на меня мгновенно, прекратив свою игру.

— Арина!

Голос Аврелиана показался мне далеким, как шепот, но я все равно дернулась, поворачивая голову в ту сторону, откуда он разносился. В это мгновение старик двинулся на меня, вытянув вперед костлявую руку, и мороз коснулся моего лица, покалывая кожу неприятными мурашками. Я споткнулась, взмахнула руками и нелепо приземлилась на пятую точку, зашипев от боли. Подол форменного платья, которое пришлось надеть с самого утра вместо привычных рубашки и брюк, зацепился за квадратный каблук полусапожек, и я одернула задравшуюся юбку, уперев глаза в колени старика, который теперь нависал прямо надо мной, загораживая свет, льющийся отовсюду.

— Что тебе от меня нужно? — прошептала я дрожащим голосом, про себя умоляя Аврелиана поторопиться. Это он, мне не показалось!

Я знала, что Уно не продержится долго и, рано или поздно, о ее выходке кто-то узнает, но теперь мне казалось, что никто не успеет меня спасти, даже Аврелиан.

— Душшша, — прошептал старик и наклонился, с силой вдыхая запах. — Твоя душшшша.

Его тихий, еле слышимый голос растворился в грохоте крови у меня в ушах.

«Неужели все закончится вот так? Неужели те испытания, через которые мне пришлось пройти, должны были привести к этому плачевному исходу? — думала я, зажмуриваясь и леденея от страха.

Старик схватил меня костлявой рукой за волосы и потянул вверх, словно не знал, какую адскую боль причиняет этим. Он оказался невероятно сильным, буквально за секунду вздернув меня вверх, как куклу, отчего я неистово закричала, стараясь вырвать свои волосы из его хватки.

— Душша, — прошептал он снова, и его лицо оказалась напротив моего, отчего я, наконец, услышала не только затхлый запах тлена и гниения, но и потусторонний ни с чем несравнимый аромат забвения — горький и сладкий одновременно. Слезы в глазах мешали мне рассмотреть лицо старика, я видела лишь его рот, открытый до хруста, и неестественную черноту, клубящуюся там, где у нормального человека должно быть горло.

Дернувшись из последних сил, я сделала себе еще больнее, расплакавшись от отчаяния и бессилия, поэтому не сразу поняла, что за волосы меня больше никто не держит. Потеряв

опору, я рухнула на пятую точку во второй раз, зарывшись руками в горячий песок, и тут же открыла глаза, пропуская красноватые песчинки между пальцами. Вокруг расстилалась пустыня, бескрайняя красноватая пустыня без единого намека на улицу и дома.

— Жалкое зрелище, — услышала я надменный голос и подняла лицо, встречаясь взглядом с высоким могучим мужчиной, который презрительно кривил губы. Из-за его спины показался Аврелиан, который едва доставал макушкой до груди великана.

— Арина, — прошептал Аврелиан, опускаясь на колени и бережно убирая с моего лица растрепанные спутанные пряди волос. — Ты жива. Он успел что-то сделать? Успел тебе навредить?

— Нет, — вместо меня с усмешкой выплюнул великан, который продолжал со снисхождением и презрительный ухмылкой взирать на происходящее. — И когда уже в Турпифе наступит порядок? Загорн не успокоится, пока в этих землях не произойдет что-то ужасное, да?

— Вероятно, — ответил Аврелиан, помогая мне подняться и прижимая к себе. Только в его объятиях, хватая руками полы мантии и зарываясь носом в одежды на его груди, я понемногу отходила от всего произошедшего.

— Сначала неприкаянные души, которые выстраивают на моей территории свои миры, целые вселенные, от которых я не успеваю избавляться. Турпиф кишит ловушками и многогранными лабиринтами, в которые попадают мои несчастные гончие. Я потерял лучших псов, из которых кровожадные неприкаянные высосали душу без остатка. Учти, учет погибшим архангелам я не веду, а у падших, как ты наешь, нет души.

— Мне жаль, — коротко ответил Аврелиан. — Но нам пора, Дарко.

И от этого имени во мне в который раз заледенела кровь. Превозмогая страх и ведомая любопытством, я подняла глаза, чтобы посмотреть на легендарного бога, чьи пламенные волосы сейчас развевались на сухом ветру. Могучий, широкоплечий, с жесткими чертами лица, словно вырубленного из камня, он напоминал мне Зевса Громовержца из мифов о Древней Греции. Ни с кем другим я бы не могла его сравнить, потому что никогда не видела мужчин, подобных Дарко, но сама его сущность определенно походила на демоническую. Он не просто горел огнем, он пах пеплом, гарью и разрушительной мощью пламени.

— Передай Загорну, что он никогда не добьется своего, — жестко припечатал Дарко, пиная ступней горячий песок, на котором мы стояли. — Это место принадлежит мне, как гора Олимп принадлежит ему.

— Это нейтральные земли, — спокойным голосом возразил Аврелиан, все еще продолжая прижимать меня к себе, словно боялся, что отпустит, и я тут же исчезну. — Они никому не принадлежат.

Дарко ожесточенно махнул рукой, избавляясь от нас, как от ненужного слоя одежды, который мешал ему нормально дышать. Безвоздушное пространство, в котором мы с Аврелианом оказались, удушающее затягивало нас в кокон, сжимая мягкими стенками, но тут же выплюнуло нас в кабинет ректора, отчего я изумленно ахнула.

— Высший, — усмехнулся Аврелиан, аккуратно отступая от меня, но продолжая держать за руку. — Ему подвластно пространство и подпространство, чему ты удивляешься?

— Ничему, — прошептала я, смаргивая остатки слез и шмыгая носом. — Я уже ничему не удивляюсь.

От шока и всего увиденного меня потряхивало.

— О, боги, — Аврелиан так сильно сжал мою руку, что я поморщилась. — Я едва не

потерял тебя, Арина. Я бы мог...

— Тот старик... — прошептала я, но Аврелиан лишь махнул рукой, словно не хотел начинать неприятный ему разговор.

— Сейчас это уже не важно, — сказал он, отходя от стола и присаживаясь в кресло. Я нерешительно переминалась с ноги на ногу, стараясь привести платье в порядок, но Аврелиан поманил меня к себе. Когда я вопросительно посмотрела в ответ, он встал, схватил меня за руку и усадил к себе на колени, бережно обнимая и глядя по голове, как маленького ребенка.

— Ты испугалась? — спросил он, нежно целуя мои волосы и не позволяя отстраниться. — А как испугался я! После всех треволнений за твою жизнь вдруг осознать, что кошмар не приближается, он уже наступил! Понять, что не Загорн станет палачом, а Уно, которая коварно вынашивала план мести все это время. И как мне просить прощения, когда я нарушил свое обещание беречь тебя, Арина?

Аврелиан не ждал ответа на свой вопрос, закрывая мне рот поцелуем раньше, чем я успела придумать, что сказать. Он целовал жадно, требовательно, глубоко, выпивая мои страхи и делясь надеждой на то, что все закончится благополучно. Его язык рисовал на моих губах одному ему известные узоры, и я терлась напрягшейся грудью о его руки, как кошка, которая безумно соскучилась по ласкам хозяина. Я уже давно принадлежала ему, отзываясь на любую ласку с головокружительной быстротой, и Аврелиан умело играл моим телом, пробуждая самые затаенные желания.

— Подожди, — хрипло попросила я любимого, который готов был взять меня прямо на кресле.

— Вряд ли, — хмыкнул Аврелиан, не позволяя мне отстраниться и целуя с таким жаром, что я снова прижалась к нему всем телом. Обнаженная грудь (и когда только успел) коснулась пуговиц его рубашки, отчего соски отозвались болезненным желанием. Аврелиан тут же взял в рот один из них, ласково играя языком и заставляя меня терять рассудок.

— Уно, — прошептала я ему в шею.

— Будет наказана, — ответил Аврелиан, приподнимая меня и устраивая так, чтобы я чувствовала его возбуждение.

— Та адептка, Нобис, — снова не дала я ему расслабиться, и в этот раз Аврелиан немного пришел в себя, стараясь выровнять дыхание.

— Тебе обязательно нужно было все испортить? — проворчал он, прикрывая дрожащими пальцами мою грудь. — Мы могли бы обсудить это и после.

— Нет, — покачала я головой, пряча улыбку. — Ты сам понимаешь, что нет. С минуты на минуту здесь будет Мелиор, разве я не права?

Аврелиан посмотрел на меня долгим изучающим взглядом и одним резким движением прижал к себе, чтобы в последний раз крепко поцеловать.

— Хорошо, ты права, — выдохнул он, помогая нам обоим подняться и привести одежду в порядок. — Но это не значит, что я не возьму то, что мне принадлежит, как только освобожусь.

— Постарайся освободиться сегодня пораньше, — взмолилась я, уже жалея, что сама испортила страстное примирение.

— А ты постарайся до вечера не впутаться в очередные неприятности, — попросил меня Аврелиан, создавая облачный портал. — Просто, отдыхай.

Я прижалась губами к его щеке и улыбнулась, невыразимо счастливая.

— Ты ведь всегда меня спасешь, Аврелиан? — спросила я его, ступая в портал.

— Всегда, — услышала на прощание его голос, который превратился в шепот.

Не успела я ступить на ковер, который лежал перед моей кроватью, как из угла в яркий прямоугольник света ступила высокая фигура, и Ллойд издевательски распахнул свои объятия.

— Жива? — спросил он, приподнимая уголки губ и опуская руки, так как я даже не двинулась ему навстречу.

— Как видишь, — прошипела я в ответ, сжимая кулаки. — Что ты здесь делаешь?

— Пришел узнать, как прошел твой день, разве это не очевидно? — хищно улыбнулся Ллойд, выдавая за своей ангельской внешностью сущность демона. — Нам стоит прогуляться. Ты хоть раз выбиралась в Облачный парк?

— Я никуда с тобой не пойду, — заявила я решительно, не понимая, откуда у Ллойда столько наглости и столько возможностей. Как он проник в здание архангелов с такой легкостью и безнаказанностью?

— Тебе придется пройтись, Арина, — с прежней хищной полуулыбкой ответил мне Ллойд, делая еще один шаг навстречу. — Мне жаль.

В следующее мгновение он достал из кармана какой-то артефакт, который я даже не успела толком рассмотреть, и кинул мне его под ноги, активируя.

Откровение Ллойда

(Арина)

— Ты?!

Казалось бы, короткое слово, но сколько в этом восклицании уместилось обжигающей ненависти. Кожу опалило огнем, я почувствовала запах гари и услышала потрескивание волосков. Не понимая, что происходит, провела ладонями по лицу, прикрываясь от уничтожающего взгляда, но он проникал под кожу, жалил болезненными укусами.

— Нравится? — издевательски прошипела Уно, преодолевая оставшееся между нами расстояние и протягивая сильную руку, чтобы сжать пальцы на моей шее. — Думала, что выберешься из Турпифа и заживешь прежней жизнью? Этого никогда не будет. Никогда!

Она совершенно обезумела, растеряв всю свою красоту и брызжа слюной от бешенства, а я уже даже не плакала, забыв от отчаяния, как это делается. Вымотанная событиями утра, опустошенная испытанным страхом, я хотела всего лишь забыться, но Уно явно приготовила для меня нечто иное. Это явственно ощущалось кожей.

— Что ты сделала? — прохрипела я, пытаюсь понять, что со мной происходит, почему же так больно и горячо?

Уно не отреагировала, сжав пальцы сильнее. На коже вспыхнули острой болью ожоги.

— Как ты посмела забрать его у меня? — она вытрясала из меня остатки воздуха, а я горела и не могла кричать. Понимала, что она задействовала какую-то потустороннюю силу, наслала проклятие и делает что-то запретное и ужасное, но не сопротивлялась из-за дикой слабости. Словно волю выпили досуха. — Я слишком долго ждала Аврелиана и устала от ожидания!

Перед тем, как погрузиться в черноту и сползти по стеночке на пол, до моего слуха донесся такой знакомый голос.

— Зачем ты так жестоко? Достаточно подпортить ей внешность, как мы и договаривались...

«Ллойд»...

От его предательства и обиды из-за всего случившегося, слезы навернулись на глаза, но силы оставили меня. Я упала навзничь, больше ничего не чувствуя.

Очнулась я в комнате, напоминавшую готескную тюрьму. Облачный пол, потолок и решетка во всю стену — дымчатая, но потрескивающая, как от тока. Воздух свежий, напоенный дождем и сыростью. От такого не ломит кости, но душа устремляется в счастливые воспоминания о первых поцелуях в раннюю осеннюю пору. Подо мной пол, но не холодный и жесткий, а мягкий, словно перина.

— Нравится? — Ллойд опустился рядом со мной, помогая приподняться и пытаюсь напоить меня чем-то горько-сладким из высокого серебряного кубка, но я демонстративно сжала губы и отвернула лицо. Шею обожгло болью, казалось, каждый открытый участок кожи умоляет о спасении.

— Выпей, пожалуйста. Это поможет твоему организму восстановиться, — попросил меня хранитель, снова приподнимая голову и вливая в приоткрытый рот живительную влагу. Я могла бы сопротивляться, но его поступок, его предательство лишили меня сил и воли быстрее и надежнее проклятия Уно.

— Я хочу объяснить тебе, почему поступил именно так, — печальным голосом начал рассказывать Ллойд, а я прикрыла глаза и дышала через рот, чтобы не слышать отвратительного горелого запаха.

«Что она со мной сделала? — крутилась в голове пугающая мысль. — Изуродовала, чтобы наверняка оттолкнуть от меня Аврелиана? Кто посмотрит на несчастную с обгоревшим лицом?»

До исповеди Ллойда мне не было дела, я никогда не прошу его. Если останусь жива, то попрошу Мелиора определить меня в Турпиф, туда, где мне и место. Между падшими и архангелами, между живыми и мертвыми. Он, как наставник хранителей, имел право сослать меня в любую точку мира, хоть в преисподнюю.

Счастье, радость, любовь — все это не для Храма. Раньше я не понимала, почему волшебство окружающего мира не трогает меня, неосознанно сторонилась красоты долины, пытаюсь не пускать ее в свое сердце. Мне казалось, что серые тучи сгущаются над каждым, кто улыбается открыто и смеется слишком громко. Траурная мрачность, которая скрывалась по углам, расползлась повсюду, но я кинулась в омут с головой, доказывая себе, что смогу преодолеть все невзгоды, когда рядом Аврелиан.

Аврелиан единственный, кто, видимо, не понимал, какие вокруг него плетутся интриги и заговоры. Он сам загнал себя в ловушку Уно, предоставив ей повод для мести, а я послужила хорошим активатором вселенского Зла, только и ждущего моего появления в Храме.

Сейчас я не могла рассуждать здраво, и обида на Аврелиана давала о себе знать, но где-то в подсознании снова крепла мысль, что он придет и все исправит. Только он, никто другой.

— Ты помнишь свое прошлое? — скорее, утвердительно, чем вопросительно произнес Ллойд, после долгой паузы. Он положил мою голову себе на колени и распутывал волосы, подергивая их и причиняя этим боль, такую успокоительную, что я закрыла глаза и немного расслабилась.

— Я тоже помню свое прошлое, Арина. — С усмешкой ответил Ллойд на свой же вопрос. — В царстве демонов, наконец, наступил мир, и отец пообещал мне собственные земли, замок и прекрасную жену. Его речи сладким медом лились в мой опустошенный кубок, отравляя ядом ожидания и отупляя нетерпением и жаждой передышки. Я устал от кровопролитных битв, в которых погряз с самого детства, мечтал о заслуженном покое и отдыхе, о тишине.

Границы отвоеваны, враги покинули пределы отцовских земель с наименьшими потерями наших войск, я — признанный воин, уважаемый демон первой гильдии и наследник кровожадного императора, которого все боятся, но которому беспрекословно подчиняются. Я опасен для своего отца. Меня любят, его — ненавидят, и я ослеплен наивностью.

В тот вечер мой отряд скакал через густой лес. Вместе с ним заканчивались владения отца и начинались свободные земли, в которых я и планировал поселиться. На нас напали с особой жестокостью, превосходя по численности и силе. Убивали моих друзей медленно, растягивая удовольствие и поставив меня на колени, чтобы я все видел и понимал. Отец не погнушался возглавить наемников, которым пообещал свободные земли за мою смерть. Он сам перерезал мне глотку со словами: «Ты мне больше не сын!».

Я помнил каждую секунду того вечера и не мог ничего с собой сделать. Я умолял

Аврелиана вернуть меня обратно, но он светлый бог, не в его власти и не в его силах сделать такое, а Уно... — Ллойд растянул губы в жесткой ухмылке, и я не узнала его лица. Стальной взгляд почернел, полыхнул кровью. — Она заслужила покровительство Загорна своим телом и талантом. Ты знала, что Уно умеет переносить души из Межмирья обратно в их миры? Редкий дар престолов, который появляется у единиц. Уно и Нобис — единственные престолы, которым доступна такая сила. Их имена обозначены в пророчестве, найденном мной в библиотеке в седьмой секции. Я хотел узнать больше, проникнуть в тайны Ангелов Смерти, чьи перья отточены так остро, что пишут пророческую правду кровью на холсте, но кто-то сжег все книги, уничтожил седьмую секцию до основания.

Я снова закрыла глаза, порицая себя за глупость. Это я — наивная дурочка! Ждала от Ллойда помощи, а оказалось, что он тот, кого следует опасаться.

— Сначала я попытался поговорить с Нобис, но эта девчонка запугана настолько, что убежала от меня, только поняв, о чем я хочу попросить ее. Странная. Я же не просил многого, помогла бы вернуться и дело с концом. А к Уно подобраться невозможно — она скользкая, как ледяные вершины Пограничных гор, но нам удалось договориться. Благодаря тебе, Арина, все благодаря тебе, — он осторожно коснулся губами моего запястья, а я вскрикнула, но не услышала собственного голоса.

«Что же со мной?»

— Облачная тюрьма — это ловушка, на которую в парке развлечений может наткнуться каждый, но вся прелесть именно этого места в том, что только я знаю к нему дорогу. Это — моя личная ловушка, нахождение которой отследить невозможно. Отдыхай, я специально принес тебя сюда, чтобы вылечить от обжигающей злости Уно. Прости, Арина, я не знал, что ее ненависть бесконтрольна и не подчиняется владелице. Как только ты поправишься, Уно перенесет нас обоих ко мне домой, и я убью отца, заберу себе его земли и покажу тебе свою прекрасную планету.

Я лишь покачала в ответ головой, желая сказать Ллойду, что жизнь ничему его не научила. Таким, как Уно, нельзя доверять. Она не отпустит его обратно из зависти. Ей недоступны ни любовь, ни преданность, ни, тем более, доброта. Я хотела бы помочь Ллойду, но тем, кто ослеплен мстью, уже не поможешь.

— Аврелиан найдет меня, — сказала я Ллойду, но тот лишь усмехнулся, отрицательно покачав головой. В его красивых глазах блеснула сталь, которую я замечала и раньше.

— Возможно, но он не сможет мне помешать, Арина. Ты... — Ллойд ссутулился и посмотрел на меня с затаенной грустью. — Ты способна на многое, только не понимаешь этого. Почему бы тебе не оставить мысль о возвращении в Храм, а думать о том, как мы могли бы применить твое могущество. Я помогу... — зашептал Ллойд испуганно, а я прикрыла веки и отрицательно покачала головой.

«Он научит, как же...» — подумала я меланхолично, вспоминая уроки Майкла Гавра.

Если Майкл рассказывал меня, как управлять крыльями и концентрировать в себе силу, собирая ее по крупичкам, то Ллойд научит, как разом опустошить резерв, но уничтожить, как можно больше существ вокруг. Я уверена, что он найдет применение моей силе, о которой я не все знаю, но каковы будут последствия ее применения?

— Ты сможешь больше, чем Уно, поверь мне, — продолжал говорить Ллойд, хватая меня за руку. От этого резкого и грубого прикосновения у меня помутилось в голове, такую адскую боль я испытала.

— Демоны, что она с тобой сделала? — вскричал Ллойд, снова вливая в меня ледяную

жидкость. — Я не хотел, Арина, я этого не хотел.

Плаваясь от любого движения, чувствуя в голове тяжесть, от которой клонило в сон, не понимая, где в этой облачной тюрьме вход, а где выход, и существуют ли они, я плыла по светящемуся серебристому коридору, тщетно пытаюсь сосредоточить мысли на чем-то одном, но они все время разбегались. Губы сохли, нестерпимая жажда мучила меня, и тогда я хрипела, а Ллойд терпеливо поил меня, извиняясь в очередной раз.

— Ненависть Уно причинила тебе столько боли, — говорил Ллойд, а во мне крепла какая-то мысль. — Понимаешь, для светлых богов ненависть материальна, она способна причинить боль, сильную боль.

— Аврелиан, — прошептала я пересохшими губами.

— Да, и твой Аврелиан, как светлый бог, чувствовал твою ненависть, — подтвердил Ллойд, помогая мне принять сидячее положение. Он смазал открытые участки кожи жирным снадобьем, от которого пахло травами и свечным воском, но это не помогло восстановить четкость зрения. Все вокруг плыло.

— Как Уно сделала это? — спросила я Ллойда, укрепляясь во мнении, что смогу повторить заклинание. — Как она использовала свои чувства, обратив их против меня?

— Неосознанно, — ответил Ллойд, бережно укрывая мои плечи темным плащом, чья тонкая шелковая ткань приятно охлаждала ожоги на теле. — Она ударила тебя заклятием, сама не понимая, какой масштаб поражения нанесет. Хотела, хммм, подпортить тебе лицо, а вышло, как вышло. Скажи спасибо, что это только ожоги, могла бы спалить тебя заживо, будь она посильнее.

— И на том спасибо, — устало хмыкнула я, стараясь сесть поудобнее, чтобы поменьше соприкоснуться с облачной стеной помещения.

— Мы же не учили такое заклинание, — сказала я, как бы между прочим, молясь всем богам, чтобы Ллойд озвучил его.

— Нет, но заклятие элементарное. — Тут же подхватил хранитель. — И, нет, Арина, я никогда не озвучу его вслух. Ты не проведешь демона, как ни старайся.

Он поставил на пол серебряный кубок, снова укрыл меня плащом, стараясь, чтобы ткань не сползала, и поднялся во весь рост, глядя на меня сверху вниз.

— Оставляешь меня? — спросила я, задирая голову.

— Ненадолго, — кивнул Ллойд. — Постарайся выспаться, Арина, тебе еще предстоит перемещение в мой мир.

Я ничего не сказала, смежив воспаленные веки и сглатывая горькую слюну. Если Ллойд и отправится к себе домой, то только один или в компании с Уно. Никогда, ни при каких обстоятельствах я не соглашусь сопровождать его добровольно. Мое место здесь, в Поднебесной, и это я понимала так же ясно, как то, что люблю Аврелиана. Несмотря ни на какие испытания, я люблю его одного и желаю, чтобы мы, наконец, отдохнули от череды неудач и провели вместе столько времени, сколько нам отведено.

Призыв ангела смерти

(Аврелиан)

Как только Арина оказалась у себя в спальне, я призвал по облачной связи Робуса и Мелиора. Последний привел Нобис, а через какое-то время в кабинет поднялись Майкл Гавр и Ахорн. Мы все чувствовали, что предстоит нелегкий разговор.

Ребята разместились на стульях и чувствовали себя гораздо свободнее, чем раньше, ведь оба они понимали, что теперь я уж точно на их стороне, но напряженные позы выдавали их волнение. Майкл первым нарушил молчание, рассказав о положении своих родителей и родителей Нобис, о заточении их в тюрьме, о принудительной ссылке в Храм. По окончании рассказа он протянул мне книгу. Заветный фолиант. Он положил его на край стола, где мгновенно обосновались мои друзья.

Робус и Мелиор кружили над книгой, и глаза обоих горели торжеством, потому что в руках они держали драгоценную находку. Книгу, поискам которой мы посвятили столько времени и сил.

Ахорн задремал в кресле возле камина, и я старался не смотреть в ту сторону, вспоминая наши с Ариной утренние объятия.

— Все это время, — слышал я возбужденный шепот Мелиора, который никак не мог усидеть на месте. — Она хранилась у детей.

— Демон их раздери, — проворчал Робус, в который раз порываясь отнять у друга увесистый том, но Мелиор в очередной раз увернулся, прижимая к себе книгу.

— Это первое издание, — прошептала Нобис, впервые подавая голос. Она выглядела хрупкой и болезненной, и руки ее мелко подрагивали, стискивая подол форменного платья. — Я знала, что оно хранится в Храме, мама рассказывала. Она любила книги и посвящала их коллекционированию много времени. Мама мечтала, чтобы в ее коллекции оказался и этот том.

— Книга, написанная самими ангелами смерти, — благоговейно произнес Мелиор, оглаживая корешок древнего фолианта и осуждающе глядя на Нобис. — Тайна призыва одного из них! Ты хоть понимаешь, насколько ценно это издание?

— Не спеши радоваться, — сонным надтреснутым голосом остановил его восторги Ахорн, потянувшись всем телом. Он до сих пор не простил мне выходки на поле и пришел, чтобы требовать объяснений, оставшись только потому, что рассказ Майкла его заинтересовал. Ахорн знал родителей обоих и слышал об истории их заточения. — Вызвать ангела смерти не так-то легко, для этого потребуется весомая причина и жертвенная кровь.

— Моя подойдет? — вызвался Майкл, насупив брови. — Загорн обвинил наших родителей в измене, когда они всего лишь хотели помочь своим братьям.

— Они нарушили закон, — сурово насупился Ахорн.

— Они выступали за справедливость! — вскричал Майкл, и я поспешил вмешаться, поднявшись из кресла и предложив детям расположиться у окна на низкой софе, которая едва выдержала их обоих.

Архангел не сводил прямого и пристального взгляда с адептов, а я молился всем высшим, чтобы он не причинил еще большего вреда их психике. Дети итак пострадали, а Ахорн, как сильный архангел и истинный воин, приученный к войне и бесконечным битвам

по первому приказу, не понимал всей глубины их страданий. Он считал, что казнь — это последствие проступка, справедливое наказание, и только одному высшему было известно, как примирить его правду с правдой детей.

— Эта книга? — спросил Мелиор, нарушив затянувшееся молчание и снова найдя взгляд Нобис. — Откуда она?

— Я взяла ее в седьмой секции, — призналась Нобис слабым надтреснутым голосом. Ее горло, повязанное толстым шарфом, и воспаленный взгляд придавали Нобис болезненный вид, и Майкл при каждом ее приступе кашля старался поддержать девушку. Я бы не назвал эти жесты любовными, но они явно говорили о том, что Нобис не безразлична Майклу Гавру. — Это я спалила седьмую секцию.

Признание разорвалось в воздухе, подобно фейерверку, наэлектризовав и без того напряженную атмосферу.

— Демоны Турпифа, я так и знал! — зарычал Робус, ударяя тяжелым кулаком о поверхность моего рабочего стола, на котором вольготно разместились его пятая точка. — О чем ты только думала, девочка? — взревел он подобно дикому медведю, разбуженному среди лютой зимы.

— О маме, — горестно всхлипнула Нобис, прижав к глазам ладони, сквозь которые текли слезы. — И о папе, — сквозь всхлипы добавила она. — Загорн сказал, что казнит их.

— И он сделает это, несмотря ни на что, — припечатал Ахорн, вставая из кресла. Его массивная фигура загораживала падающий из окна свет, и я понял, что на разговор ушло больше времени, чем я на то рассчитывал. Арина, скорее всего, ждет меня на ужин.

— Что нам делать? — спросил я архангела. Он недавно прибыл с Олимпа, он знал гораздо больше меня.

— Вызвать ангела смерти, взяв столько крови, сколько позволит его магия, — сказал Ахорн, выхватив у Мелиора из рук книгу и ткнув пятерней в Майкла, который с готовностью подскочил с софы. Друг недовольно нахмурился, но спорить с архангелом, превосходящим его и в росте, и в силе, и в магии не стал. — И чем скорее, тем лучше. В ближайшие дни сюда нагрянет Загорн, и каждому из нас не поздоровиться. Лучше, если один из ангелов смерти вступится за вас, иначе казнь заберет жизни многих.

Я знал, что Ахорн боится не за нас, а за жизнь своей любимой, с которой лишь недавно обрел счастье. Медея, на чьи плечи сегодня свалилось столько адептов, никогда не жаловалась, верой и правдой служа Храму и мне. Я бы не вынес, если бы с ней что-то случилось.

— Ты прав, нам следует поспешить, — кивнул я Ахорну, разворачиваясь к Робусу и Мелиору. — На вас Храм и занятия. Помогите Медее, разузнайте, где Уно и чем она занята, наведите порядок и спускайтесь к ужину. Делайте вид, что ничего особенного не произошло.

— Он просит о нереальном, — прошептал Мелиор, и Робус нахмурился, покачав головой.

Да, я прекрасно знал, что прошу о многом, но они — единственные, кто способен хоть чем-то помочь до появления в Храме ангела смерти. Если Загорн нагрянет раньше, то нам всем не избежать немедленного суда с вынесением неизбежного приговора.

— Спускаемся в зал жертвоприношений, — сказал я Майклу, который пообещал Нобис, что с ним все будет хорошо. — Отдыхай, — посоветовал я Нобис то же самое, что недавно посоветовал и своей любимой, при мыслях о которой у меня неприятно сжалось сердце.

Я бы мог любить ее все утро и весь день не будь я ректором Храма Семи Ступеней. И

эта должность все больше давила на меня грузом невыполнимых обязательств и непомерных обязанностей.

— Удачи, — прилетело мне в спину от Мелиора, и я закрыл дверь в кабинет, последовав за Ахорном и Майклом по бесконечным галереям и коридорам все ниже и ниже. Туда, где располагался Зал жертвоприношений — самое ненужное, по мнению Златы, помещение, которым мы не пользовались долгие годы.

Истертые ступени под ногами вились спиралью, уходя глубоко под землю, а факелы на стенах зажигались по велению моих пальцев. Ахорн тяжело ступал впереди, за ним плелся Майкл, а я завершал нашу унылую процессию, которая в полном молчании дошла до Зала жертвоприношений.

Внутрь входили так же молча, не нарушая торжественной и мрачной обстановки. Пламя в факелах вспыхнуло одновременно, загудело, устремляясь ввысь, и Майкл вздрогнул, передернув плечами и стягивая с головы капюшон ученической мантии. На фоне монументальных стен, сложенных из камня, и алтаря, высившегося в центре залы, он выглядел совсем ребенком, и мне стало по-настоящему жаль архангела. Будучи еще детьми, на Олимпе они быстро превращались во взрослых мужчин, вынужденных следовать приказам Загорна. Высшие не щадили архангелов, считая их воинами, солдатами, призванными слепо исполнять волю богов.

— Ты готов? — спросил я Майкла, положив руку ему на плечо, и он кивнул, не сводя пристального взгляда с узких борозд, выдолбленных в каменном полу. Каждая из них змейкой отходила от алтаря и образовывала рисунок, который Майкл должен будет заполнить своей кровью.

— Не время медлить, — поторопил нас Ахорн, открывая книгу на том самом месте, где значилось заклинание призыва ангелов смерти. — Если не поторопимся, то станем легкой добычей для Загорна. Он не упустит шанса отомстить тебе за потерю дочери.

Я хмыкнул, не считая нужным что-то доказывать архангелу. Ахорн до сих пор верил в непогрешимость высших, и только собственный жизненный опыт мог доказать ему, насколько прогнили боги, управляющие Олимпом.

— Тебе придется раздеться и лечь на алтарь, — подсказал я Майклу, который нерешительно переминался у входа в залу. — Потом я достану древнюю реликвию — нож, подаренный ангелами смерти, и сделаю надрез на руке. Как только кровь заполнит рисунок, явится один из них, и я сразу залечу порез.

Я не уточнил, что этот нож подарила мне прекрасная женщина, на чье появление я тайно надеялся. Не стал я говорить и того, как сильно ждал призыва ангела смерти, возлагая надежды на то, что высшие силы помогут нам в борьбе против несправедливости и вседозволенности Загорна.

Майкл кивал, стягивая с себя мантию и механически складывая одежду у собственных ног, а Ахорн прохаживался по пустому помещению, и его тяжелые шаги отдавались у меня в сознании болезненными толчками. Я мечтал как можно быстрее попасть в объятия Арины, но дела ректорства, как обычно, мешали моему нормальному существованию. Никогда еще работа не отнимала у меня столько сил. К н и г о е д . н е т

— Приступим, — скомандовал Ахорн, как только Майкл расположился на камне алтаря, дрожа от напряжения и холода.

Я прошептал заклинание, отпирающее тайник, и достал оружие, которое никогда прежде не держал в руках. Как ректору, мне открывались многие тайны Храма, и я редко

ими пользовался, но сейчас я не мог не радоваться тому, что именно мне предстоит сделать надрез на руке Майкла.

«Что он узнает? Живы ли его родители?»

Он жертвует собственную кровь во имя их жизней, но, зная Загорна, я бы предположил, что родители Майкла и Нобис мертвы.

— Читай, — отдал я короткое распоряжение архангелу, и Ахорн запел песнь на языке, доступном только крылатым созданиям Олимпа — красивом, напевном, торжественном и древнем, как сама гора, созданная для проживания высших.

Пламя гудело все сильнее, и кровь Майкла капала в жерло, образуя на полу рисунок. Ахорн пел, взывая к ангелам смерти, к их справедливому решению, к их помощи, и в центре зала из клубов кроваво-красного дыма вырисовывалась женская фигура. Как только она стала материальной, Ахорн резко замолчал, а я склонился над бессознательным Майклом и залечил глубокий порез.

— Отойдите, — велела мне грозным голосом женщина, шагнув из круга крови и приблизившись к Майклу. — Еще ребенок! — осуждающе покачала она головой, касаясь ладонью головы архангела. — Совсем мальчик!

— Это его решение, — выступил вперед Ахорн, но женщина лишь отмахнулась от его слов, стараясь привести Майкла в чувства.

— Что ж, вы расскажете мне все по порядку, — сказала она низким глубоким голосом, глядя на меня синими глазами, в которых отражалось пламя факелов. Ее молодое красивое лицо портили сурово сдвинутые брови и слишком острые скулы, а широкое свободное одеяние скрадывало очертания фигуры. Никто не знал, сколько живут ангелы смерти, но женщина выглядела одновременно и молодой, и старой. Один ее взгляд говорил о прожитых столетиях, и в синей глубине сквозила вселенская усталость.

— Я отнесу Майкла наверх, — произнес Ахорн, поднимая архангела на руки. И, только тогда, когда он вышел, я приветливо улыбнулся моей знакомой.

— Здравствуй, Поэна.

— Здравствуй, Аврелиан, — коснулась она моей руки, сочувственно сжав на локте свои тонкие бледные пальцы. — Прости, что не смогла попрощаться со Златой, мы не имеем права следовать собственным желаниям, как и вы не имеете на то прав.

— Я знаю, — успокаивающе кивнул я Поэне, — и спасибо, что явилась на мой призыв.

— Я бы не смогла остаться в стороне, — тут же ответила она, покачав головой, и на плечо упала серебристая прядь волос.

Когда-то давным-давно Поэна родилась на горе Олимп в семье высших, но предпочла скрыться в таинственных недрах подпространства и стать ангелом смерти. Я не осуждал ее выбор, но сейчас, видя ее рядом и чувствуя плечо друга, как никогда верил, что встреча с Загорном пройдет успешно, а зло, что он сотворил, обернется против него самого.

Избавление от прошлого

(Арина)

Мне снилась сестра. Злата остановилась возле моей кровати, опустилась на колени и запела колыбельную песню голосом мамы. Она улыбалась и казалась такой счастливой, одухотворенной, другой, нежели я помнила ее при жизни. Утомленная, недовольная и болезненная гримаса редко сходила с ее лица, теперь же Злата нежно улыбалась, и ее тонкие прохладные пальчики гладили мой лоб, порхали по линии скул и щекотали подбородок, а я плакала, вспоминая наше прошлое, наши бесконечные ссоры и редкие мгновения перемирия.

Однажды Злата упала на лед на очередном выступлении. Так закончилась ее карьера и здоровый образ жизни. Травма колена подкосила жизнерадостную и целеустремленную сестру, потому что у нее отняли возможность выходить на лед. В глазах Златы поселились страх и безнадежность, скука и пустота, поглощавшие все ее существование. Первые дни в больнице она даже отказывалась от еды, и мама кормила ее с ложечки.

Пока Злата приходила в себя, я часто сидела у изголовья ее кровати, читала книги или какие-нибудь смешные истории, рассказывала о том, что творится за пределами нашей квартиры, а сестра делала вид, что ей интересно, терпела мой альтруизм. В те времена я, втайне даже от самой себя, радовалась, что Злата навсегда оставила фигурное катание и не конкурентка мне. Злые мысли, недоброе сердце, сложные отношения...

Все это осталось в прошлом, потому что и я, и Злата теперь в иной реальности, и судьба раскидала нас по разным мирам. Она счастлива в Аврелии — в мире, созданном моим возлюбленным, а я нашла свою судьбу в Поднебесье.

Встретимся ли мы вновь?

— Милая, я так тебя люблю, — шептала мне Злата, и в ее глазах блестели прозрачные капельки слез.

— Назовем ее Ариной? — спрашивала она у кого-то, отворачиваясь от меня. За ее спиной стоял высокий мужчина, но я различила лишь силуэт, а вот лицо оставалось для меня в тени.

«Они тебе только снятся, проснись!» — пыталась я заставить себя очнуться, потому что происходящее разрывало мне сердце, я буквально чувствовала, как в область груди ввинчивается острый шуруп боли из смеси сожаления, вины и отчаяния, что сестра сама отказалась от меня.

— Называй, как хочешь, я уже люблю ее, и имя ничего не изменит. Весь мой мир у ее крошечных ног, — рассмеялся незнакомец, и вот его голос я услышала отчетливо. Низкий, с легкой хрипотцой, глубокий, наполненный таким счастьем, что слезы наворачивались на глаза.

— Арина, мы назовем ее так в честь моей сестры, — сказала Злата, вновь прикасаясь к моей руке. — Если ей когда-нибудь станет больно, грустно или одиноко, ты поможешь ей, правда? Ты сделаешь то, чего не смогла сделать я, — обратилась Злата к той, что лежала в кроватке, к той, в чьем сознании внезапно оказалась я сама.

Я лишь кивала в ответ головой, прекрасно понимая, что это сон. Видимо, сознание искало иные пути избавления от реальности, и физическая боль оказалась настолько нестерпимой, что я забылась в воспоминаниях, которые плавно перетекали в сновидения,

основанные на моих фантазиях.

— Я тоже тебя люблю, — наконец, ответила я Злате, и она стала растворяться в клубящейся вокруг меня тьме. Ее образ таял, как рассеивается туман от утренних лучей солнца, а я плакала, ощущая на своем лице настоящие слезы, и соленая влага так сильно щипала лицо, что мне хотелось выть в голос.

— Арина! — донесся до меня жесткий требовательный голос, полный неприкрытого страха и отчаяния. Столько боли слышалось в нем, что я немедленно приоткрыла воспаленные веки. — Очнулась, милая моя.

Аврелиан придерживал меня за плечи и шептал какие-то ласковые слова, которые, едва касаясь моего слуха, растворялись в дымке нестерпимой мучительно боли, от которой горело все тело. Казалось, что кожа плавится, и любое прикосновение приносило мне дополнительную порцию болезненных ощущений.

— Ее нужно напоить из кубка, — расслышала я голос Ллойда и сразу почувствовала, как руки Аврелиана напряглись, а голос задрожал от едва сдерживаемой ярости.

— Мелиор, уведи его, — попросил Аврелиан, не отворачивая от меня лица. Я ничего не видела, кроме его глаз. Его глаза, наполненные нереальным янтарным светом, лучились такой любовью, что моя боль притупилась. Я впитывала в себя взгляд Аврелиана и понимала, что он сделает все, чтобы помочь мне.

— В кубке лекарство, — раздался над головой еще один голос, и незнакомая мне женщина аккуратно влила прямо в горло горько-сладкую жидкость, которая понемногу остудила пламя внутри и снаружи, подарив несколько минут отдохновения. Притупленная боль уже не казалась такой обжигающей, и я смогла сосредоточить взгляд на лицах, склонившихся надо мной.

— Это Поэна, — прошептал Аврелиан, словно боясь говорить вслух. — Майкл Гавр и Нобис помогли нам найти книгу для призыва ангела смерти, и сам Майкл стал тем, чья жертвенная кровь призвала Поэну. Она — ангел смерти, милая, и поможет нам встретить в Храме Загорна и его свиту. С ангелом смерти за спиной мы непобедимы.

— Не преувеличивай, — покачала Поэна головой, вода надо мной руками. От ее рук исходила прохлада, которая забирала остатки моей боли, и я снова заплакала, теперь от облегчения.

— Нужно дать ей немного времени, чтобы прийти в себя, и можно переносить в Храм. — Сказала Поэна, напоследок прикасаясь прохладными пальцами к моим вискам. — Я рада, что оказалась здесь вовремя, Аврелиан, иначе девочке бы грозила мучительная смерть.

От этих слов мы вздрогнули одновременно, и Аврелиан глухо застонал, сыпля проклятиями попеременно с извинениями.

— Стоило оставить тебя одну всего на несколько часов, и вот уже демон похищает мою прекрасную малышку прямо из ее спальни. Скажи, пожалуйста, ты притягиваешь к себе неприятности магнитом? — нахмурил Аврелиан светлые брови, а я счастливо рассмеялась. Тихо, потому что болело все тело, но так счастливо...

— Как ты узнал? — спросила я его, кутаясь в плащ Ллойда. После того, как лекарство попало в мой организм, тело бил мелкий озноб.

— От Мелиора, как же еще? — ответил Аврелиан, сжав губы в тонкую линию и тяжело вздохнув. — Пока мы с Ахорном проводили ритуал призыва ангела смерти, а Робус и Медея вели занятия у адептов, Мелиор разыскивал Уно, которая совершенно лишилась разума. Она-

то и выдала, что похитила тебя и прокляла, так что на тебе живого места не осталось. Признаюсь, когда Мелиор сказал мне об этом, я едва не потерял сознание от боли и ужаса, охвативших мое тело и разум. Больше никогда, Арина, я не позволю тебе так меня пугать!

Аврелиан баюкал меня в своих объятиях, как маленького ребенка, и сквозь зубы цедил проклятия, адресованные Уно и Ллойд, но меня сейчас мало заботили их судьбы, главное, что Аврелиан нашел меня.

— Ты здесь, — прошептала я, цепляясь за него, как за единственного человека в мире, способного подарить мне опору под ногами.

— Конечно, здесь, милая моя, — ответил Аврелиан, осторожно поцеловав меня в ушко — единственное место, не пострадавшее от ожогов. — Я бы нашел тебя, где угодно, ведь мы с тобой связаны кровью. Никто до конца не понимает, как тесно мы с тобой связаны, — по-доброму улыбнулся он, подразумевая один лишь ему понятный контекст, но я кивнула, потому что наша любовь крепла с каждым нашим вздохом. Я ведь знала, что только Аврелиан способен мне помочь, я лишь надеялась, что он прибудет, как можно скорее.

— Это излечимо? — задала я Поэне вопрос, который сейчас интересовал меня куда больше, чем судьба Храма. — Ожоги...

— Не переживай, — ответила Поэна, чье строгое лицо не осветила и тень улыбки. — Проклятие Уно обратимо, и она сама поможет тебе, как только мы вернемся в замок. Уверена, Уно не сможет отказать ангелу смерти, а, если попытается, у меня есть методы воздействия на ее разум.

Поэна выпрямилась и кивнула Аврелиану, растворяясь прямо в воздухе. Видимо, границы облачной тюрьмы, созданной Ллойдом, оказались для нее легким препятствием.

— Когда же это закончится? — устало задал вопрос Аврелиан, опуская голову и прижимаясь своим лбом к моему.

— Скоро, — пообещала я любимому с улыбкой.

Сейчас прохлада облачной тюрьмы и запах озона казались мне приятными, потому что рядом сидел Аврелиан и казался таким настоящим: собранные в низкий «хвост» волосы, озабоченное выражение красивого мужественного лица, обод, который привычно поблескивал драгоценными камнями и улыбка, ставшая такой родной. Я осмелилась провести пальчиком по губам Аврелиана, и он прикусил мой мизинец зубами, сверкнув янтарем глаз.

— Не сейчас, Арина, — усмехнулся Аврелиан, покачав головой, — боюсь, что на тебе нет живого места.

Он посуровел, отводя взгляд и сжимая челюсти так сильно, что желваки заиграли на его лице.

— Спускаясь к ужину, я уже все решил для себя. — Сказал он тихим задуманным голосом. — Поэна — отличная замена мне, несмотря на ее высокий статус. Она и сама мечтает оставить подпространство и вернуться к прежней жизни. На Олимп ей путь заказан, но Храм Семи Ступеней всегда открыт для тех, кому нет места нигде.

Слова Аврелиана отдавались внутри меня тягучей болью и, вместе с тем, гордостью за то, что он не сломлен, несмотря на все беды, выпавшие на его долю. И Аврелиан способен понимать других, кому выпала столь же тяжкая доля, как и его собственная, и помогать им.

— Поэна справится? — спросила я любимого, самостоятельно допивая из кубка остатки снадобья. Оно помогало мне отстраниться от боли и внимательно слушать рассказ Аврелиана.

— Трудно жить с меткой ангела смерти, но ей уже никогда не избавиться от нее. Она согласилась принять мои полномочия и, боюсь, только это сейчас интересует меня больше всего на свете. Даже Загорн, который объявится в Храме со дня на день, не вызывает во мне столько переживаний, сколько скорое освобождение от ненавистной мне должности.

— Куда же ты пойдешь? — спросила я Аврелиана, поднимая на него взгляд и на мгновение теряясь от мысли, что он уйдет один, оставив меня в Храме, но Аврелиан отреагировал молниеносно.

— Куда пойдём мы, ты хотела спросить, — сурово ответил он, и я невольно расплылась в улыбке, тут же утвердительно кивнув головой. — Как насчет путешествий по мирам, созданным высшими? Когда-нибудь приходилось посещать подобные экскурсии?

— Нет, — покачала я головой, робко улыбнувшись. — И к Злате?

— И к ней, — решительно кивнул Аврелиан. — Мы обязательно навестим твою сестру, когда ты будешь к этому готова.

Я хотела возразить, но Аврелиан наклонился и ласково поцеловал меня в губы.

— Шшш, тебе нужен отдых и, отныне, только в моих покоях. Я больше ни на шаг не отпущу тебя от себя, любимая.

— Согласна, — прошептала я, проваливаясь в сон. — Все, что угодно, лишь бы рядом с тобой, — прошептала я еле слышно, и Аврелиан поднял меня на руки, чтобы унести с собой.

Новые грани дружбы

(Арина)

— Тебе разрешили прогуляться с нами! — ворвалась к Аврелиану в спальню Нобис, бросая на кровать ворох одежды и аккуратно вешая на спинку стула плащ, отороченный мехом. — Вставай же, соня, пора собираться! Майкл раздобыл твои вещи.

Недовольно проворчав что-то в полусне, я перевернулась на бок и встретила с ее горящим лихорадочным взглядом. Черные волосы, убранные в высокую прическу, и бледный вид делали Нобис похожей на Белоснежку, и я невольно заулыбалась, радуясь ее присутствию.

— Майкл, говоришь? И с каких пор у него есть доступ в мою спальню?

Нобис покраснела, а я погрозила ей пальцем. Пусть пользуется своими способностями, сколько хочется, но это не значит, что Майклу разрешается рыться в моих вещах.

— Прости, вынужденная мера, — извинилась она, — меня не должны видеть в Стрельной. Башня предназначена только для архангелов.

— Ну да, ну да, — покивала я головой, пряча улыбку. — Спасибо, что позаботилась об одежде, иначе пришлось бы разорять гардероб Аврелиана.

Нобис сделала «большие глаза», и мы обе рассмеялись.

Я жила в долине Поднебесья почти четыре месяца, но за это время ни разу не посетила Облачный парк развлечений, не считая облачной тюрьмы, в которой меня запер Ллойд. Суд над ним и Уно состоялся практически сразу же, как меня доставили в Храм. Я еще неделю провалялась в кровати, следуя четким указанием Поэны и глотая ее лечебные снадобья, а в это время замок гудел от новостей и сплетен, буквально трещал по швам от обилия произошедшего.

Загорн лично присутствовал на суде, явившись, подобно раскату грома, среди бела дня. В золотой карете, запряженной белоснежными пегасами, высший бог Олимпа спустился в долину Поднебесья в сопровождении архангелов, каждый из которых своим ликом походил на сурового воина.

Как жаль, что я наблюдала за всем из окна спальни Аврелиана. Он не согласился выпустить меня ни под каким предлогом, боясь не только за мое здоровье, но и за мою жизнь.

— Чем закончился суд над Ллойдом? — задала я вопрос, собираясь расспросить о подробностях, но Нобис замахала руками.

— Ты не представляешь, что там творилось, — возбужденно тараторила Нобис, предвосхищая мои вопросы. — Столько народу в Сумрачном зале, что яблоку негде упасть! И Ллойд никогда не вернется домой.

Ее голос упал до шепота, а я напряглась, готовясь к худшему.

— Но Аврелиан добился для него пожизненной ссылки в иные миры в должности хранителя. Ллойд слишком талантлив, а Загорн ценит талантливых, хитрых и изворотливых...

Нобис резко оборвала себя, а я выдохнула, едва сжав дрожащие пальцы в кулаки. Она имела право считать Ллойда злодеем, но я бы никогда не смирилась с более жестоким приговором, благодаря Аврелиана за то, что он вступился за Ллойда.

— Он ничего не рассказывает мне, — пожаловалась я Нобис на своего возлюбленного, а она лишь покачала головой.

— Это и понятно, на него столько всего свалилось, что в стенах своей спальни, рядом с тобой, он просто отдыхает. Или вы заняты чем-то иным? — лукаво усмехнулась она, покраснев, а я показала на свои все еще дрожащие руки.

— Вряд ли у нас есть возможность, — отшутилась я, ссылаясь на свою слабость.

Нобис пробралась в спальню Аврелиана тайком, воспользовавшись своими способностями, а я не возражала. Чувствуя себя виноватой, она явилась сразу же, как только Аврелиан отлучился по делам, и плакала, умоляя простить ее. Всю неделю она кропотливо ухаживала за мной, пока никто этого не видел, и мы сблизились настолько, насколько это вообще возможно при нашей разности.

— Ты испугалась? — ласково спросила я Нобис, держа ее за руку.

— Конечно, я испугалась, — прошептала она, прикусывая губу и резко бледнея. — Последний раз, когда я видела Загорна, он кричал, что казнит моих родителей.

— Но ведь они живы? — с надеждой в голосе спросила я.

— Кто знает, — глухо ответила Нобис, едва не плача.

Мы обе старались избегать подобных тем, но сегодня Поэна впервые разрешила мне выйти на прогулку в Облачный парк развлечений, и Нобис воспользовалась этим, явившись ко мне с утра пораньше. Она принесла одежду и ждала, пока я приведу себя в порядок, но пауза затягивалась. Я чувствовала, что девушка хочет мне о чем-то рассказать, но не знала, стоит ли надавить.

— Майкл сам не свой, — поделилась, наконец, Нобис, поднимаясь на ноги и нервно расхаживая по спальне ректора. Она чувствовала себя здесь, как дома, обходя предметы мебели и легкими касаниями оглаживая барельефы камина, а я часто с улыбкой думала, что бы сказал Аврелиан, знай, кто посещает его спальню каждый день по несколько раз.

— И про его родителей ничего не слышно? — сочувственно поинтересовалась я, и Нобис пожала в ответ плечами.

— Нам не дозволено подходить к высшему, учитывая, что он и сам не горит желанием общаться с адептами Храма Семи Ступеней. Мы для Загорна, как ссыльные, которых устранили с Олимпа подальше от его глаз. Он и рад, если мы навсегда затеряемся в подпространстве и никогда не вернемся домой. — С горечью ответила Нобис, поднимая на меня горящий взгляд. — Аврелиан обещал, что узнает о судьбе родителей, и заперся с утра пораньше в кабинете с Загорном наедине.

Я подскочила, как ужаленная, застыв с расческой в руке и полуоткрытым ртом.

«Какой парк развлечений, когда тут судьба любимого человека решается?!»

— Не спеши бежать туда, — осадила меня Нобис, нахмутив брови и став серьезной, как никогда. — Аврелиан приложил немало усилий, чтобы скрыть твое присутствие в Храме, а Поэна пообещала смягчить приговор, если Уно не расскажет о природе твоего появления в Поднебесной. Для всех ты — обыкновенная студентка, которая...кхм... — Нобис слегка покраснела и потупила взгляд. — Которая пользуется особым расположением ректора.

— Ну, спасибо! — выпалила я, скрещивая на груди руки и сердито закусывая губу. — Значит, теперь я официальная любовница ректора?

— И это не самое худшее, что могло с тобой произойти, — мягко пожурив меня Нобис, подходя ближе и касаясь моей руки. В ее взгляде читалась забота, и я вспомнила, как она поддерживала меня эту неделю, как помогала ходить, когда ноги дрожали и не слушались,

как читала, когда я изнывала от скуки, а Аврелиан пропадавал до поздней ночи на работе, улаживая дела ректората.

— Он поделился со мной своей искрой, — с усмешкой сказала я девушке, — разве это не любовь?

— Не мне разбираться в хитросплетении ваших чувств, — ответила она с той же мягкой улыбкой, помогая собрать волосы в прическу. — Но Аврелиан сделает все, чтобы уберечь тебя от гнева Загорна, разве это не показатель его чувств к тебе?

Я тяжело вздохнула и задумчиво повертела в руках одну из запонок Аврелиана. В последние дни мы мало времени проводили друг с другом, как и всегда. Он так уставал, что засыпал в одежде, едва успевая поцеловать меня, и я гладила его длинные волосы, вдыхала запах его тела и радовалась уже тому, что он спит рядом.

— Все наладится, — утешила меня Нобис, хотя, это она томилась от неведения за судьбу близких, а я эгоистично думала только о себе.

— Не обращай на мои вздохи внимания, — попросила я девушку, поднимаясь на ноги и разглядывая нас в отражении зеркала. Обе бледные, как привидения, с темными кругами под глазами, мы походили на жертв долгого заточения в тюрьме, без света и нормальной пищи.

— Нам определенно нужно развлечься, — сказала я уверенным тоном, и Нобис рассмеялась.

— Учитывая, что по Храму ходят слухи о том, что скоро Поэна займет пост ректора, а Аврелиан отойдет от дел и отправится в долгое путешествие, нам непременно нужно провести этот день вместе, — рассмеялась в ответ Нобис, но я расслышала в ее голосе грусть.

— Майкл никогда не бросит тебя, Нобис, — остановила я ее около двери. — И я сделаю все для того, чтобы узнать о судьбе твоих близких.

— Знаю, — кивнула она, открывая дверь и пропуская меня вперед. — Давай просто развлечемся, как нормальные адепты первой ступени?

— И не скажем Поэне, что я позволила себе кружку крепкого сливочного эля? — лукаво спросила я Нобис, и она рассмеялась, отрицательно покачав головой.

— Определенно, этого мы ей не скажем, иначе она расскажет Аврелиану, кто последнюю неделю пользовался своим даром не по назначению.

И мы спустились в Сумрачный зал, наплевав на сплетников и шепотки за спиной. Майкл тут же опустил за наш столик, отсеив от компании архангелов.

— Хорошо, что Робус отменил занятия во фруктовом саду до весны, потому что на последнем у меня задница инеем покрылась от сидения на облаке, — пожаловался он с притворным занудством, а я рассмеялась. — Рад тебя видеть, Арина.

— И я, — нисколько не покривив душой ответила я парню, взяв того за руку. — Пойдешь с нами в парк?

— И не только я, — скривился Майкл, указывая себе за спину. — Остин и компания подвязались, так что рассчитывайте на пошлые шуточки и скабрзные предложения.

Так, обсуждая предстоящие занятия и приближающиеся праздники, мы болтали и смеялись, делая вид, что являемся нормальными студентами. Хранители первой ступени косились на меня, а отсутствие Ллойда в Сумрачном зале заставляло каждый раз оглядываться на наш с ним столик, теперь занятый кем-то другим. Сколько бы я не уговаривала себя выкинуть его из головы, ничего не получалось. Когда-то мне нравился Ллойд, несмотря на все его поступки, и я бы не хотела для него участи, на которую его

обрекали.

Нобис взяла меня под руку и повела из Сумрачного зала, а Майкл Гавр пристроился рядом, неприступной скалой защищая от шепотков и косых взглядов. Остин, окруженный восторженными девушками, почувствовал себя в родной стихии, обещая каждой из его почитательниц незабываемые выходные. Конечно, они верили ему, развесив уши, а я восхищалась умением Остина кружить голову слабому полу.

— Я никогда не смогу забыть, как здесь совсем недавно вынесли приговор одному из нас, — внезапно прошептала одна из хранительниц, которая висла на плече у Остина, и меня словно ушатом ледяной воды облило. Я вздрогнула, почувствовав, как Нобис каменеет, напрягаясь всем телом.

— Никто этого не забудет, — произнесла она, нервно поправляя волосы. — Но приговор вынесен, и Ллойд никогда не получит того, о чем так мечтал. Он не вернется домой, чтобы отомстить отцу, он обречен скитаться по мирам до тех пор, пока не получит прощение самого Загорна.

— Неплохая практика для хранителя, — попытался отшутиться Остин, но его шутка не смогла поднять мне настроение. Всю прогулку я только и думала о том, чего добился Ллойд. Он стал примером для всех нас, примером того, как месть ослепляет и ведет к саморазрушению.

На пути к иной жизни
(Аврелиан)

Голос Загорна все еще звенел у меня в голове, но его присутствие уже не давило так сильно. Я и забыл, какво это находиться в обществе высшего, могущественного бога, от решения которого зависят судьбы всего Поднебесья. Великолепный в своем белоснежном облачении с золотой вышивкой, статный, властный, обличающий, Загорн восседал в моем собственном кресле, как на троне, а четверо архангелов каменными статуями застыли за нашими спинами, как молчаливые соглядатае, готовые в любой момент исполнить волю высшего бога, и только Поэна задумчиво покачивала ногой. Она хмурила брови и ни на кого не смотрела, перебирая пальцами ткань пепельной мантии. Рукав приподнимался, обнажая красивое запястье, изрезанное линиями темной татуировки, уходящей по предплечью вверх — знак принадлежности ангелам смерти, который останется с Поэной, по какому бы пути она ни пошла дальше.

— Сплошное разочарование, — процедил Загорн злым тоном, сжав пальцы на подлокотнике кресла и слегка наклоняясь вперед. Будь он огнедышащей тварью, давно бы испепелил меня взглядом, оставив лишь горстку пепла. — Дал моей дочери погибнуть и, нарушая все запреты, прибегнул к поискам ее искры. И к чему это привело? К тому, что теперь ты спишь со своей адепткой? Как низко ты пал, Аврелиан!

Загорн буквально рычал, оскалив зубы и ослепляя меня блеском драгоценных камней, усыпавших его обод — знак величия. В янтарных зрачках играли молнии, на скулах вздулись желваки, губы Загорна подрагивали и уголки сползали вниз, демонстрируя мне собственное пренебрежение. На Поэну он ни разу не взглянул, но я знал, что без ее присутствия меня бы казнили без причин и следствий. И еще неизвестно, что стало бы с Ариной! Сейчас Загорн думал, что она одна из многих, хранительница, которая проникла в мою постель и околдовала меня настолько, что я поделился с ней своей божественной искрой, и слава ангелам смерти! Если бы только Уно проговорилась, нам бы с Ариной больше не держаться за руки, не спать в одной постели, сжимая друг друга в объятиях и не смея думать, что отныне так будет всегда.

— Так и будешь молчать? — вскрикнул Загорн, а я представил, как перед ним сидит Арина, сжавшись от страха и боли.

«Нет, он не получит и малейшего шанса увидеть ее, не то, чтобы говорить!» — подумал я, собирая остатки воли в кулак.

— Что ты хочешь от меня услышать? — безжизненным голосом спросил я, глядя в лицо своего злейшего врага, который когда-то держал меня на руках, даруя свет путеводной звезды. Как далеки те времена, и как много лжи, лицедейства и неблагоприятных поступков нам открывается, пока мы взрослеем. — Что я сожалею? Это вред ли...

— Что ты отрекаешься от девчонки и навсегда покидаешь долину, растворяясь наряду со своим змеенышем, который учинил тут расправу над архангелами! А судьбу девочки доверь решить нам, — выплюнул Загорн, снова сжимая пальцы на подлокотнике кресла. Он явно намекал на отравление Ахорна, но позабыл, что и Уно принимала активное участие в том, чтобы совратить адептов Храма с их верного пути.

— Они всего лишь дети, — ответил я спокойным тоном, на который едва хватало сил и

терпения, — и я не отрекусь ни от одного из них, тем более от Арины.

Загорн ударил кулаком по столу, заставляя архангелов встрепенуться. Все четверо напряглись, предугадывая дальнейшее развитие событий, но я итак знал, чем все закончится.

Загорн не зря захлебывался ядом, отравляя своим дыханием воздух вокруг, потому что лишь Поэна, как нейтральная сторона и представительница ангелов смерти, решает в этой комнате, кому жить, а кому умирать.

— Довольно, — подала она голос, поднимаясь с кушетки у окна. — Достаточно, — сказала Поэна, поднимая руку.

Загорн скрипнул зубами. Я отчетливо услышал этот звук, пряча ухмылку и с облегчением выдыхая. Если Поэна вмешалась, значит, этому бесконечному спору скоро придет конец.

— Я приняла решение, — медленным и спокойным тоном сказала Поэна, застывая возле окна и приковывая к своей фигуре взгляды всех, кто сейчас находился в моем кабинете. — Ллойд наказан, а Арина виновна лишь в том, что влюбилась в высшего, будучи простой... хранительницей.

Вздвогнув, я сжал челюсти так сильно, как только мог. Поэна едва не назвала Арину смертной, но, соврав при высшем, она лишала себя всяческих привилегий, в том числе и жизни в подпространстве среди ангелов смерти. Она сделала и свой выбор тоже.

— Аврелиан нарушил правила, и за это понесет наказание. Отныне Храм — это дом для адептов, учебное заведение, ректором которого станет достойный. Мы с вами выберем его, не так ли, Загорн? — спросила Поэна, обратившись к высшему, который лишь коротко кивнул, оставаясь при этом с маской надменности и оскорбленной гордости на великолепном лице, словно высеченном из куска драгоценного металла.

Поэна вновь развернулась к окну и посмотрела на долину, расправив плечи и сомкнув руки за спиной.

— Храм Семи Ступеней — это самое лучшее место для того, чтобы обучать детей Олимпа, — воодушевленно произнесла она, — и ваш приезд ничего не изменит, Загорн. Для Уно можете придумать любое наказание, но судьбу Ллойда и Арины решать не вам. Отправляйтесь к себе на Олимп и готовьте комиссию, которая рассмотрит всех претендентов на роль будущего ректора Храма.

Поэна сама не представляла, какую битву затевает, но я уже отрешился от мыслей об этом, предоставляя ей полное право распоряжаться здесь всем до назначения нового ректора. Загорн же не сказал больше ни слова, величественно поднимаясь с моего кресла и молча покидая кабинет. Архангелы вышли следом, а Поэна еще немного постояла, глядя в окно, после чего устало выдохнула и повернулась ко мне лицом.

— Прости, но мне бы в любом случае пришлось лишиться тебя должности, — сказала она, словно оправдываясь.

— Спасибо, что сохранила наши жизни, — ответил я коротко, поднимаясь с кресла и обходя стол, чтобы в последний раз занять законное место ректора Храма Семи Ступеней.

Мелиор и Робус материализовались на пороге, едва в коридоре затихли шаги высших. На их лицах читалась тревога, но я молча покачал головой, призывая их к молчанию. Мелиор приоткрыл полу мантии, демонстрируя бутылку превосходного виски, и я усмехнулся, открывая ящик и доставая бокалы.

— Не буду вам мешать, — сухо отчеканила Поэна, вздернув подбородок и прошествовав мимо моих друзей, при этом она так грозно посмотрела на Мелиора, что тот стусевался и

запахнул мантию, едва не удушив себя при этом.

— Она остается за главную? — насмешливо спросил Робус, закрывая дверь и оглядывая кабинет таким взглядом, словно прощался с ним, а я кивнул, зажигая пламя в камине и всеми мыслями устремляясь к Арине.

«Как там моя девочка? Гуляет с друзьями и думать обо мне забыла?»

Я до сих пор ревновал ее к каждому парню, что просто смотрел на нее, и никак не мог привыкнуть к тому, что Арина каждый вечер засыпала в моих объятиях.

— Моя мечта сбылась, — устало выдохнул Мелиор, вольготно располагаясь на кушетке и закидывая ногу на ногу. Он достал виски и смотрел, как янтарная жидкость играет бликами в свете пламени. — Я увидел Загорна — правителя Олимпа.

— Нашел о чем мечтать, — буркнул Робус, нервным жестом одергивая рукава мантии. — Благословен тот час, когда он покинет пределы долины!

— Кто бы спорил? — нахмурил светлые брови Мелиор, поправляя золотые локоны, падающие на его херувимное лицо. — Я и не утверждал, что мечта была достойной.

Мне ничего не оставалось, как выслушивать этот бред, потягивая обжигающий напиток, и ждать, когда друзья наговорятся, чтобы, наконец, разойтись по своим покоям. Избавиться от них удалось спустя пару часов, причем Мелиор выходил из кабинета твердой походкой и с бокалом, полным янтарной жидкости. Я поражался, как ему удастся уничтожить столько виски и при этом выглядеть абсолютно трезвым.

За окном сгущались сумерки. Природа долины засыпала, скованная приближающимися холодами, тишина нарушалась лишь ветром, не стихавшим здесь никогда, и плеском млечных вод озера, сейчас казавшимися черными. На верхушках острых зубастых гор еще с прошлой ночи застыли каплевидные светящиеся потоки, остатки звездного сияния. Сейчас они сгущались шапками-облаками, закрывая границы и отделяя Олимп от долины Поднебесья.

Я пытался заглянуть туда, за тяжелую гряду горных вершин, чтобы увидеть Загорна и Агату, узнать их чувства и желания, почувствовать их злость, боль или равнодушие. Умирая, Злата молила меня простить их, простить ее родителей, которые винили в смерти дочери кого угодно, кроме самих себя. Злата создала самое лучшее учебное заведение, организовала и вдохнула жизнь в стены Храма, который даже ангел смерти посчитал лучшим местом для воспитания детей Олимпа, а Агата в долине так ни разу и не появилась.

— Прощай, Злата, — произнес я фразу, которую привык говорить каждый вечер, глядя на просторы долины. — Позволь мне любить другую. — Попросил я бывшую жену, зная, что она поймет, простит и порадуется нашему с Ариной счастью. Несмотря на Тьму, данную Злате при рождении, она являлась самой светлой женщиной в Поднебесье, словно с рождения поклялась стать лучше, вопреки законам и самой судьбе.

Плотно прикрыв дверь в кабинет, я решил, что отдам его Поэне вместе с запасами виски, а потом посмотрю, как Мелиор станет воевать с самим ангелом смерти за возможность просиживать у нее в гостях долгими вечерами.

В спальне царил полумрак, а на кресле лежала мантия Арины, подол которой хранил следы плодотворно проведенного дня. Я поднял тяжелую ткань, вдыхая аромат любимой и прислушиваясь к шуму льющейся воды. На лице заиграла предвкушающая улыбка, а по телу пробежали мурашки, едва я представил, что могу, наконец, расслабиться и позволить нам любить друг друга.

Скинув одеяния и отправив драгоценный обод в ящик комода самым небрежным

жестом, на который был сейчас способен, я приоткрыл дверь в душевую и зашел внутрь, слушая голос Арины. Она тихо пела, и ее звонкий и чистый голос эхом отдавался в просторном помещении, заполненном уютными клубами пара.

— Арина, — выдохнул я имя своей нежной, хрупкой и такой сильной девочки. Она вздрогнула, выключила воду и предстала передо мной полностью обнаженной, с длинными огненными прядями, обрамляющими ее кукольное личико и хрупкую фигуру с высокой упругой грудью и тонкой талией, на которой я тут же сомкнул ладони.

— Расправь свои крылья для меня! — попросил я ее шепотом, поймав удивленный взгляд, и тут же поцеловал сладкие губы с привкусом карамели. Жестко, требовательно и страстно, как мечтал с того самого момента, как покинул свои покои рано утром.

— Не здесь, — успела шепнуть Арина, а я подхватил ее под попку и приподнял, прижимая к стене.

Огненная девочка, она заводилась с одного поцелуя, с первой же ласки, готовая отдать всю себя в ответ. Она выгибалась в моих руках, прижимаясь пиками возбужденных сосков к моей груди, стонала и терялась пальчиками в моих волосах, а я сходил с ума от ее жарких прикосновений и требовательных укусов, оставляющий следы на моей шее.

— Я покажу тебе место, где круглый год тепло и цветут самые красивые растения долины. — Прошептал я Арине в губы, создавая облако и шагая туда с возлюбленной на руках. Мы оказались далеко от Храма, на самой границе с Олимпом. Здесь с гор спускалась шумливая река, образуя в низине глубокое озеро, воды которого подогревались термальными источниками. По берегам озера росли красные цветы страсти, и я опустил Арину прямо на их нежные хрупкие стебли, опьяненный ее присутствием.

— Красиво, — прошептала она, зарываясь носом в мои распущенные по плечам волосы. — Ты потерял свой дом?

Ее сдавленный шепот, который я едва различил, заставил меня улыбнуться.

— Это место давно перестало быть моим домом, — ответил я, лаская ее плечи и пробегая пальцами по позвонкам.

— Расскажи мне о нем, — попросила Арина хриплым голосом, взглядом уносясь за пределы долины. — Ты родился и вырос там, ты любишь Олимп.

— Олимп... и он больше не считается моим домом, — возразил я Арине, слизывая прохладные капли с ее груди, и Арина закусывала губу, держась из последних сил. — Нам еще предстоит найти его, милая моя, вместе.

— Так нечестно, — прошептала Арина, стараясь сосредоточить на моем лице помутневший от возбуждения взгляд. — Расскажи, — взмолилась Арина.

— Олимп прекрасен. О нем не принято рассказывать, его нужно один раз увидеть, и ты сама все поймешь! — ответил я своей любопытной девочке, глаза которой разгорелись жадным огнем. Я узнал этот пожар, который подарил Арине крылья и новые способности и боялся, что рано или поздно, ей станет тесно в долине Поднебесья.

— Только не сейчас и не со мной, — сказал я вслух, отвечая собственным мыслям. — Я люблю тебя, Арина.

— Я люблю тебя, — вторил моим словам ее тихий шепот.

Арина провела по моему плечу ноготком, а я отдался ее рукам, губам и страсти, которая свела меня с ума одним далеким осенним днем.

Вместо эпилога

(Мелиор)

Первый зимний месяц в долине Поднебесья ознаменовался резким потеплением, и адепты высypали на прогулку, радуясь тому, что можно больше не прятаться в Храме от непогоды. Поэна стояла на крыльце и провожала каждого, кто проходил мимо нее, суровым прямым взглядом, и от ее сверлящего внимания бежали не только адепты. Вряд ли она понимала, какое воздействие оказывает на окружающих одним своим присутствием. Легендарная личность, потому что каждый ангел смерти — это и есть легенда, Поэна внушала благоговейный страх. После официального заявления о том, что она временно замещает Аврелиана на посту ректора, адепты успели насочинять таких небылиц о ее прошлом, настоящем и будущем, что впору записывать и распространять, как нелегальное чтиво на ночь не для слабонервных.

— И ты туда же? — остановила она меня, скрещивая на груди руки и сурово сдвигая брови. От этого мимолетного движения некрасивая складка прорезала ее высокий гладкий лоб.

Я в очередной раз решил оставить в кабинете свою должность, снял ее, как вторую кожу, и переобулся, собираясь провести в Облачном парке все выходные. Нет, не кутить, наряду с адептами, но использовать свой выходной по максимуму продуктивно.

Помедлив, я подошел к Поэне и встал к ней плечом к плечу, запрокидывая голову и вспоминая, что у Аврелиана в Венценосной башне еще достаточный запас виски, который поможет справиться с любой проблемой.

«Вот, сейчас выдержу нелегкий разговор с Поэной и напьюсь! Только бы еще успеть забрать в кузне оружие, которое ковалось специально для меня», — промелькнула в голове мысль.

Клинок из божественного сплава. О нем я мечтал так же давно, как и о том, чтобы встретиться лицом к лицу с правителем Олимпа — Загорном. Первая мечта оказалась прахом, осыпавшимся под ноги и оставляющим на души грязные серо-черные разводы, но уж клинок-то точно не подведет!

— Все никак не смиришься с тем, что тебе за сотню, Мелиор? — осуждающим тоном произнесла Поэна, оставляя надрезы на коже своими взглядами. — Не нагулялся? Остепениться не хочешь?

— Нет, — ответил я нетерпеливо, — на все три вопроса.

Поэна недовольно поджала губы, но продолжать не стала, и ее руки безвольно упали вдоль тела.

— Я понимаю, не просто адаптироваться к этому поганому существованию вновь, — посочувствовал я, пожимая плечами и едва касаясь ткани ее мантии.

— Ты прав, время в подпространстве течет иначе, — согласно кивнула Поэна, глядя на вершину гор. — Боюсь, я взвалила на свои плечи непомерную ношу.

Хмыкнув, я повернулся к ней лицом.

— Ангел смерти считает должность ректора Храма Семи Ступеней — непомерной ношей? — улыбнувшись, я вдруг рассмеялся в полный голос, запрокидывая голову. — И ты права, Поэна, как же ты права! За сотню лет я не научился справляться со сложностями,

которые порой сваливаются на меня, как на наставника, что уж говорить о ректорстве. Радуйся, что тебе недолго занимать эту должность, и какой-нибудь неудачник, вдохновленный на Олимпе пламенными речами Загорна, скоро встанет во главе Храма.

— А вот это вряд ли, — печально покачала Поэна головой. — Я не позволю ему прислать сюда какого-нибудь неопытного архангела, который только испортит мне детей.

Присвистнув про себя, я лишь постарался скрыть тревогу и волнение, что выступили на коже холодным потом.

«Да уж. После Аврелиана ходить под начальством ангела смерти, да еще и женщины — такая себе перспектива!»

— Родители Майкла Гавра и Нобис мертвы, — вдруг резко сменила она тему, опустив голову и прикусив губу. — Но я не знаю, как сказать им об этом.

— Падшие Турпифа, — выругался я, а в грудь толкнулось столько боли за судьбы ни в чем неповинных детей, что стало нечем дышать.

«К гончим клинок из божественной стали, я нужен Поэне, здесь и сейчас», — подумал я, прощаясь с оружием, о котором так долго мечтал.

— Мы сообщим им вместе, — положив ладонь на плечо ангела смерти, я почувствовал лишь то, что она из плоти и крови и умеет дрожать, как обычная женщина, обязанная отвечать за последствия ужасных поступков, совершенных не ею.

— Спасибо, — ответила она, поспешно делая шаг в сторону, и моя рука повисла в воздухе. — Но они родились и выросли на Олимпе, они готовы к тому, о чем я собираюсь им сообщить.

— Что за чушь, — рассердился я, сжимая кулаки. — Они всего лишь дети.

— Не сравнивай детей Олимпа с другими адептами, Мелиор, — грозно произнесла Поэна низким громким голосом, и стайка адептов второй ступени, в этот момент выходявшая на крыльцо, испуганно юркнула обратно. — Престолы обязаны служить высшим, как и хранители, и архангелы. Не нам с вами ломать устои, сложившиеся испокон веков. Удовольствуйтесь тем, что сможете спокойно жить в долине Поднебесья бесконечно долгое время, воспитывать новых хранителей и путешествовать по мирам в качестве лучшего друга Аврелиана, а про Олимп забудьте. Майкл Гавр не вернется туда, как и Нобис. Им уготована иная участь.

— Олимп — их дом, Поэна. Ты противоречишь сама себе! И, если я согласен на подобные условия, то только благодаря тому, что для меня Олимп всегда оставался далек и неприступен. Никто из этих ребят не смирился с тем, что для них путь в родной дом навсегда закрыт.

— Им придется смириться с этим, — непререкаемым тоном ответила Поэна и вдруг поникла, — ангелы смерти приняли решение не вмешиваться в происходящие события.

— Что ж... — коротко бросил я в ответ, собираясь уйти, но Поэна схватила меня за руку, и ее пальцы обожгли ледяными иглами стужи.

— Помоги мне, — попросила она, и в огромных глазах плескалось столько неуверенности в себе, что я даже удивился. — Ты один из лучших, Мелиор.

— Разве? — я приподнял бровь и скривил губы в ухмылке. — Брось, Поэна, я довольствуюсь малым — выпивкой и нелегальными прогулками с адептами в Облачный парк развлечений.

— Мы оба знаем, что это не все грани твоей натуры, — улыбнулась она иначе, подобному, продолжая сжимать мою ладонь своими тонкими ледяными пальцами. И, как ни

странно, это прикосновение не казалось мне противным или неправильным, наоборот, я хотел сжать ее руку в ответ и согреть собственным горячим дыханием озябшие пальцы женщины.

— Я уже предложил свою помощь и не откажусь от собственных слов, — сказал я твердым тоном, но все же одернул свою ладонь и поспешно спрятала ее в карман мантии. Кожу еще покалывало в том месте, где к ней прикасались пальцы Поэны.

Горько усмехнувшись и тут же придав лицу совершенно нечитаемое выражение, Поэна молча кивнула и поспешно сошла с крыльца, поворачивая в сторону Парящих аллей. Как только ее фигура скрылась за плотной завесой облака, из Храма высыпали адепты, шумно переговариваясь, смеясь и бегом направляясь в Облачный парк развлечений. Видимо, ждали, когда наш разговор закончится и, не дай Агата, подслушивали! Майкл и Нобис заслужили, чтобы им сообщили о смерти родителей лично, а не через кого-то.

«Ангелы смерти приняли решение не вмешиваться», — крутились у меня в голове слова Поэны, пока я шел проторенной тропой в кузницу, что располагалась недалеко от Облачного парка.

— Клеймо отступников на каждом из них только потому, что они дети отступников, — произнес я себе под нос, отчаянно сжимая кулаки и желая высшим Олимпа сгореть в пламени ярости и ненависти, что они несли в себе. — Где же выход из всего этого?

Прав был Аврелиан, когда говорил, что перевоспитать всех высших мы не в силах, но вот воспитать новое поколение, которое не гнушается обществом инитов, престолов и хранителей — это в наших с Поэной силах.

Мне даже понравилось, как сочетаются наши имена, и я еще долго улыбался, шагая по мерзлой, чуть хрустящей траве.

— На твоем лице столько отчаянной решимости урегулировать все вопросы Поднебесья здесь и сейчас, что в первый момент я даже подумал не нарушать твою уединенную прогулку.

— Аврелиан! — воскликнул я и обнял друга, отметив его цветущий вид. — Где был?

Подозрительно растрепанная одежда, отсутствие привычного обода и смешинки в янтарном взгляде придавали Аврелиану мальчишеский вид, и я отметил, что наконец-то он выглядит счастливым и умиротворенным.

— Предавался размышлениям в своем любимом месте уединения? — спросил я Аврелиана, скрывая усмешку.

— Теперь это место принадлежит не мне одному, — ответил он, расплываясь в совершенно очаровательной улыбке, от вида которой у меня екнуло сердце. Нет, я не завидовал, я радовался за друга так, как никто бы другой не смог.

— И сколько часов удалось поспать? — спросил я Аврелиана.

— Столько, что чувствую себя окрыленным, — отшутился друг, взгляд которого выхватил в толпе хрупкую фигурку Арины с непокорной гривой рыжих волос, рассыпавшихся по плечам. Она держала под ручку Нобис и мило болтала с Остином. Майкл Гавр шел рядом, о чем-то горячо споря с другими архангелами. И это им я обязан сообщить новость, способную разрушить устоявшийся порядок вещей?

— Как ты справлялся? — спросил я Аврелиана, и он все понял без дополнительных разъяснений и вопросов.

— С трудом, — ответил друг, нахмурившись и покачав головой. — Но теперь это прерогатива Поэны, а мы с Ариной отбываем, как только отзвонят колокола на Венценосной

башне, предвещающие новый год.

— Хоть бы они отвалились, — выругался я, — пойдем со мной в кузню, покажу тебе оружие, о котором так долго мечтал.

Аврелиан усмехнулся, но ничего не сказал, кивнув головой и просто шагая рядом, плечом к плечу со мной.

— Мне будет тебя не хватать, — сказал я тихо, но он услышал и ответил твердым голосом, полным убеждения в правдивости собственных слов.

— И вы с Робусом справитесь. Ты не один, помни это.

В этот момент Арина обернулась и нашла взглядом наши лица, вдруг озорно улыбнувшись Аврелиану и помахав ему ладошкой. Мой друг с сиропным взглядом расплылся в такой глупой улыбке, что я окончательно понял, насколько он утерян для Храма.

— Я не могу жить без нее, — произнес Аврелиан, — догоним этих детей и покажем им, как могут веселиться настоящие высшие!

Я не заставил себя ждать, шагая следом за Аврелианом и радуясь тому, что напоследок он все же посетит Облачный парк развлечений и узнает, что там происходит на самом деле...

Больше книг на сайте - Knigoed.net